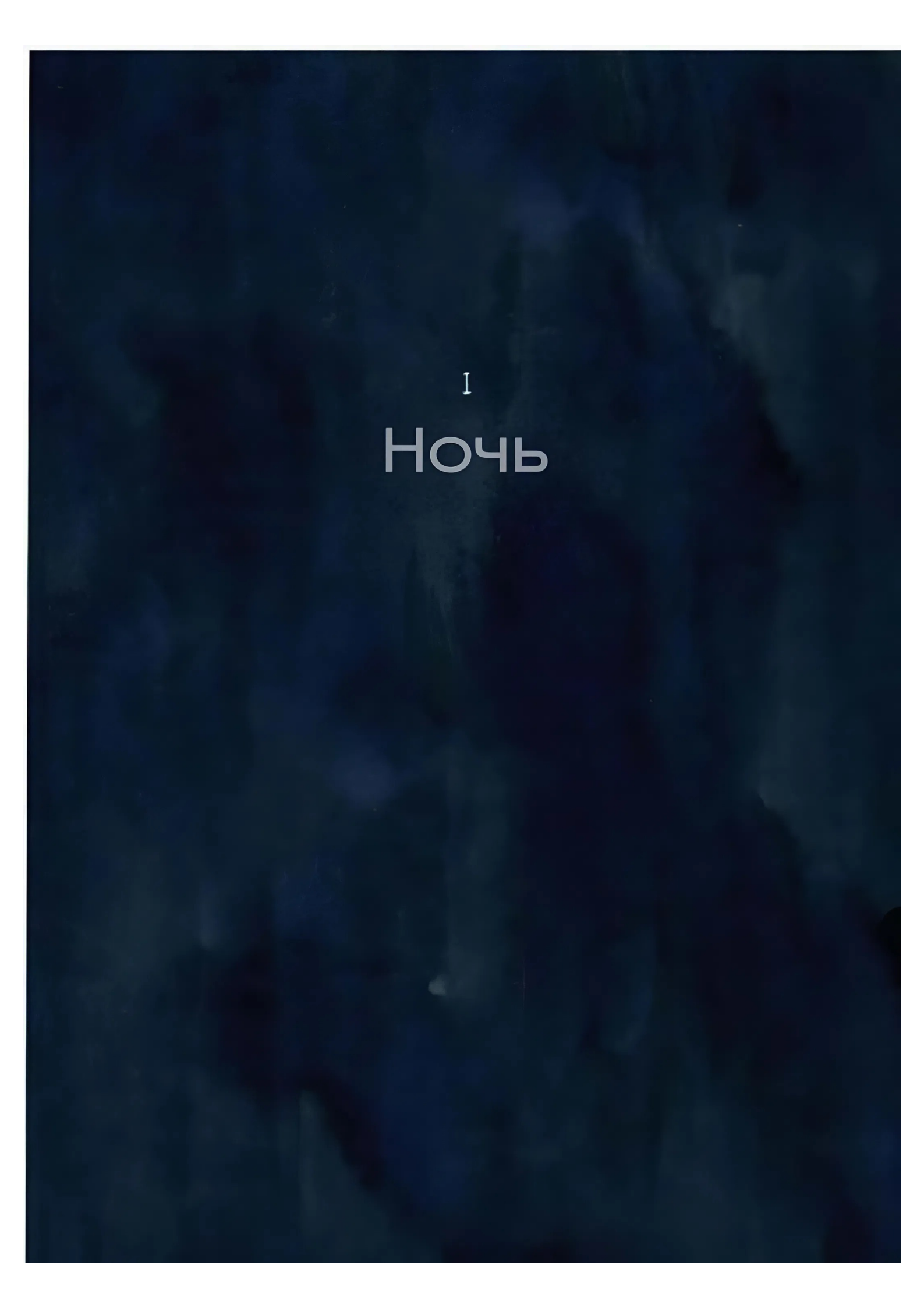

I

НОЧЬ

КРАСНАЯ КОМНАТА.

СПАЛИ МЫ В БЫВШЕМ СПОРТЗАЛЕ.

ПАТРУЛИРОВАЛИ ТЁТКА САРА И ТЁТКА ЭЛИЗАБЕТ.

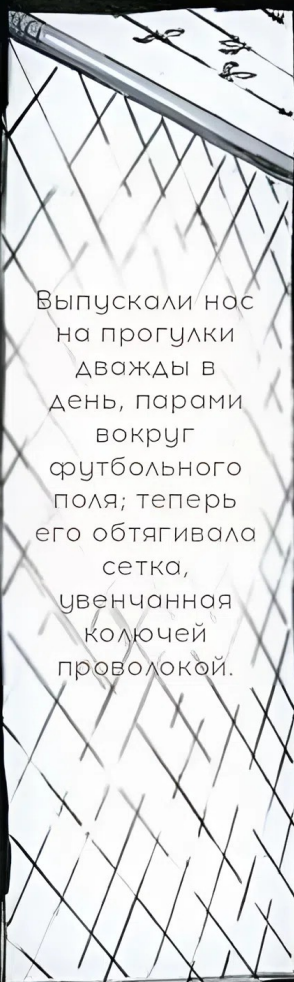
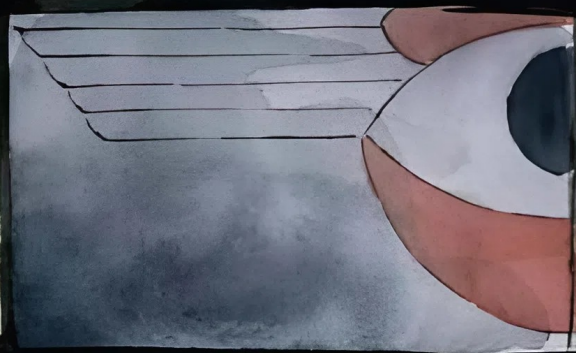
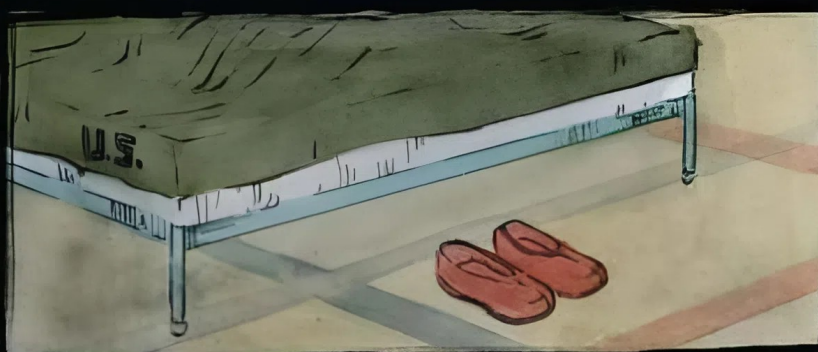
К КОЖАНЫМ ПОЯСАМ У НИХ ЦЕПЛЯЛИСЬ НА
РЕМЁШКАХ ЭЛЕКТРОБИЧИ.

НО БЕЗ ОРУЖИЯ — ДАЖЕ ИМ НЕ ДОВЕРЯЛИ ОРУЖИЯ.

ОРУЖИЕ — ДЛЯ КАРАУЛЬНЫХ, ОСОБО ИЗБРАННЫХ
АНГЕЛОВ. КАРАУЛЬНЫХ НЕ ПУСКАЛИ ВНУТРЬ, ЕСЛИ ИХ
НЕ ЗВАЛИ, — А НАС НЕ ВЫПУСКАЛИ.

Выпускали нас
на прогулки
дважды в
день, парами
вокруг
футбольного
поля; теперь
его обтягивала
сетка,
увенчанная
колючей
проволокой.

Ангелы стояли снаружи,
спинами к нам.

МЫ НАУЧИЛИСЬ ШЕПТАТЬСЯ ПОЧТИ БЕЗЗВУЧНО.

МЫ ПРОТЯГИВАЛИ РУКИ В ПОЛУТЬМЕ, КОГДА ТЕТКИ
ОТВОРАЧИВАЛИСЬ, МЫ СОПРИКАСАЛИСЬ ПАЛЬЦАМИ ЧЕРЕЗ ПУСТОТУ.

МЫ НАУЧИЛИСЬ ЧИТАТЬ ПО ГУБАМ: ПОВЕРНУВ ГОЛОВЫ
НА ПОДУШКАХ, МЫ СМОТРЕЛИ ДРУГ ДРУГУ В РОТ. ТАК
МЫ ПЕРЕДАВАЛИ ИМЕНА — С КОЙКИ НА КОЙКУ:

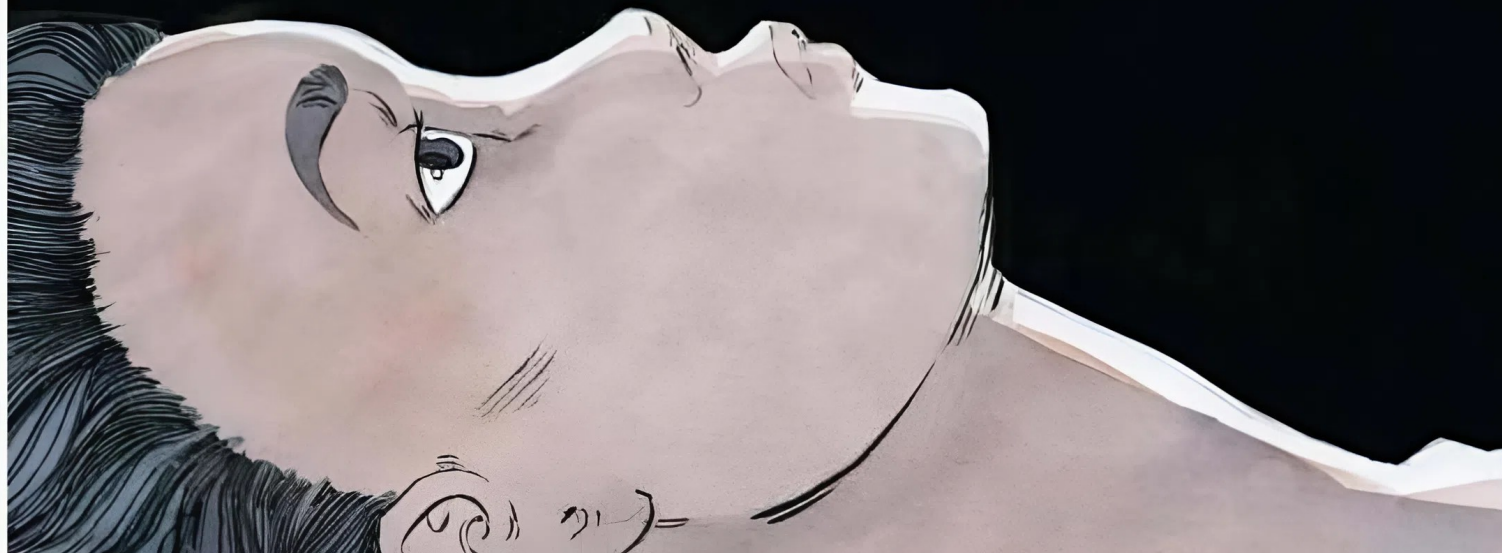
АЛЬМА.

ДЖАНИН.

ДОЛОРЕС.

МОЙРА.

ДЖУН.

П о к у п к и

Дом Командора.

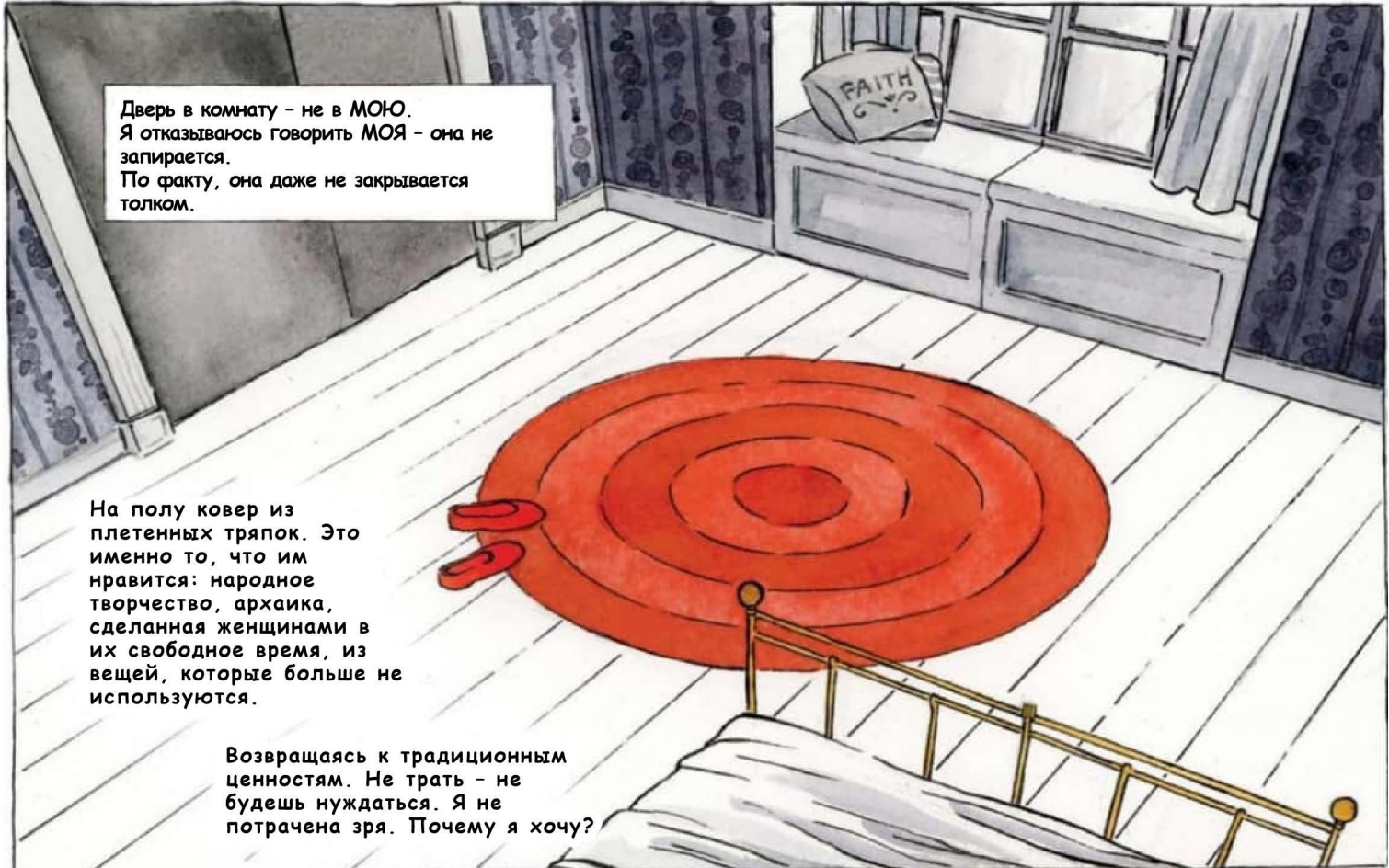
Сейчас меня зовут Фредова, и я живу здесь.

Стул,

стол,

лампа.

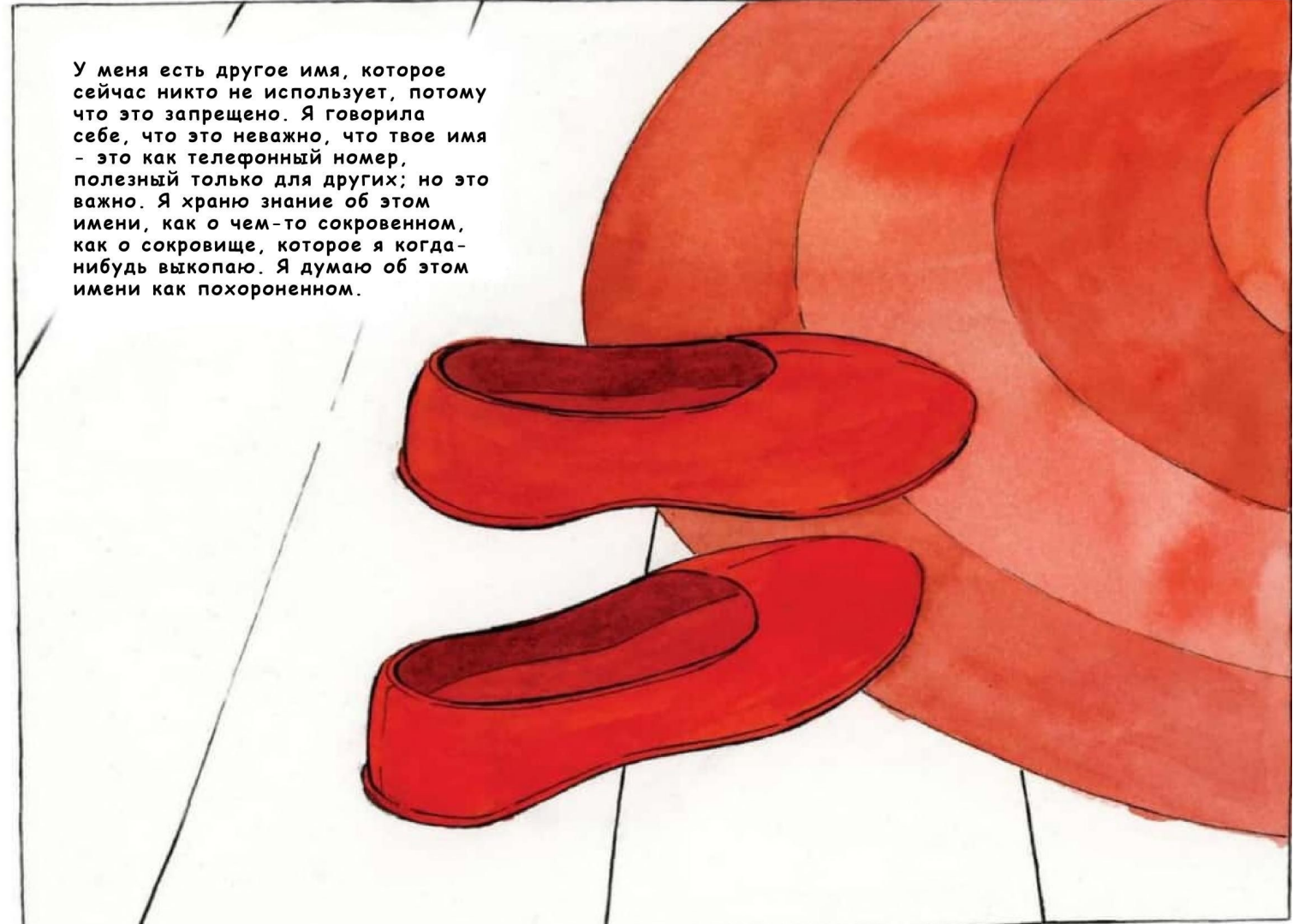
Вверху, на белом потолке, рельефный орнамент в форме венка, а в центре – заштукатуренное пустое место, как место на лице, откуда был вырван глаз. Когда-то здесь, должно быть, была люстра. Они убрали все, к чему можно привязать веревку.

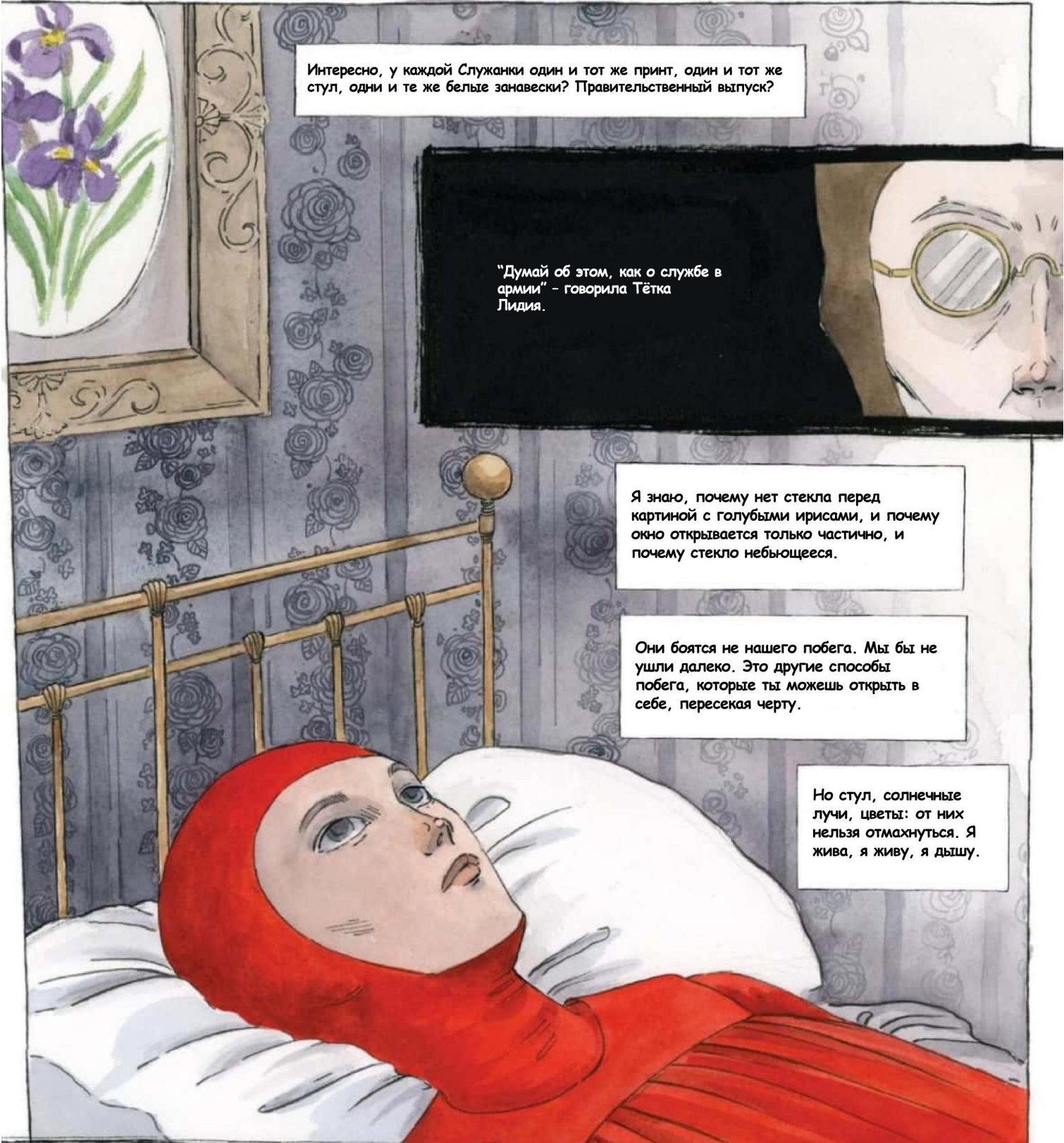
Дверь в комнату – не в МОЮ.
Я отказываюсь говорить МОЯ – она не
запирается.
По факту, она даже не закрывается
толком.

На полу ковер из
плетенных тряпок. Это
именно то, что им
нравится: народное
творчество, архаика,
сделанная женщинами в
их свободное время, из
вещей, которые больше не
используются.

Возвращаясь к традиционным
ценностям. Не трать – не
будешь нуждаться. Я не
потрачена зря. Почему я хочу?

У меня есть другое имя, которое
сейчас никто не использует, потому
что это запрещено. Я говорила
себе, что это неважно, что твое имя
– это как телефонный номер,
полезный только для других; но это
важно. Я храню знание об этом
имени, как о чем-то сокровенном,
как о сокровище, которое я когда-
нибудь выкопаю. Я думаю об этом
имени как похороненном.

Интересно, у каждой Служанки один и тот же принт, один и тот же стул, одни и те же белые занавески? Правительственный выпуск?

"Думай об этом, как о службе в армии" – говорила Тётка Лидия.

Я знаю, почему нет стекла перед картиной с голубыми ирисами, и почему окно открывается только частично, и почему стекло небыщееся.

Они боятся не нашего побега. Мы бы не ушли далеко. Это другие способы побега, которые ты можешь открыть в себе, пересекая черту.

Но стул, солнечные лучи, цветы: от них нельзя отмахнуться. Я жива, я живу, я дышу.

То, где вы находитесь, – это не тюрьма, а привилегия.

Всё, что носят Служанки – красное:
цвет крови, который определяет нас.

“Крылья” – это
тоже проблема.
Они закрывают
нам обзор, но
также и нас от
взглядов.

Мне никогда не
шел красный, это
не мой цвет.

Иди в Колонии.
У них есть
выбор.

С Неженщинами, и
умереть с голоду, и
Бог знает что еще?
Приехали.

В любом случае, они
делают это для нас, по их
словам. Если бы меня не
стерилизовали, это могла
быть я, скажем, лет на
десять моложе.

Это не так уж и
плохо. Это не то, что
ты зовешь тяжелой
работой.

Лучше она,
чем я.

Я просто
собираюсь пройти
по магазину...

Я достану
жетоны!

Скажи им, что нужны
свежие яйца. А не как в
последний раз. И скажи,
что необходима курица,
а не цыпленок.

Скажи им для кого
это, и тогда они не
будут валять дурака.

Сад - это владения
Жены Командора.

У многих Жен есть такие сады.
Это что-то, за чем они могут
присматривать и ухаживать.

Она не разговаривает со
мной без надобности.

Я для нее упрек;
и необходимость.

Мы впервые столкнулись лицом к лицу
пять недель назад, когда я пришла на этот
пост...

Итак, ты
новенькая.

Да.

Ну так заходи. И
закрой за собой
дверь.

Лучше всего не
говорить с Женами,
пока тебя не спросят.

Попробуй посмотреть
на это с их точки
зрения. Им нелегко.

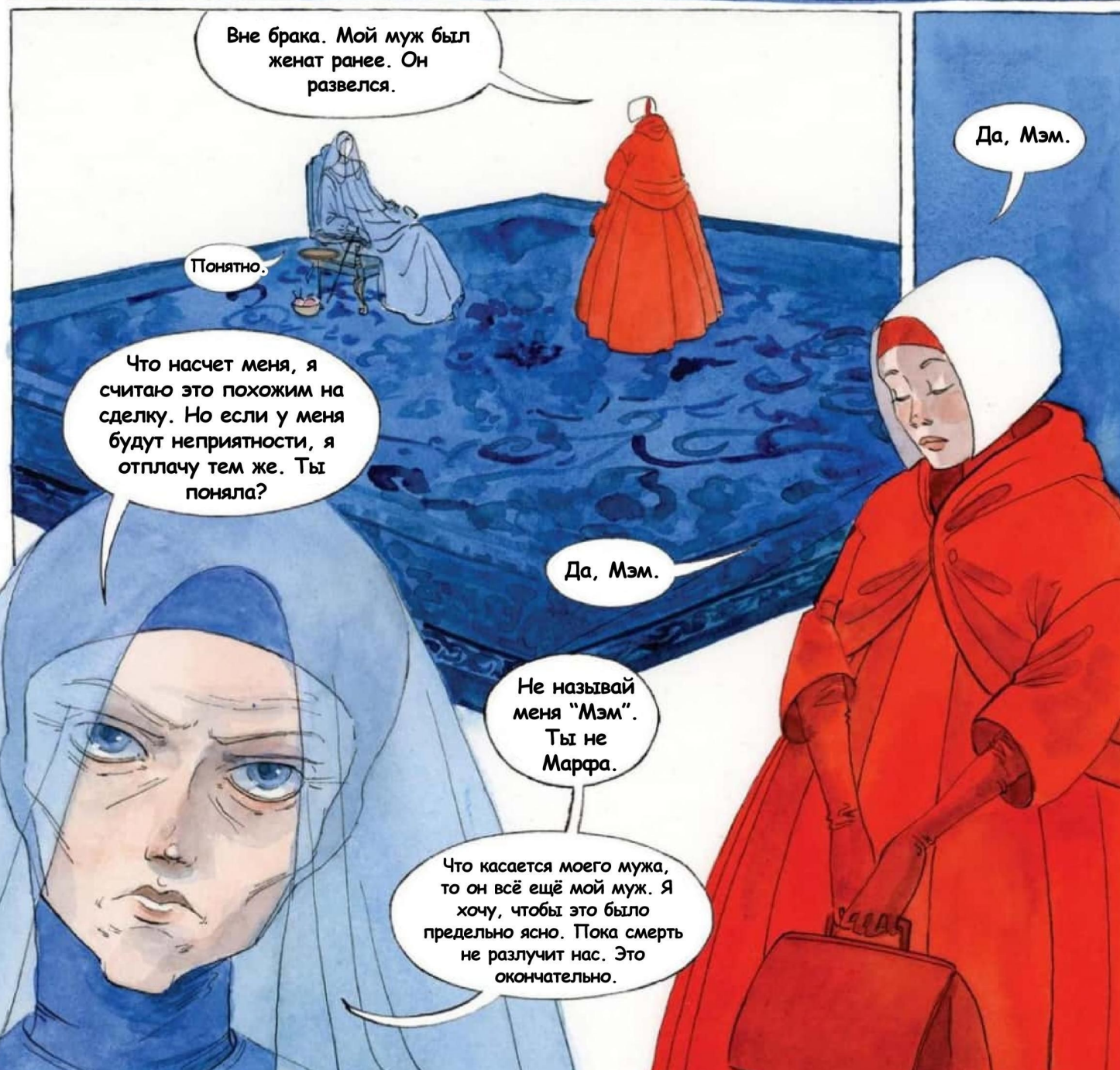

Я хочу видеть тебя
настолько редко,
насколько это возможно.
Надеюсь ты того же
мнения обо мне.

Я читала твой
материал. Ты
проявила себя
ранее. У тебя был
ребенок.

Вне брака. Мой муж был
женат ранее. Он
развелся.

Понятно.

Что насчет меня, я
считаю это похожим на
сделку. Но если у меня
будут неприятности, я
отплатю тем же. Ты
поняла?

Да, Мэм.

Да, Мэм.

Не называй
меня "Мэм".
Ты не
Марфа.

Что касается моего мужа,
то он всё ещё мой муж. Я
хочу, чтобы это было
предельно ясно. Пока смерть
не разлучит нас. Это
окончательно.

Это одна из тех вещей, за которые мы боролись.

Внезапно я осознала, где видела ее раньше.

Это произошло, когда я была маленькой, мне было восемь или девять лет.

Иногда, когда я не могла найти ни одного мультфильма в воскресное утро, я смотрела "Евангельские часы для растущих душ", где рассказывали библейские истории для детей и пели гимны.

Одну из женщин звали Серена Джой. Она была ведущей сопрано.

Она могла плакать и улыбаться одновременно, одна или две слезинки грациозно скатывались по ее щеке, словно по сигналу, когда ее голос достигал самых высоких нот, дрожащий, бесстрастный.

Женщину, сидевшую передо мной, зовут Серена Джой. Или ее когда-то звали так.

Значит, все было куда хуже, чем я думала.

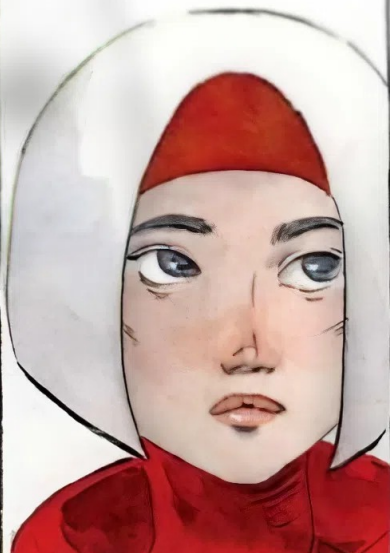

Я знаю его имя - Ник.

Он живет здесь, в доме над гаражом. У него низкий статус: он не был наделен женщиной, но он ведет себя так, будто не знает об этом или его это не волнует.

Он только что пошел на риск, но ради чего? Что, если я пожалею о нем?

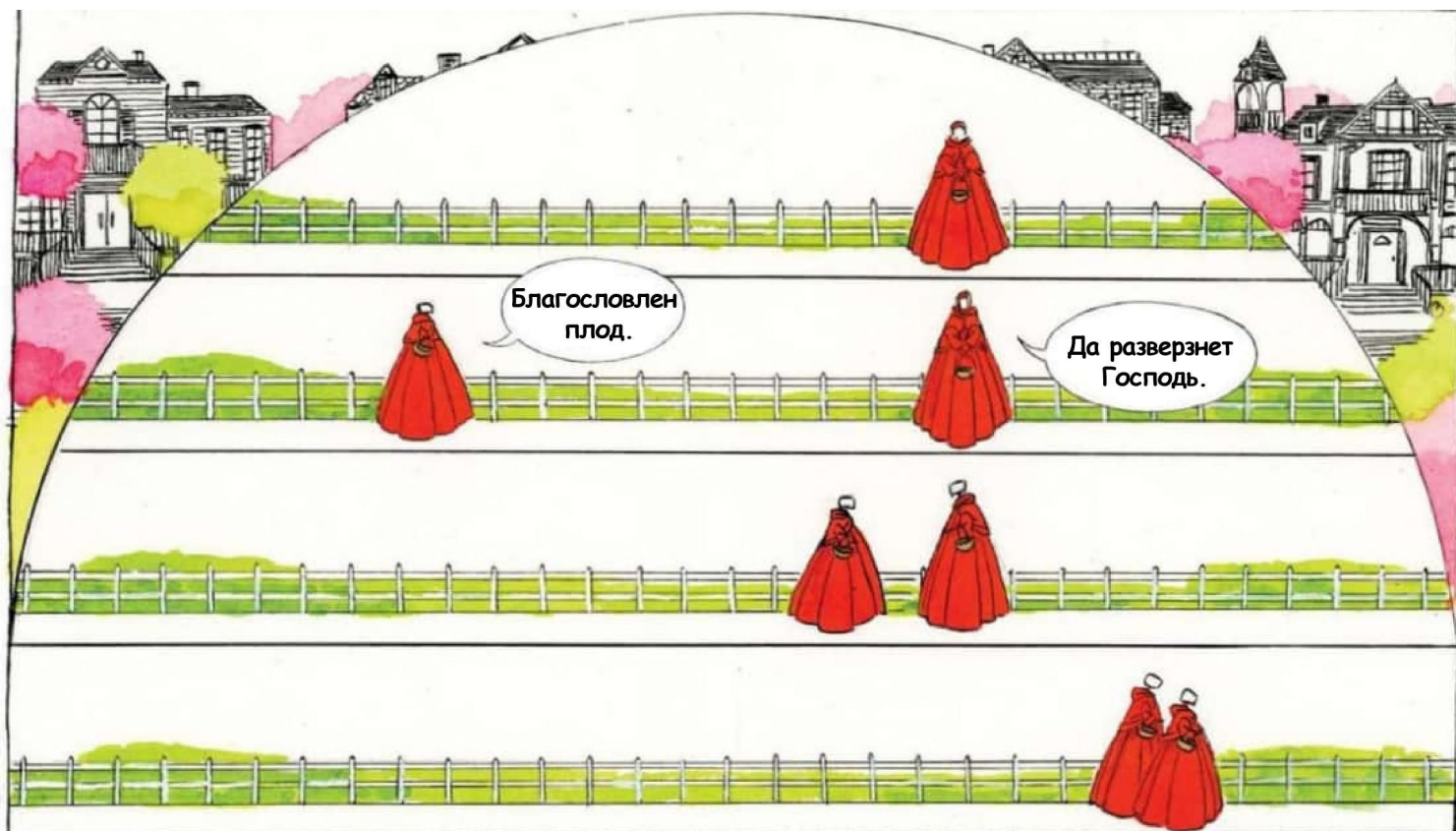

Возможно, он просто проявил дружелюбие.

Возможно, это был тест, что бы узнать, что бы я сделала.

Возможно, он Око.

Нам разрешено выходить на улиц только вдвоем. Предполагается, что это для нашей же безопасности.

Но правда в том, что она - мой шпион, а я - её.

Эта женщина была моей напарницей две недели. Я не знаю, что случилось с предыдущей. Её зовут Гленова, это всё, что мне о ней известно.

Я слышала, что война проходит хорошо.

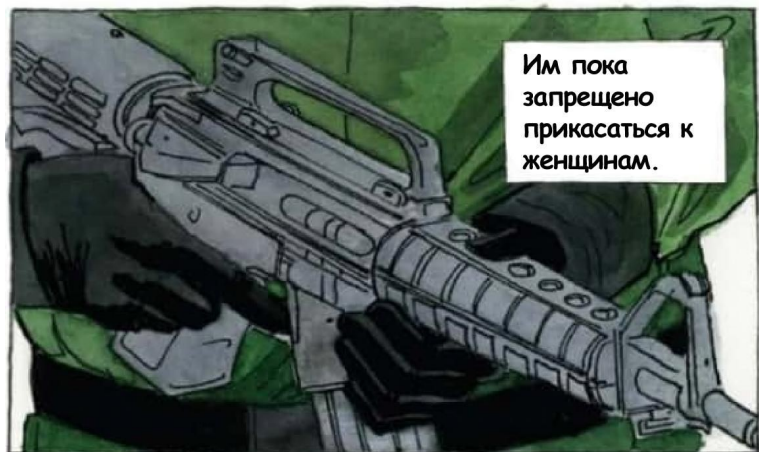
Слава Богу.

Нам была послана хорошая погода.

Я думаю о ней как о женщине, которая делает все напоказ. Она делает это для того, что бы хорошо выглядеть.

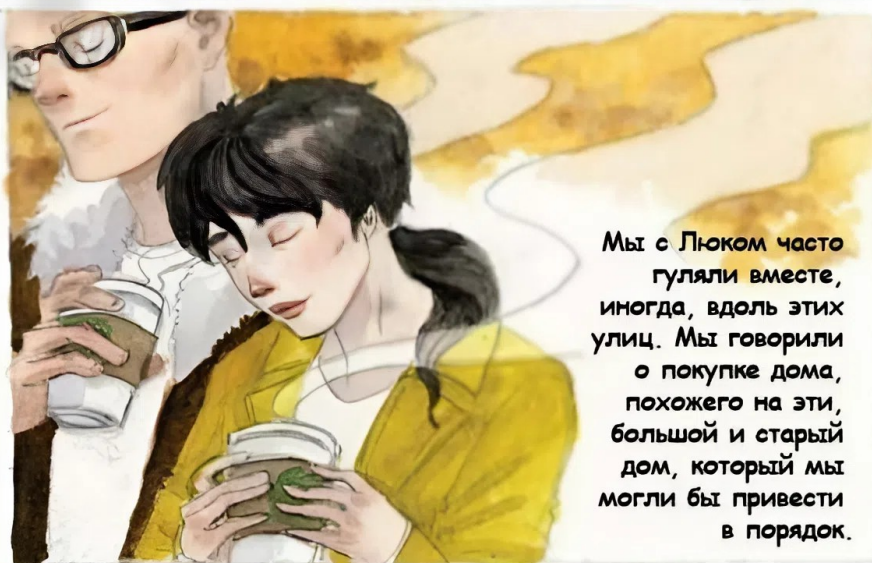

Это - сердце Галаада, куда война может вторгнуться только по телевидению. Мы не уверены, где находится граница, она меняется, в зависимости от атак и контратак; но это - центр, где ничего не перемещается.

"Республика Галаад", - говорила Тетка Лидия, - "не знает границ. Галаад находится внутри вас."

Когда-то здесь жили врачи, юристы, университетские профессора. Больше здесь нет юристов, а университет закрыт.

Мы с Люком часто гуляли вместе, иногда, вдоль этих улиц. Мы говорили о покупке дома, похожего на эти, большой и старый дом, который мы могли бы привести в порядок.

На главной улице есть и другие женщины с корзинами.

Служанки носят красное.

Тускло-зелёный — для Марф. Они тоже носят вуаль, но только снаружи — полагаю, что никого особо не волнует их лицо.

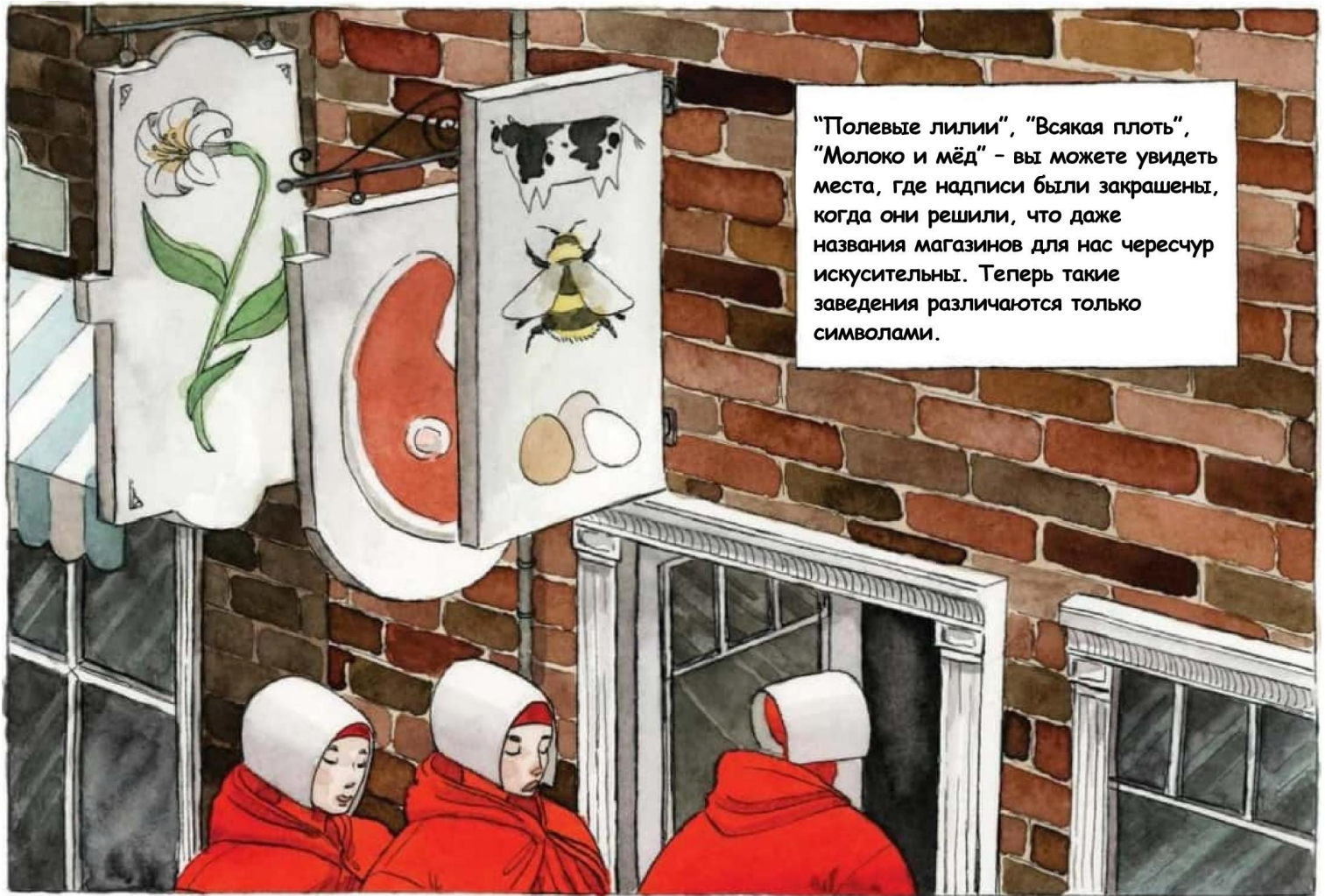

Дешевые и прямые платья в полоску подчеркивают принадлежность женщин к более бедным слоям. Их называют Эконоженами. Этих женщин не разделяют по функциям. Им приходится делать все.

Иногда попадает женщина полностью в черном — вдова. Раньше их было больше, но, по-моему, они сокращаются.

Жен Командоров на тротуаре не увидишь. Только в машинах.

“Полевые лилии”, “Всякая плоть”,
“Молоко и мёд” – вы можете увидеть
места, где надписи были закрашены,
когда они решили, что даже
названия магазинов для нас чересчур
искусительны. Теперь такие
заведения различаются только
символами.

Никто особо не разговаривает, но мы
украдкой поворачиваем головы из стороны
в сторону. В магазинах, можно встретить
знакомых — по прежним временам или по
Красному Центру.

Если б я могла увидеть Мойру,
просто увидеть, знать, что она по-
прежнему существует. Теперь сложно
представить, каково это — дружить.

Кто это?

Уэйнова. Нет.
Уорренова.

Пижонка.

Беременная женщина - это волшебное явление для нас, объект желания и зависти. Она показывает нам, что еще можно сделать: мы тоже можем спастись.

Я знаю ее. Она была со мной в Красном Центре, одна из выкормышей Тётки Лидии.

В прежние времена её звали Джанин.

Мне она никогда не нравилась.

Беременной женщине
никуда не нужно выходить.

...Блаженны кроткие, ибо им
принадлежит Республика Галаад.

Блаженны безмолвные,
ибо они услышат Бога...

Она пришла
показать себя.

Ей не нужны
прогулки. Она должна
просто делать
упражнения на полу.

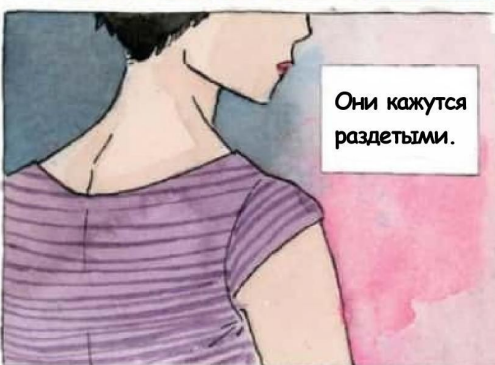
Группа туристов, похоже из Японии.

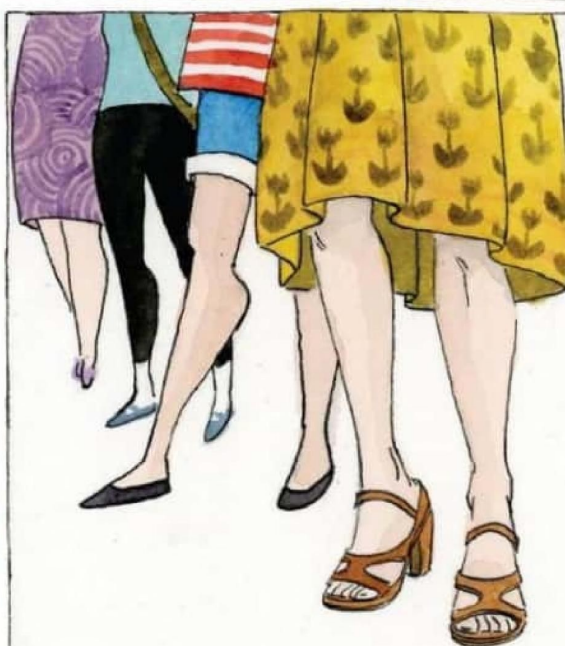
Мы с Гленовой не можем перестать смотреть на них.

Мы очарованы, но в тоже время мы чувствуем отвращение.

Они кажутся раздетыми.

Затем я думаю: "Раньше и я так одевалась". Это была свобода.

Как мало времени понадобилось, чтоб изменить наши взгляды на такие вещи.

Извините, они спрашивают, можно ли вас сфотографировать?

Европеизированные, вот нас как называли.

Я понимаю, что лучше не говорить "да".

Скромность — это невидимость.
Не забывайте об этом. Если вас увидели — вас
увидели, — значит, — ее голос вздрагивал, — в
вас проникли. А вы, девочки, должны быть
непроницаемы.

幸せですか？

Извините он
спрашивает,
счастливы ли
вы?

Да, мы очень
счастливы.

Что я еще могла сказать?

Мы пошли домой длинным путём.

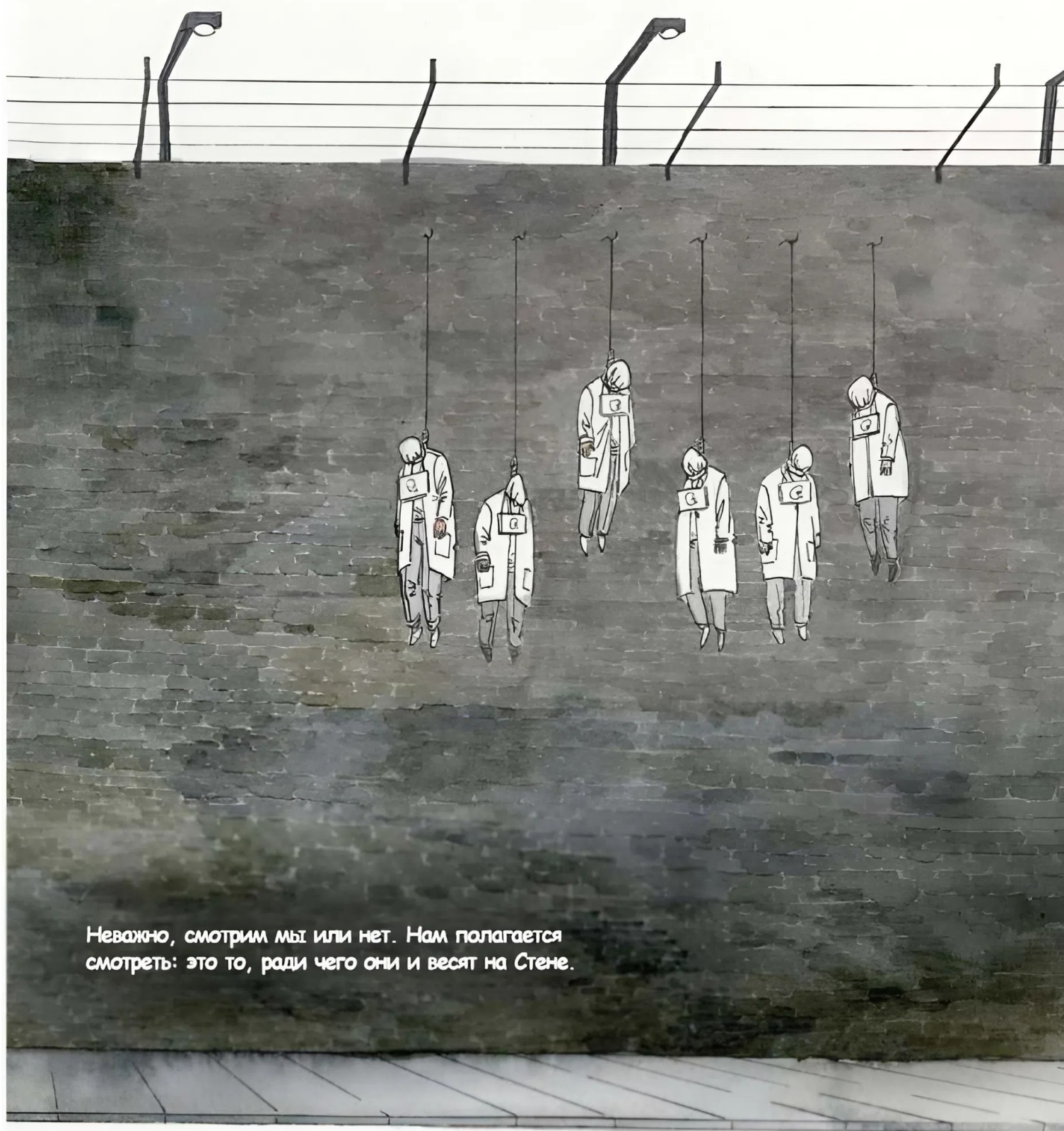
Гленова хотела бы пройти мимо
церкви.

Я знаю, чего она на самом деле добивается.

Стена.

Неважно, смотрим мы или нет. Нам полагается
смотреть: это то, ради чего они и висят на Стене.

Иногда они остаются там на несколько дней,
пока не поступит новая партия, чтобы как
можно больше людей смогли увидеть их.

III

НОЧЬ

Ночь - моя, моё время, что
хочу, то и делаю, если не
шумлю. Если не двигаюсь.
Если ложусь и не шевелюсь.

КУДА ЖЕ Я ОТПРАВЛЮСЬ?

ПОШЛИ ПИВА
ВЫПЬЕМ.

МОЙРА, ТЫ МНЕ
ПЕПЕЛ В КРОВАТЬ
СЫПЛЕШЬ.

А ТЫ ЕЁ ЧАЩЕ
ЗАПРАВЛЯЙ.

МНЕ ЕЩЁ ЦЕЛОЕ
ЭССЕ ПИСАТЬ...

МОЖНО, ДА. ИЛИ
МОЖНО ПРОСТО
НАПИТЬСЯ - Я ДАЖЕ
ЗНАЮ, ЧЕМ...

СКОЛЬКО У НАС
ВРЕМЕНИ?

ВСЕГО ЛИШЬ
ЧАС.

СЕРЬЁЗНО?

ТОЛЬКО ПРЕДСТАВЬ: СКОРО
НАМ НЕ НУЖНО БУДЕТ
ПРЯТАТЬСЯ, МЫ СМОЖЕМ
ВСЕГДА БЫТЬ ВМЕСТЕ...

Я ЗНАЮ, НО ЭТО
ТОЛЬКО ПОКА ЧТО.

Молодожёны

НО ЧТО ПОТОМ? ЧТО ЖЕ СЛУЧИМСЯ ПОТОМ?

Я ЗНАЮ, ЧТО ПОТЕРЯЛА
ВРЕМЯ.

НАВЕРНОЕ, ИГЛЫ,
ТАБЛЕТКИ, ЧТО-ТО ТАКОЕ.
Я БЫ НЕ ПОТЕРЯЛА
СТОЛЬКО ВРЕМЕНИ
САМОСТОЯТЕЛЬНО. ОНИ
СКАЗАЛИ, ЧТО У МЕНЯ
БЫЛ ШОК.

ГДЕ ОНА?

ЧТО ВЫ С
НЕЙ СДЕЛАЛИ?

ОНА В НАДЁЖНЫХ
РУКАХ. С
ПРИГОДНЫМИ ЛЮДЬМИ.

ТЫ НЕПРИГОДНА, НО
ТЫ ВЕДЬ ХОЧЕШЬ ЕЙ
ДОБРА.

ПРАВДА?

Я БЫ ХОТЕЛА ВЕРИТЬ, ЧТО ЭТО Я
РАССКАЗЫВАЮ ИСТОРИЮ.

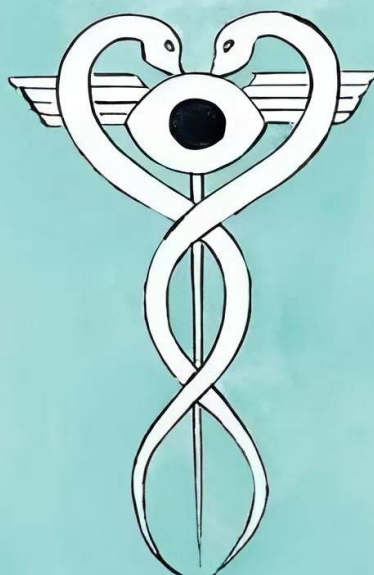
МНЕ НУЖНО В ЭТО ВЕРИТЬ. Я ДОЛЖНА В ЭТО ВЕРИТЬ.

ЕСЛИ ЭТО Я РАССКАЗЫВАЮ ИСТОРИЮ,
ЗНАЧИТ ФИНАЛ МНЕ ПОДВЛАСТЕН.
ЗНАЧИТ, БУДЕТ ФИНАЛ ЭТОЙ ИСТОРИИ,
А ЗА НИМ - ВЗАПРАВДАШНЯЯ ЖИЗНЬ.

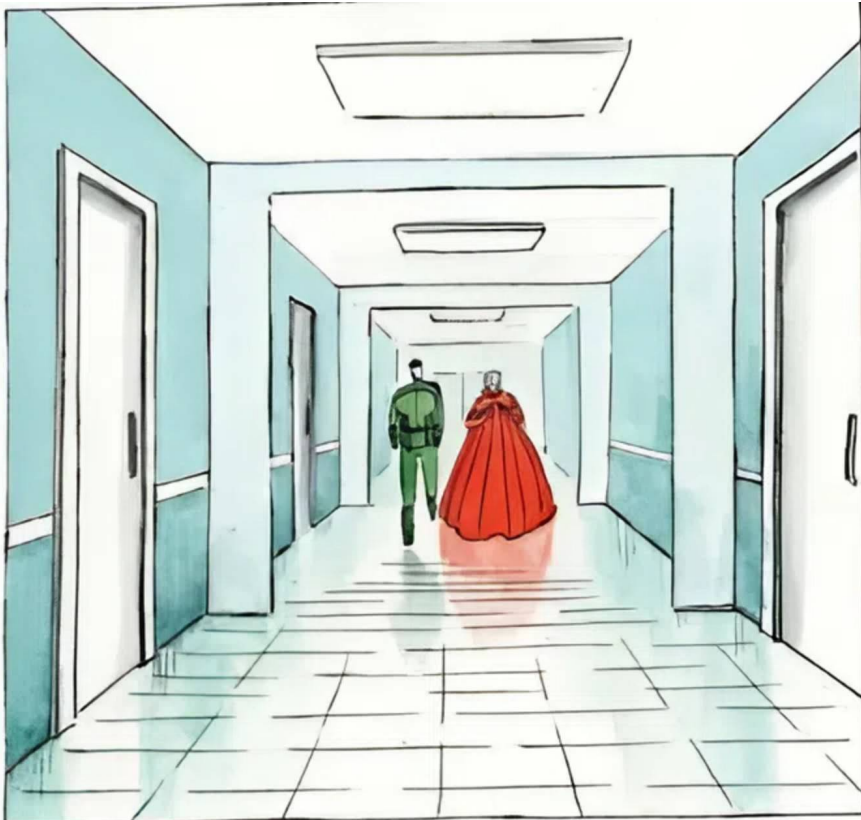
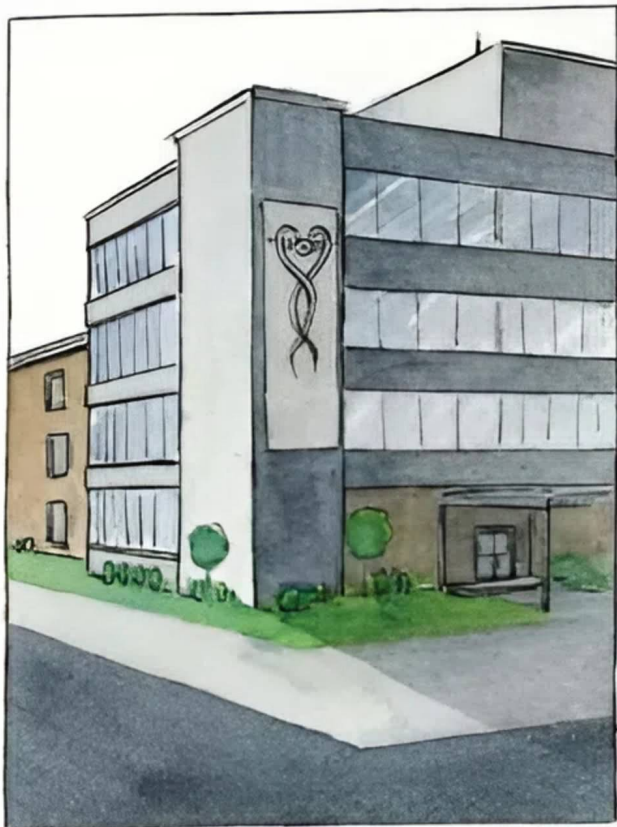
НО ЭТО НЕ Я РАССКАЗЫВАЮ ИСТОРИЮ.

IV

Комната ожидания.

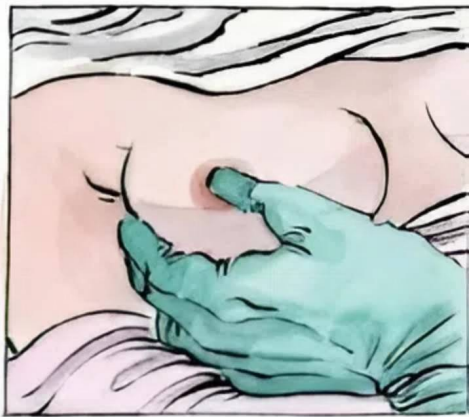
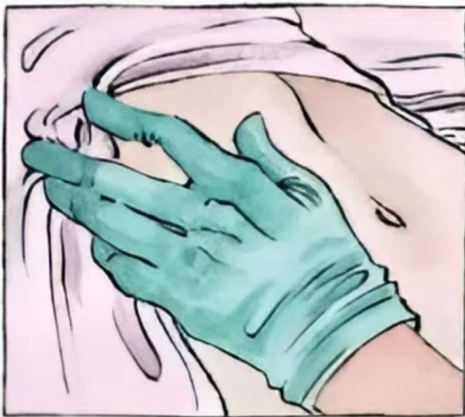

Раз в месяц меня водят к врачу на анализы: моча, гормоны, мазок на рак, анализ крови; все как прежде, только теперь это обязательно.

Но этот доктор разговорчивый.

Он сказал запретное слово. Стерильны. Не бывает стерильных мужчин — во всяком случае, официально. Бывают только женщины, что плодородны, и женщины, что бесплодны; таков закон.

Многие женщины так делают. Ты же хочешь ребенка?

Да.

Дай мне детей, а если не так, я умираю.

Можно по-разному понимать.

Наказание — смерть.

Подумай об этом.

Я видел твою медкарту. Это третий раз, не так ли?

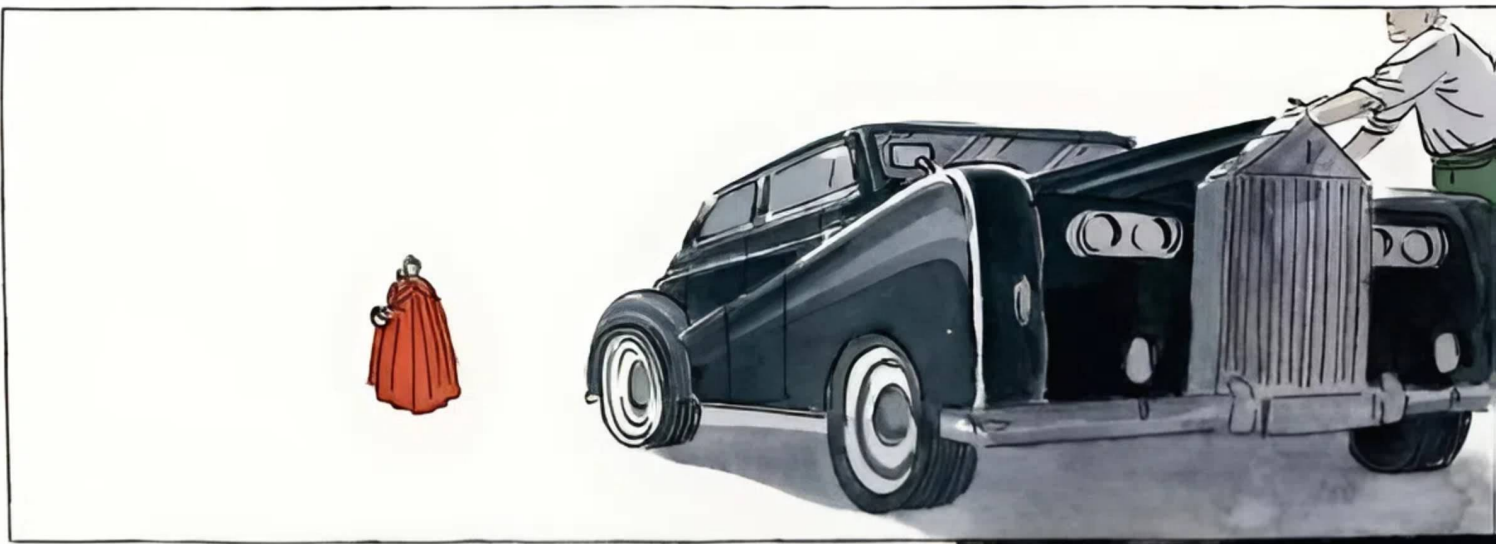
У тебя мало времени. Но тебе жить.

На Стене — три новых трупа.
Один — священник, так и висит
в черной сутане. У двух других
на шеях плакаты: Гендерная
Измена. Тела в формах
Хранителей. Наверняка
пойманы вместе.

Помогите.

Хорошо
погуляла?

Ему не полагается со
мной разговаривать.
О чём он только
думает?

Конечно, некоторые будут
пытаться. Всякая плоть
неможна. Они не виноваты,
Господь сотворил их
такими, но вас Он такими
не сотворил. Он сотворил
вас иными.

И вы сами
проводите черту.
Позже вам
воздастся.

Серена Джой, какое дурацкое имя.

Это не её настоящее имя, оно не было им даже тогда.

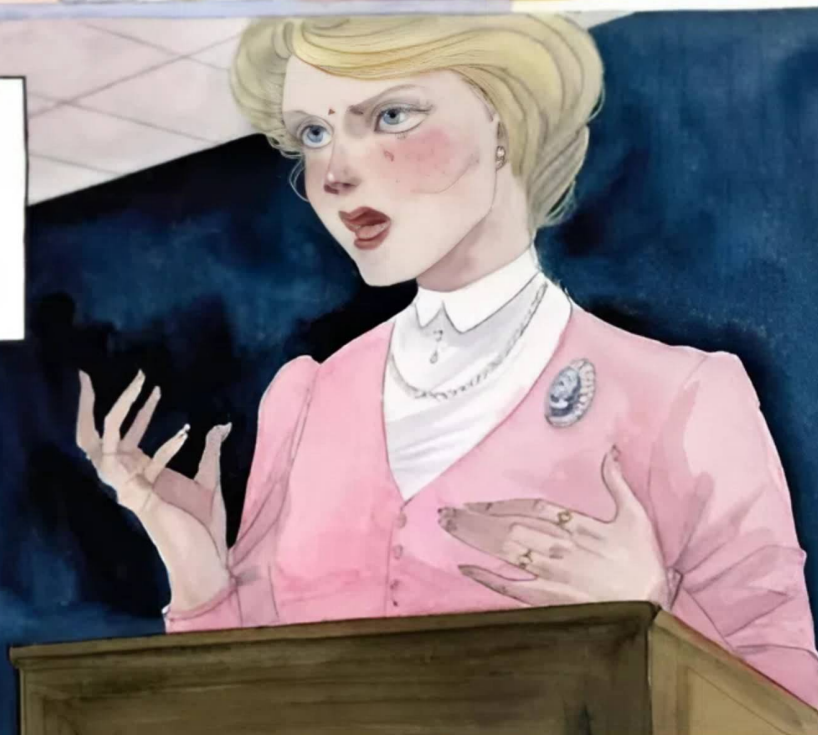
По-настоящему её звали Тэм. Я прочла это в журнале.

Она больше не пела — она толкала речи.

Говорила она о святости жилища, о том, что женщинам следует сидеть дома. Сама она так не поступала — она толкала речи, но этот свой ляп выставляла жертвой, которую приносит ради общего блага.

Примерно в это время её пытались пристрелить, но промахнулись.

Кто-то подложил бомбу в ее машину, но бомба взорвалась слишком рано.

Правда, ходили слухи, что бомбу подложила она сама – на жалость давила. Вот до чего накалились страсти.

Она больше не толкает речей.
Потеряла дар речи.

Сидит дома, но, похоже, ей это не по душе.

Как она, должно быть, неистовствует теперь, когда ее поймали на слове.

Кто-то стоит возле комнаты,
куда меня поселили.

Это Коммандор. Ему тут
быть не полагается.

Он нарушил обычай, что
мне теперь делать?

Мне что-то показали,
но что это было?

Он был в моей комнате?
Да, я называю её своей.

Я жду в своей комнате. Это
сейчас комната ожидания.

Сначала в ванную.
Затем - на ужин.

Потом Церемония.

"Не меньше служит тот,
кто стоит и ждет" -
говорила Тетка Лидия.
Она заставила нас
выучить это наизусть.

Не все из вас переживут это.
Некоторые из вас упадут на
сухую землю или колючки. У
некоторых из вас короткие
корни. Думайте о себе как о
семенах...

Кто-то жил до меня
в этой комнате.

Я узнала об этом через три дня
после того, как сюда въехала.

Времени было полно. Я решила
исследовать комнату.
Неторопливо. Я хотела, чтобы
это продолжалось как можно
дольше.

Шкаф я приберегла
для третьего дня.

Вот они - нацарапаны булавкой или,
может, просто ногтем.

Я понятия не имела, что это означает
или хотя бы на каком это языке.
Подумала, может, латынь.

И всё же это послание,
написанное, и уже, к тому
же, запрещённое, и его ещё
никто не нашёл. Только я,
кому оно и адресовано.

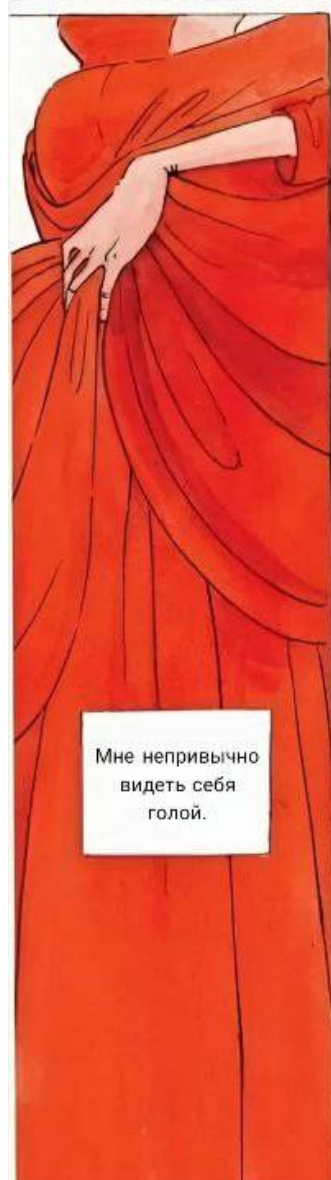
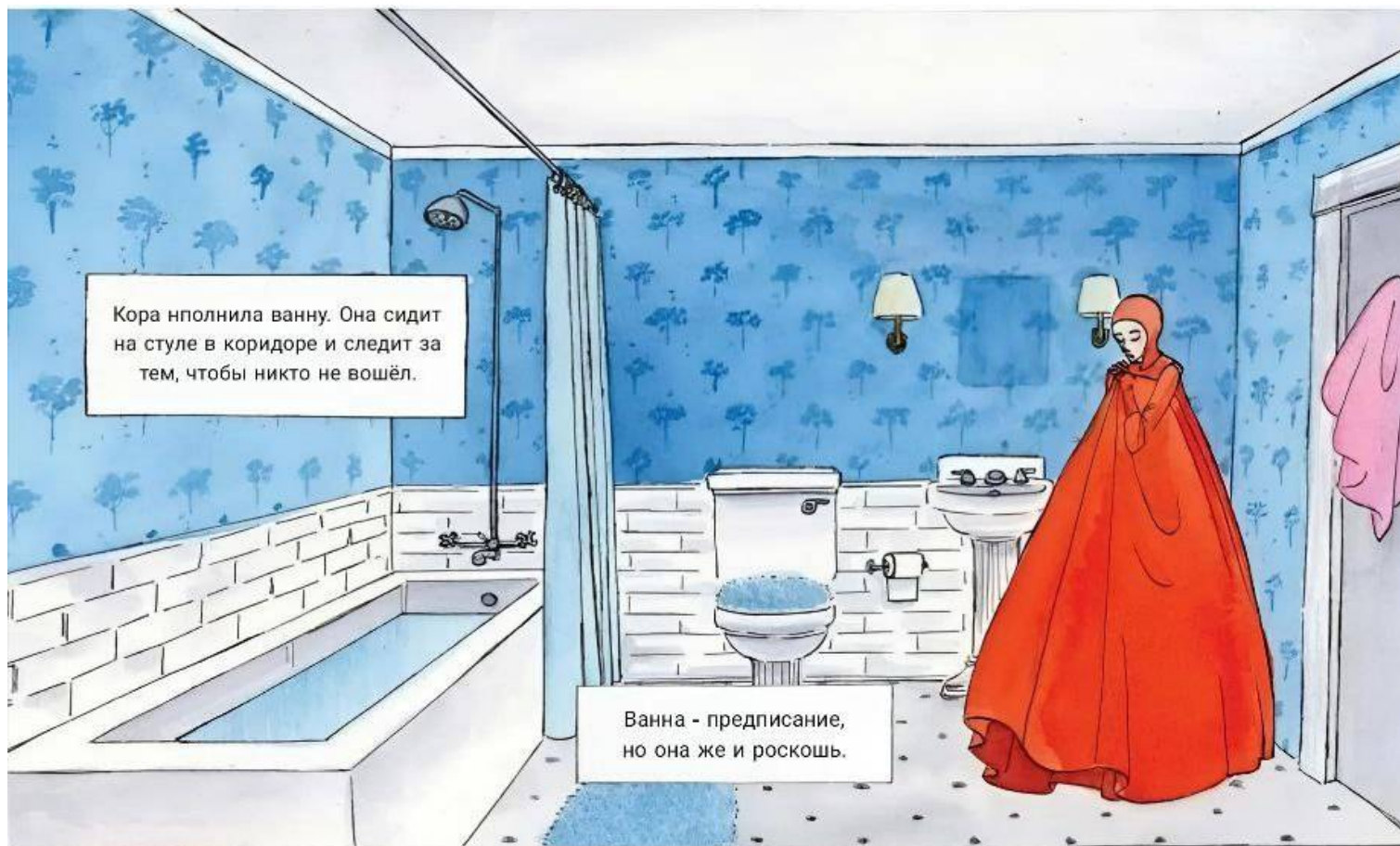
*Nolite te bastardes
carborundorum*

Оно адресовано той,
кто придёт следом.

Мне приятно раздумывать о
послании. Приятно думать, что я
общаюсь с ней, с этой неизвестной
женщиной. Порой я повторяю про
себя слова. Маленькая радость.

Интересно, кто она была
или есть и что с ней стало.

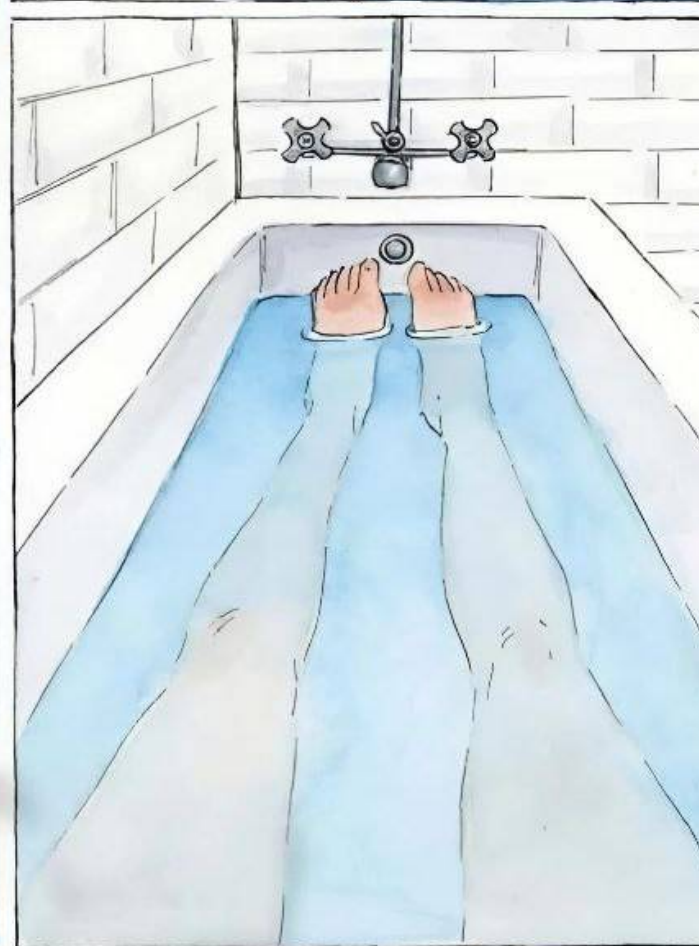
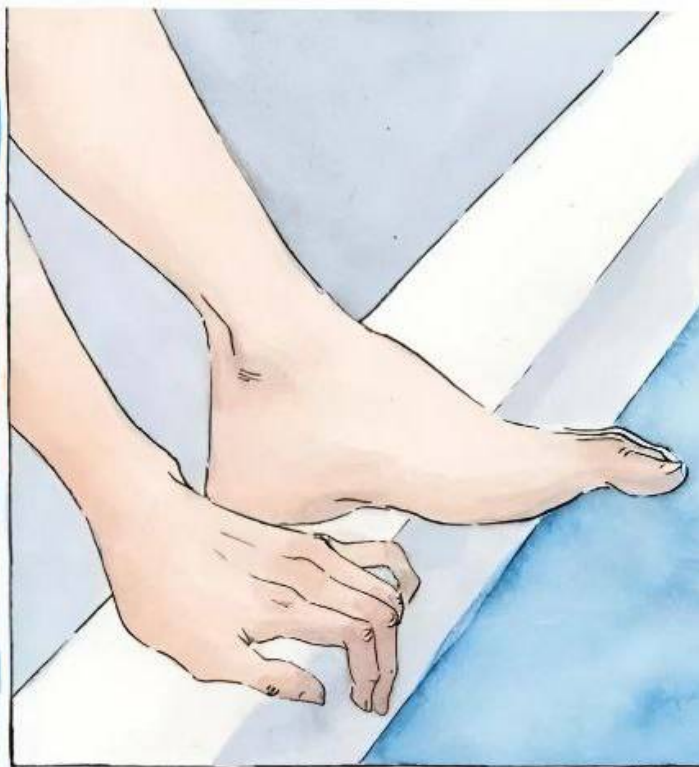

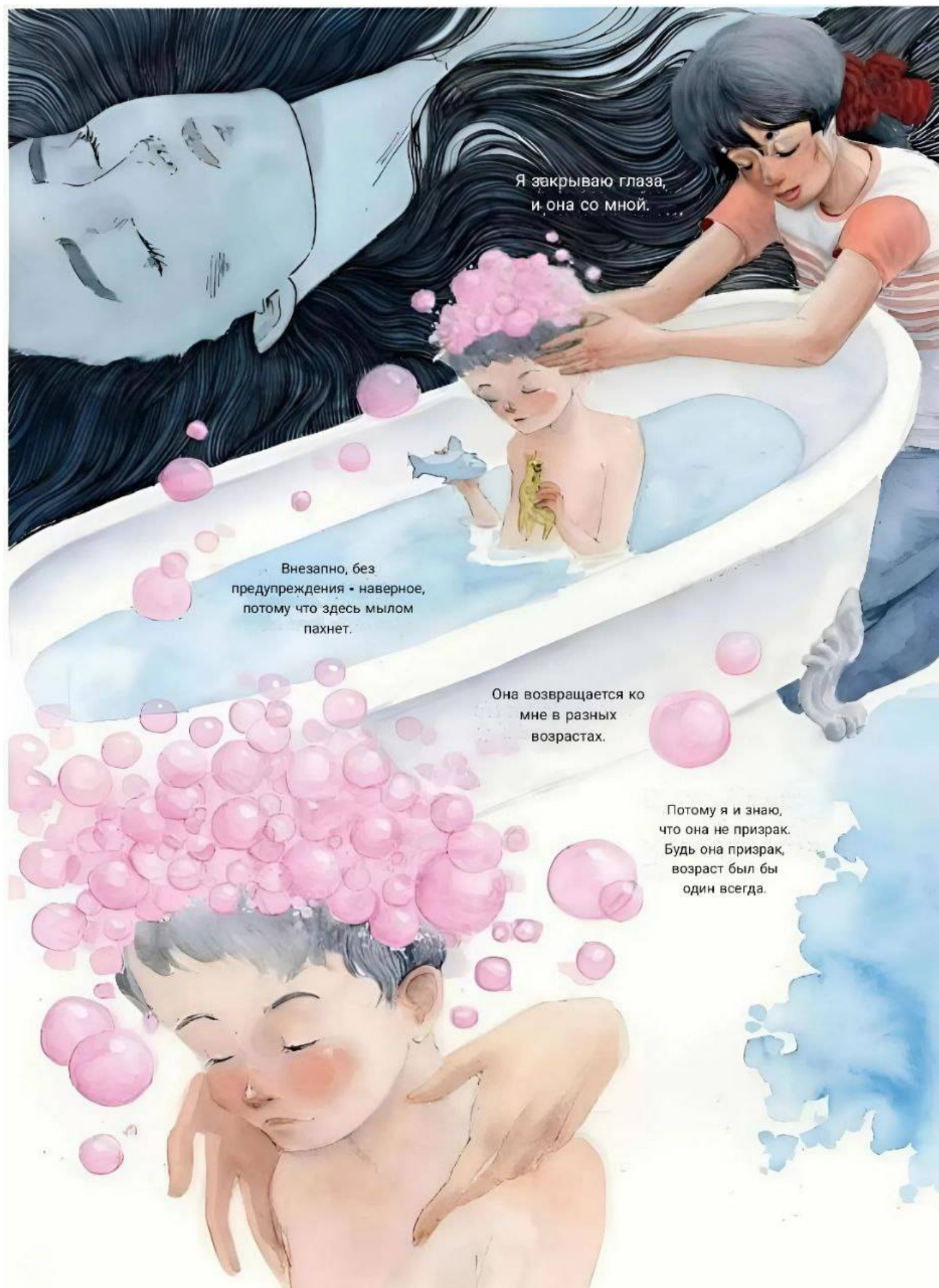

Я стараюсь не смотреть на
своё тело - не потому, что оно
постыдно или нескромно, а
потому, что не хочу его видеть.

Не хочу смотреть на
то, что так всецело
меня обозначает.

Я - национальный ресурс.

Я закрываю глаза,
и она со мной.

Внезапно, без
предупреждения - наверное,
потому что здесь мылом
пахнет.

Она возвращается ко
мне в разных
возрастах.

Потому я и знаю,
что она не призрак.
Будь она призрак,
возраст был бы
один всегда.

Она тускнеет, я не могу её удержать, она растаяла.
Может, я и считаю её призраком мёртвой маленькой
девочки, которая умерла, когда ей было пять.

Должно быть, ей сказали,
что я умерла. Сказали, что
ей проще смириться.

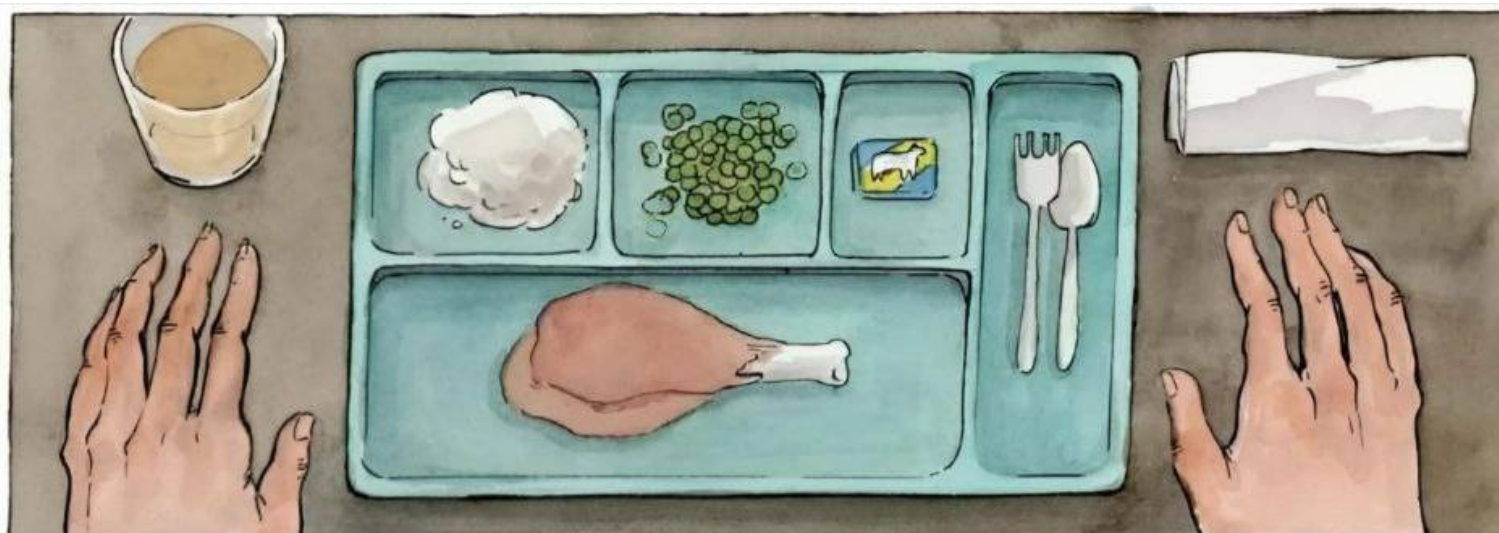

Восемь, ей сейчас должно быть
восемь. Я восстановила всё
время, что потеряла, я знаю,
сколько ей было.

Проще думать, что твои дети
умерли. Не нужно надеяться,
напрягаться понапрасну.

Зачем биться головой
о стену?

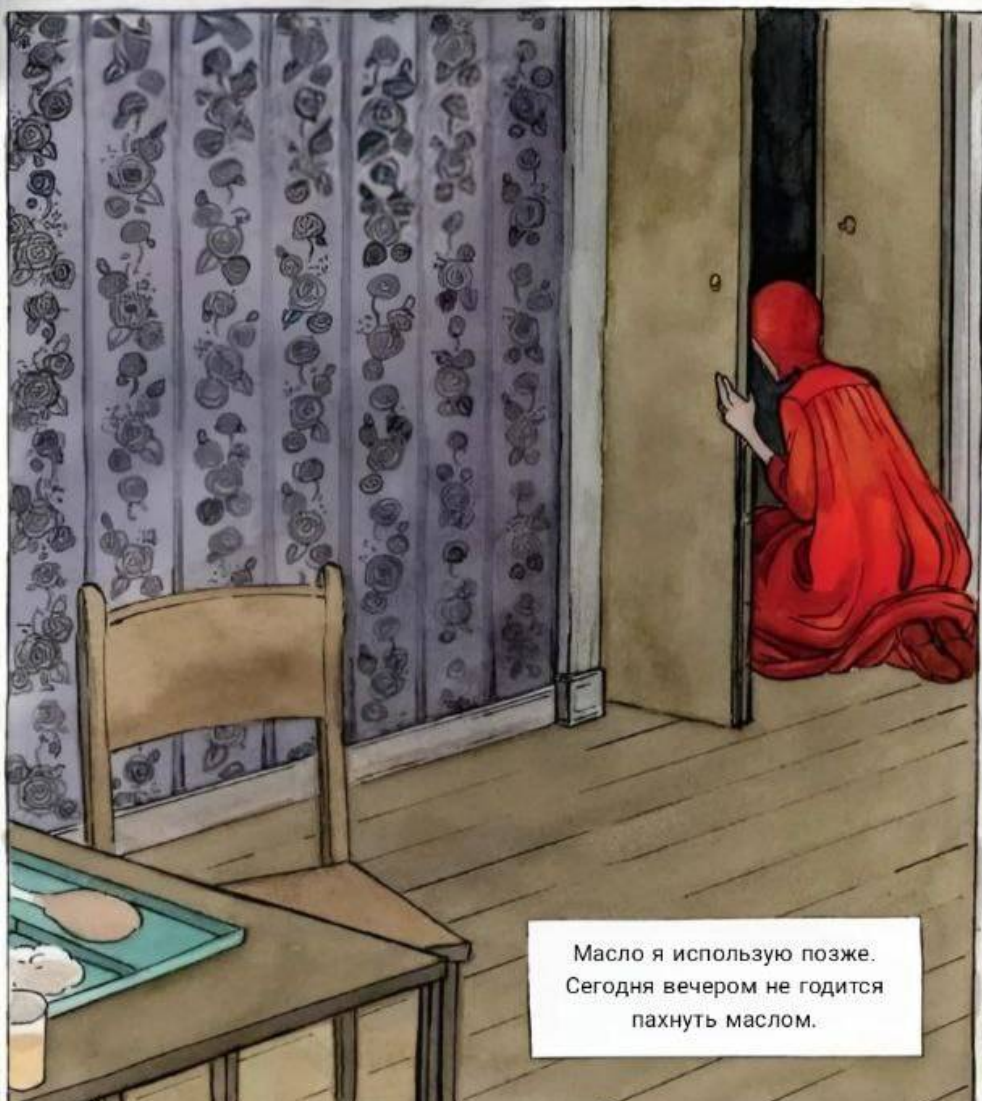

Я не голодна сегодня.

У меня сводит живот.

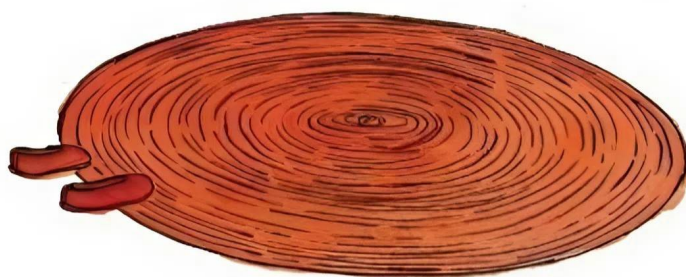

Масло я использую позже.
Сегодня вечером не годится
пахнуть маслом.

V

Я жду,
вымытая,
причесанная,
накормленная,
как призовая
свинья.

Свободное время. То,
к чему я не была
готова.

Тренироваться можно
когда угодно.

Несколько сеансов в
день, согласно вашему
режиму.

Руки вдоль тела,

колени согнуты,

поднять таз...

...выгнуть
позвоночник.
Сгруппироваться. Еще
раз.

Вдохнуть на счет пять,
задержать дыхание,
выдохнуть.

Днем мы по часу лежали в койках в спортзале, с трех до четырех.

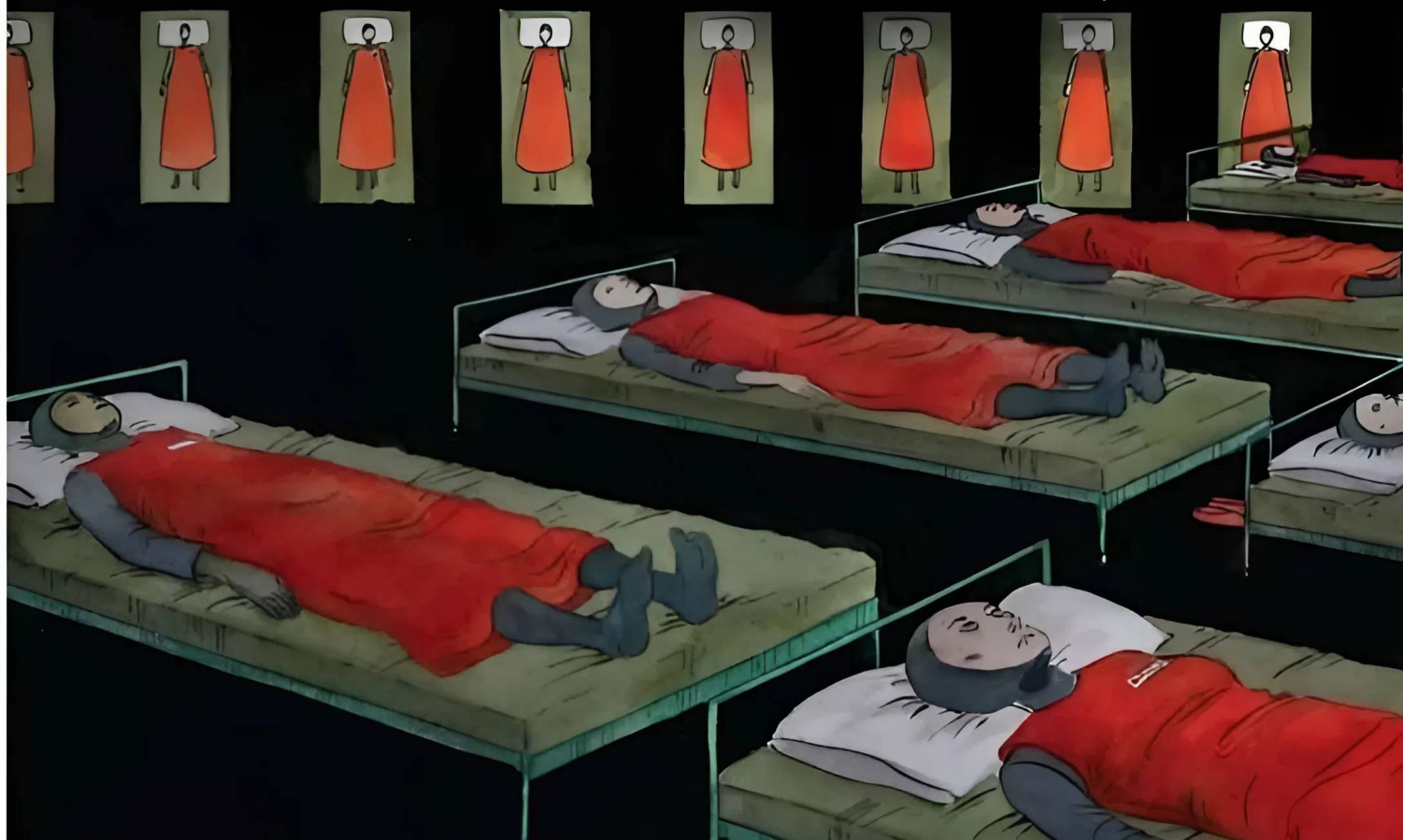
Это называлось время отдыха и размышлений. Но сейчас мне кажется, что отдых тоже был тренировкой. Дабы мы приучались к провалам времени.

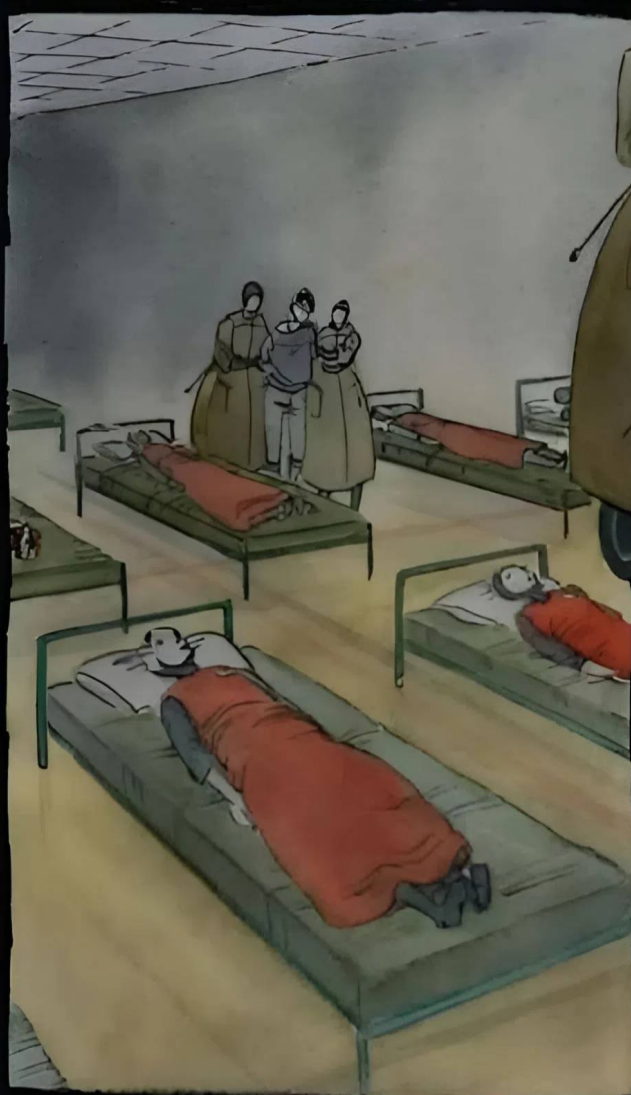
Как ни странно, мы нуждались в отдыхе. Многие отключались.

Мы, как правило, уставали. Нас кормили какими-то таблетками, наркотиками – я думаю, подсыпали в еду, чтоб мы не нервничали. А может, и нет. Может, обстановка была такая.

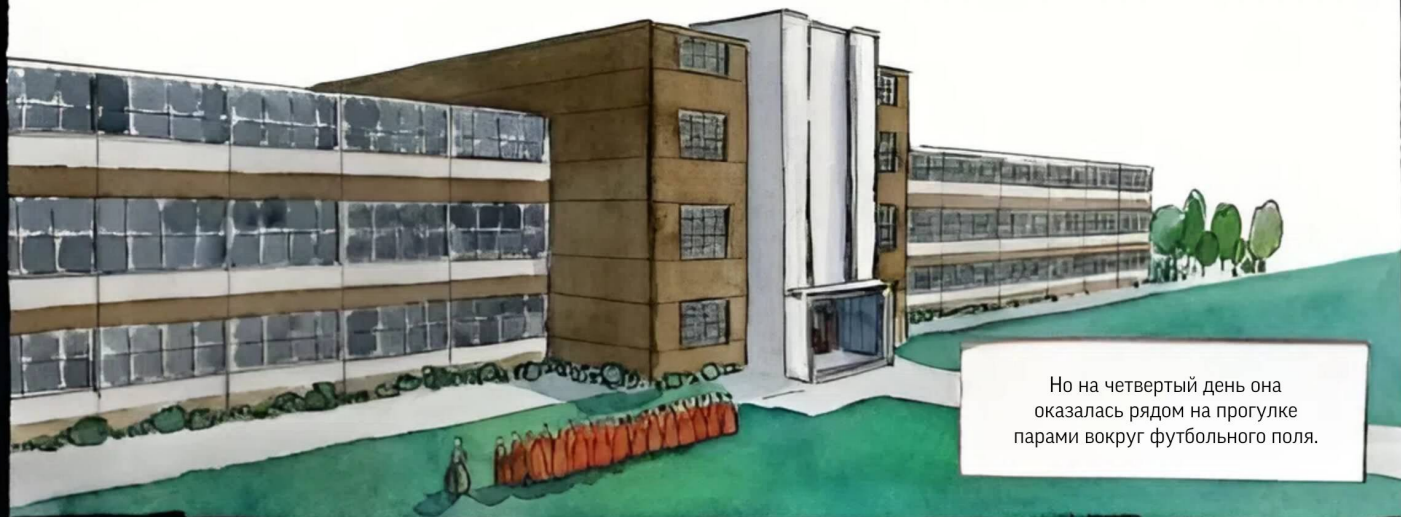
После первого шока, когда попривыкнешь, лучше впасть в летаргию. Говорить себе, что бережешь силы.

Я жила там уже недели три, когда появилась Мойра.

Несколько дней
мы не могли
поговорить.
Дружбы
подозрительны,
мы это знали.

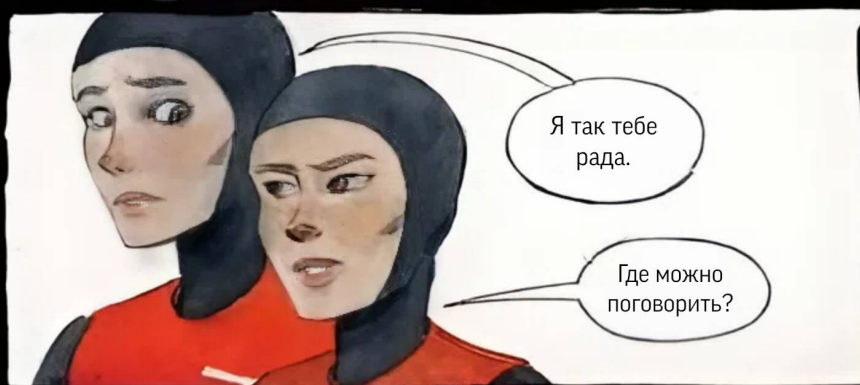
Но на четвертый день она оказалась рядом на прогулке парами вокруг футбольного поля.

До окончания учебы нам не выдавали белых крылышек, одни вуали; и мы могли поговорить, только тихо и не глядя друг на друга.

Это дурдом какой-то.

Я так тебе рада.

Где можно поговорить?

В туалете. Смотри на часы. Последняя кабинка, два тридцать.

Два тридцать приходится на Сеидетельство.

Твоя очередь, Джанин. Уверена, тебе есть, чем поделиться на Сеидетельствах.

Я...

Давал, вперед.

Я сделала аборт.

Меня изнасиловали.

Но чья в этом вина?

ЕЕ ВИНА ЕЕ ВИНА
ЕЕ ВИНА

Мне было 14. Это сделала группа мужчин...

Кто их подстрекал?

Она подстрекала
Она подстрекала

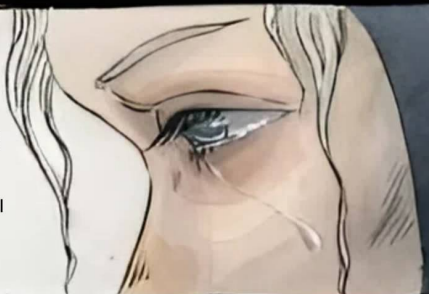

Почему Господь допустил,
чтобы с ней случилась такая
ужасная вещь?

Тренируй же ей
урок

Тренируй же ей
урок

Она была отвратительна: слабая,
скорченная, пятнистая, розовая, будто
новорожденная мышь. Ни одна из нас не
желала так выглядеть, никогда в жизни.
Секунду, даже зная, что с ней делают, мы
презирали ее.

Тлаксса
Тлаксса

Когда-то я себе нравилась.
Тогда – нет.

Это моя вина. Я сама виновата.
Я их подстрекала. Я заслужила
боль.

Очень хорошо, Джанин.
Берите пример.

Пришлось
ждать, когда
это
закончится, и
лишь затем
поднять руку.

Кабинки деревянные.
Замков, разумеется,
больше нет.

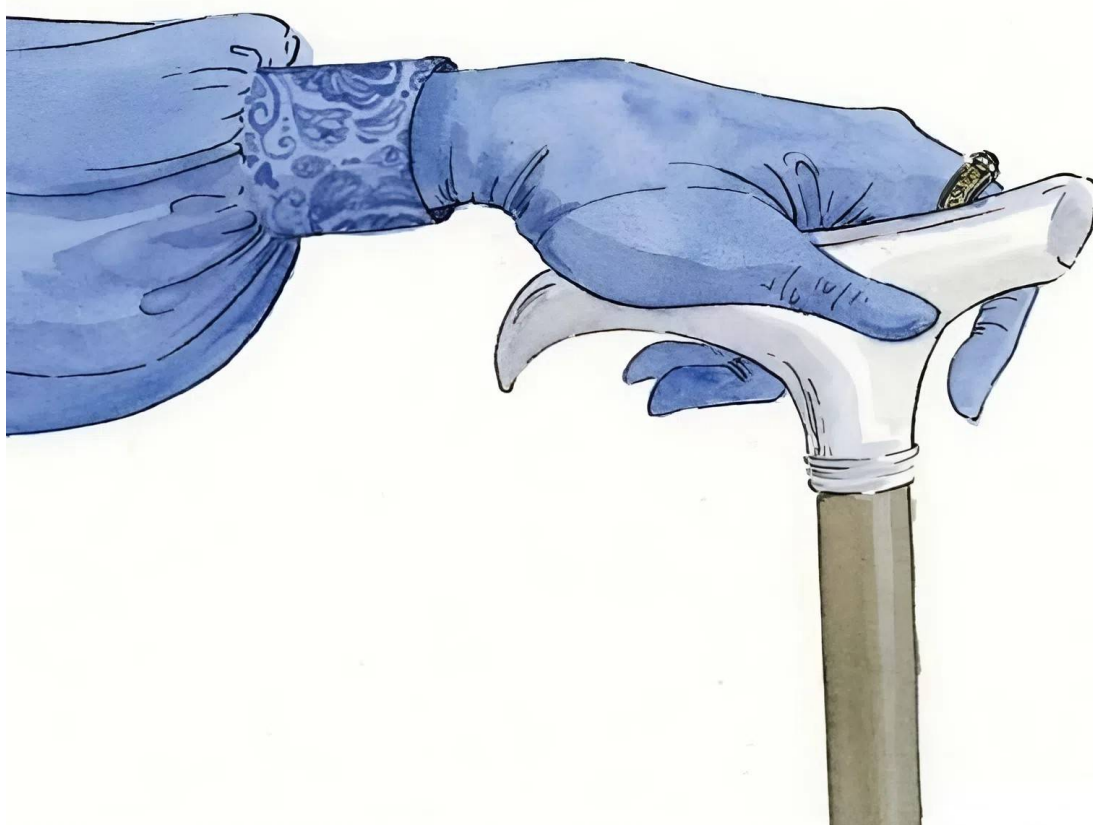
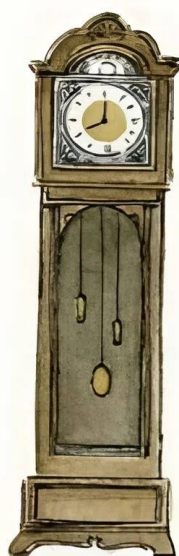

Сзади у стены в дереве дырочка где-то на уровне талии – сувенир от вредителя из прошлого или наследие древнего вуайериста. Про эту дырочку в дереве знают в Центре все; все, кроме Теток.

VI

Домочадцы

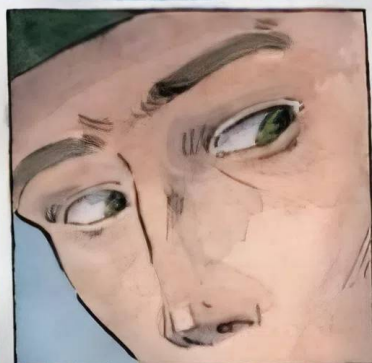

Покои, где я не сажусь, а занимаю свое место - на коленях. Все домочадцы в сборе. Церемония требует этого.

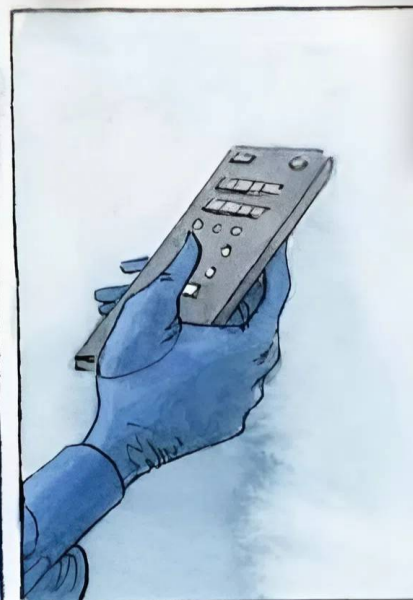
Хорошо бы что-нибудь с этой комнаты украсть. Взять какую-нибудь мелочь, спрятать в складках платья, в рукаве на «молнии»

Время от времени буду вытаскивать, разглядывать. И чувствовать, что у меня есть власть. Но чувство это - иллюзия

Как всегда, опаздывает.

Ник так близко, что носок его сапога касается моей ступни. Он это нарочно?

...сообщения с линии фронта.
Горы Аппалачи.

Аппалачи, откуда Четвертая дивизия
Ангелов Апокалипсиса выкуривает горстку
баптистских партизан. С воздуха дивизию
поддерживает Двадцать второй батальон
Ангелов Света.

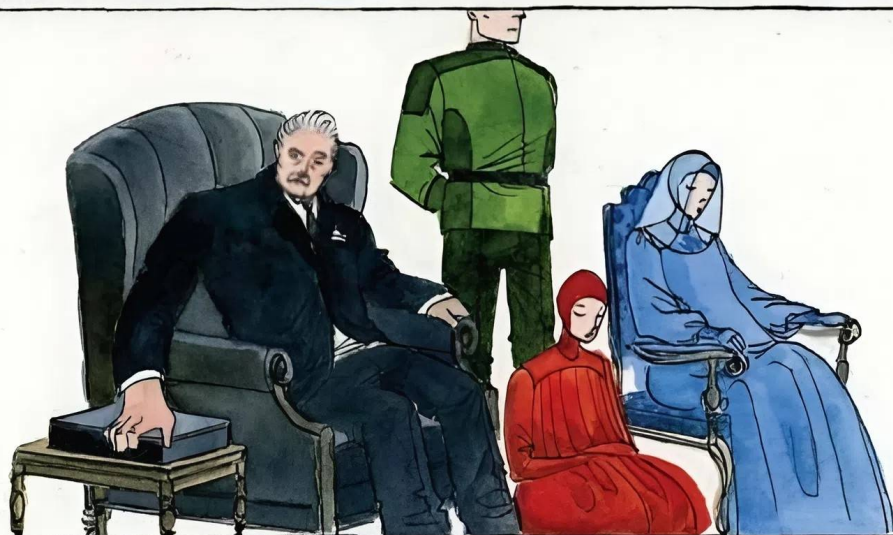
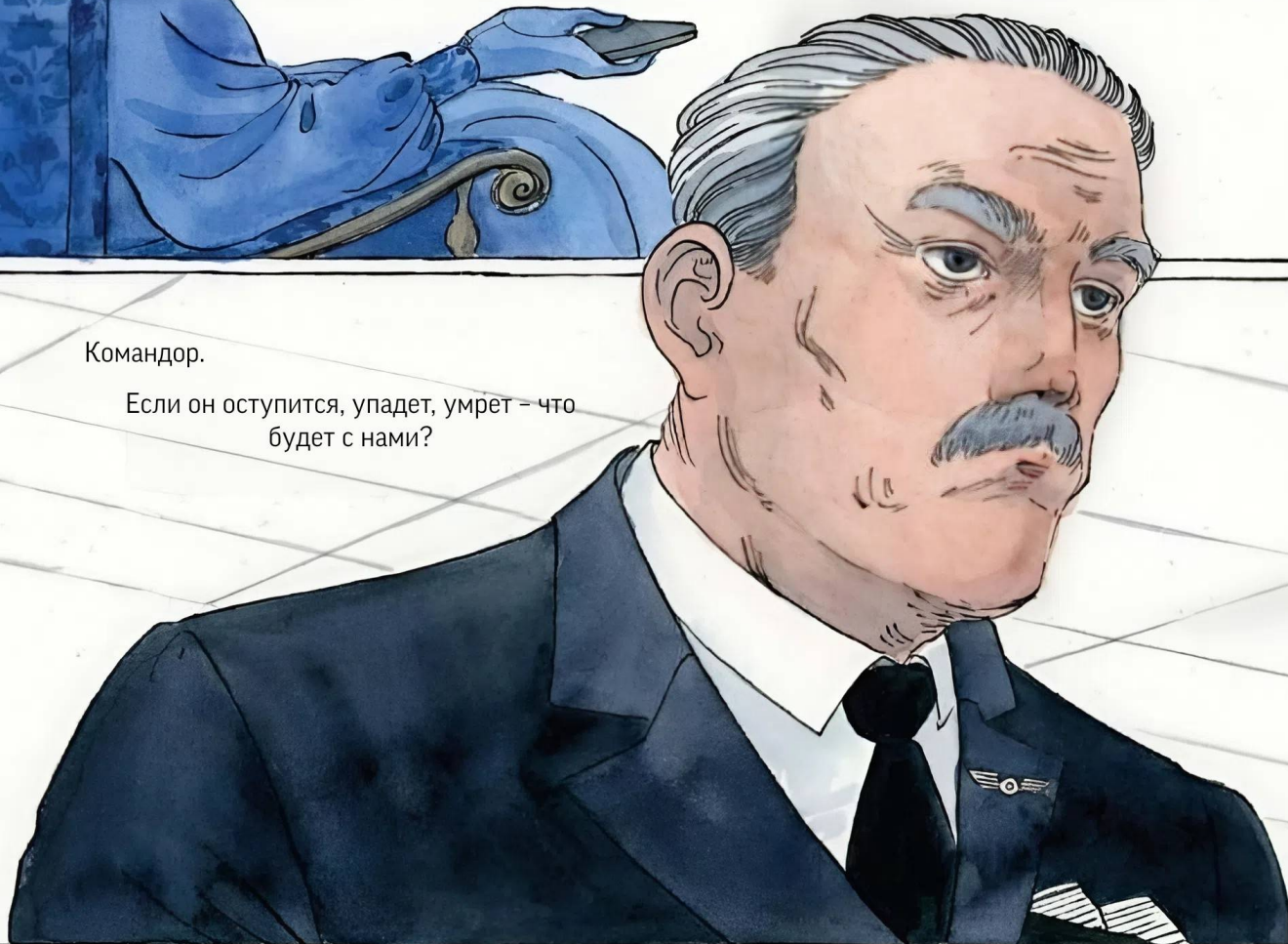
Вот единственное, что хорошего есть в этих вечерах,
вечерах Церемонии: мне позволено смотреть новости.

Командор.

Если он оступится, упадет, умрет – что
будет с нами?

Библию держат под замком, как раньше держали под замком чай, чтобы прислуга не растащила. Библия – подрывное устройство: кто знает, что мы оттуда почерпнем, если до нее доберемся? Нам можно зачитывать из нее – зачитывает Командор – но нам нельзя читать. Наши головы поворачиваются к нему, мы замерли в ожидании: а вот и наша сказка на ночь.

... подпольная шпионская сеть была раскрыта командой Смотрителей, работающих с внутренним информатором.

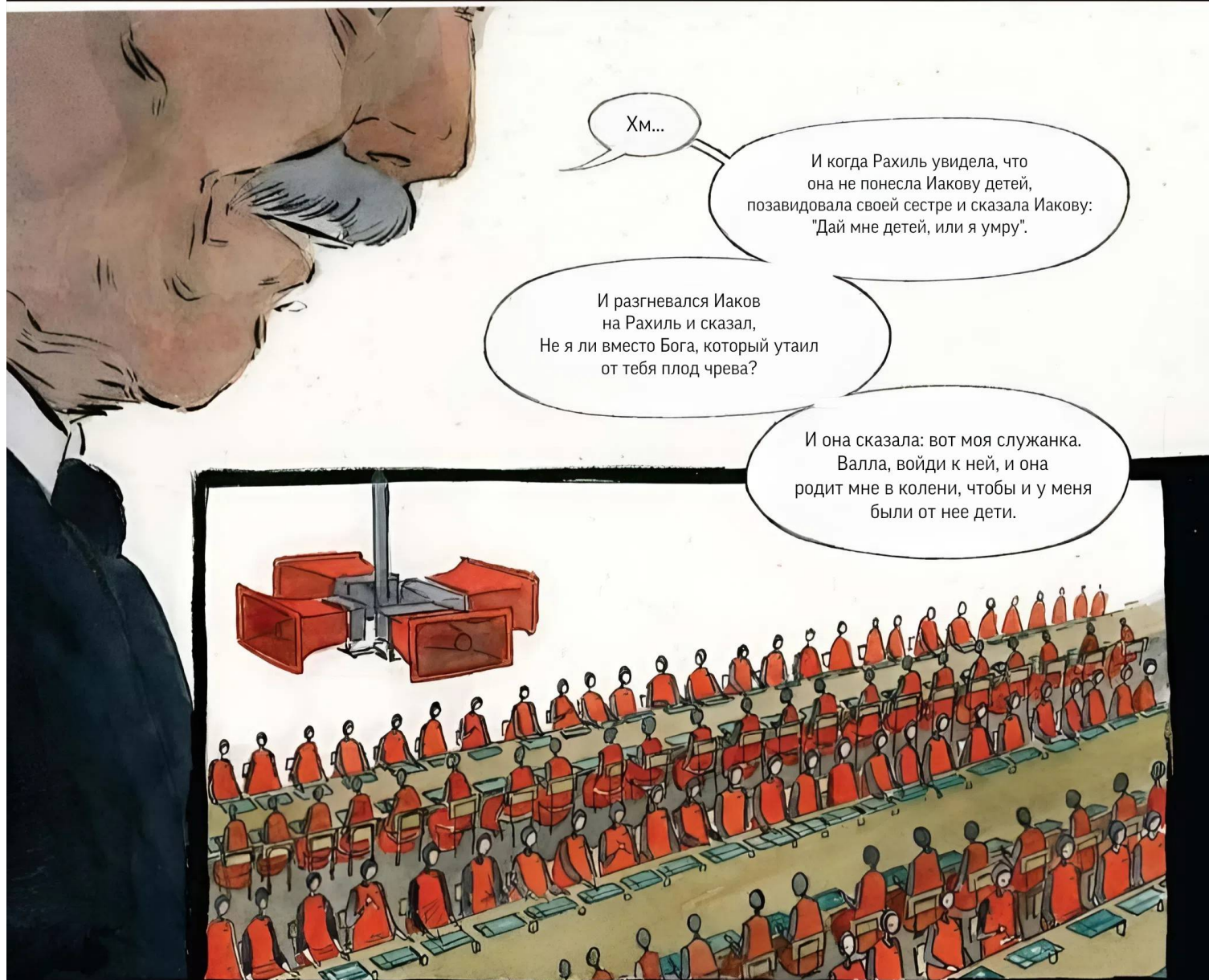
Какие уж есть: кто разберет, правдивы ли эти новости? Может, это старые клипы, может, подделка. Но я все равно смотрю, надеюсь прочесть между строк. Теперь любые новости лучше никаких.

Группа занималась контрабандой ценных национальных ресурсов через границу в Канаду. Пятеро членов еретической секты квакеров были арестованы...

Нам показывают только победы, поражения – никогда. Кому нужны дурные вести?

Он говорит нам то, во что мы жаждем верить. Он очень убедителен.

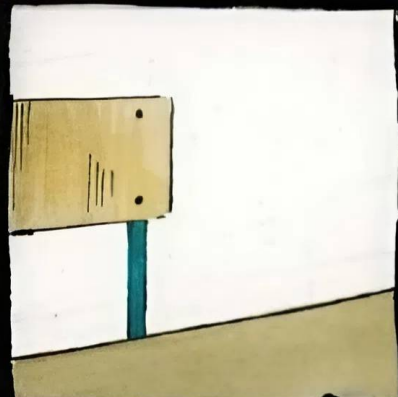

Хм...

И когда Рахиль увидела, что она не понесла Иакову детей, позавидовала своей сестре и сказала Иакову: "Дай мне детей, или я умру".

И разгневался Иаков на Рахиль и сказал, Не я ли вместо Бога, который утаил от тебя плод чрева?

И она сказала: вот моя служанка. Валла, войди к ней, и она родит мне в колени, чтобы и у меня были от нее дети.

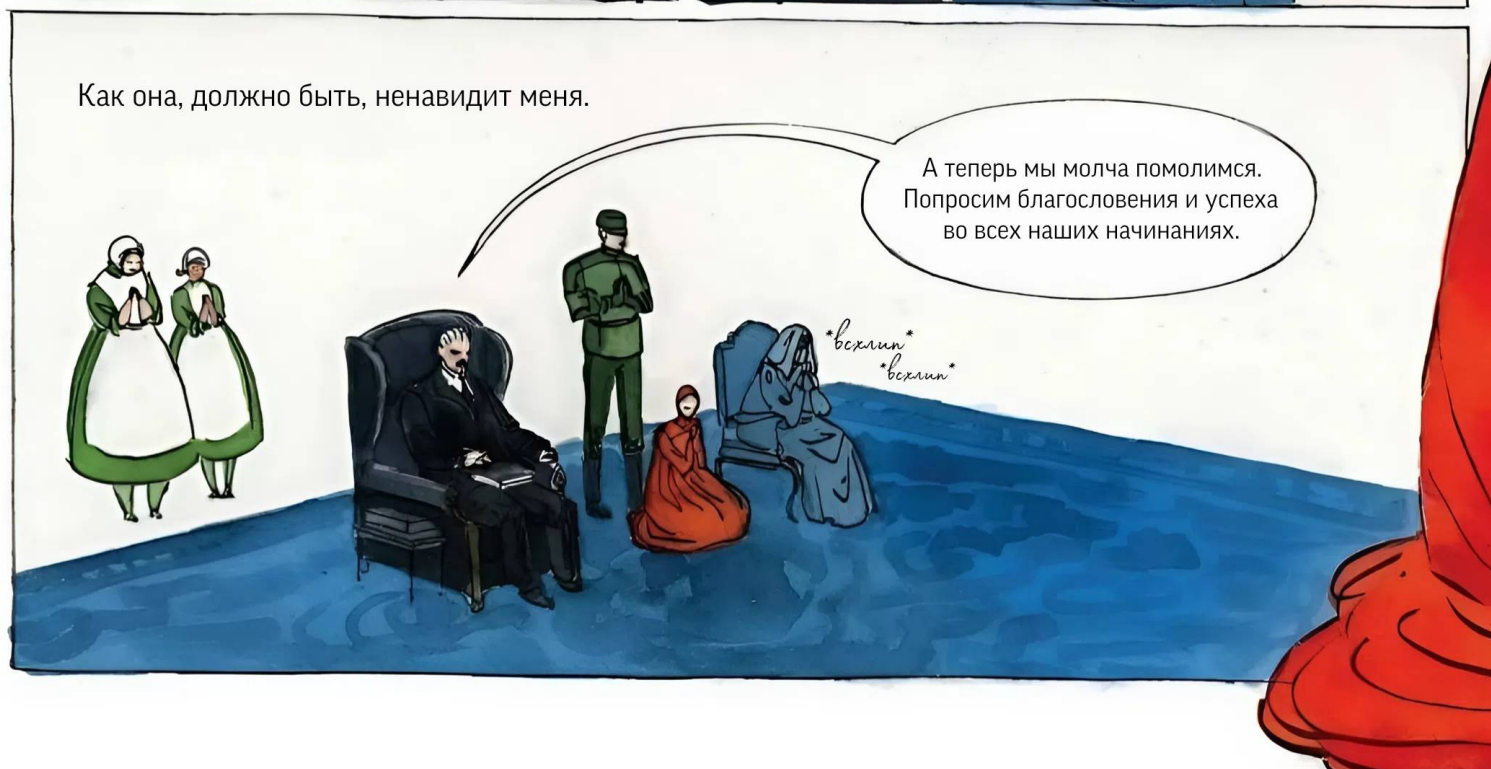
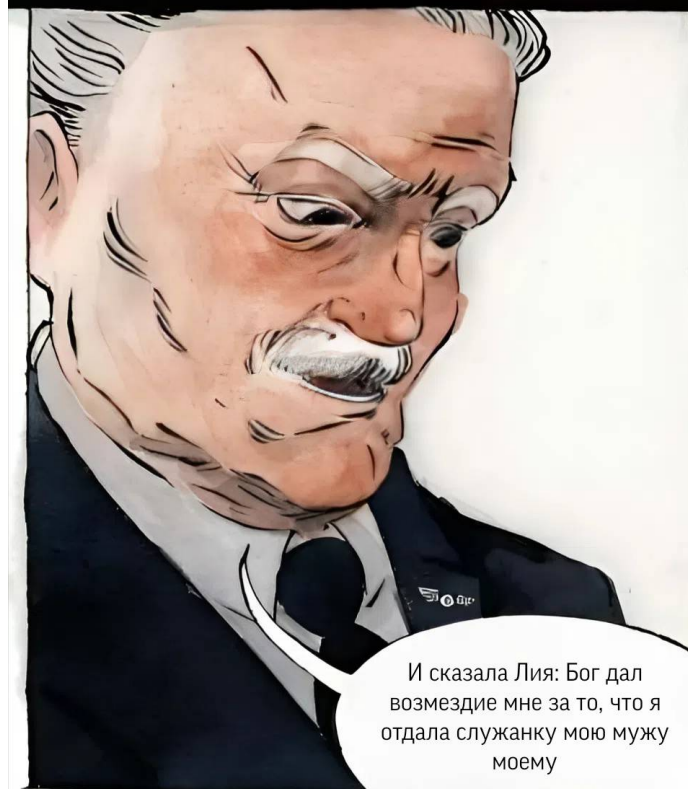

Мне надо отсюда сматываться, у меня крыша едет.

Нет, Мойра, нет, даже не пытайся. В одиночку – ни в коем случае.

Я молюсь безмолвно:

Nolite te bastardes
carborundoru.

Не знаю, что это значит,
но звучит уместно,
пойдет, ибо я не знаю,
что еще сказать Господу.
По крайней мере, сейчас.
На этом, как прежде
выражались, перепутье.

Предо мною плывут
письмена с моего шкафа,
нацарапанные
неизвестной женщиной
с лицом Мойры. Я
видела, как ее увезли на
«Скорой», носилки
тащили два Ангела.

...Блаженны нищие духом, ибо
их есть Царствие Небесное.

Блаженны милостивые.
Блаженны кроткие.

Блаженны молчащие.
Блаженны скорбящие, ибо
они будут утешены...

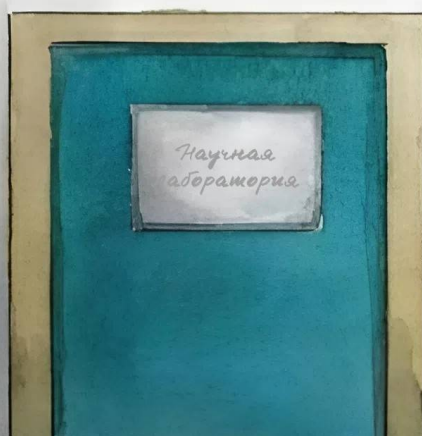

Ее отвели в комнату, где раньше была научная лаборатория. В эту комнату никто из нас не заходил по доброй воле.

Потом она неделю не могла ходить, ноги так распухли, что не влезали в туфли.

Они всегда начинали с ног – за первый проступок. Стальными проводами, разлохмаченными на концах. Потом руки. Им плевать, что будет с твоими руками и ногами, пускай даже и навсегда.

Не забывайте, для наших целей ваши руки и ноги не важны.

Я по-прежнему молюсь,
но вижу Мойрины ноги,
какие они были, когда
ее привели назад.

Ее ноги вообще не
походили на ноги.

Они были словно
утонувшие ноги,
распухшие и
бескостные, только
цвет другой.

Они были как
человечьи легкие.

О Господи, молюсь я.
Nolite te bastardes carborundorum
Ты это задумывал?

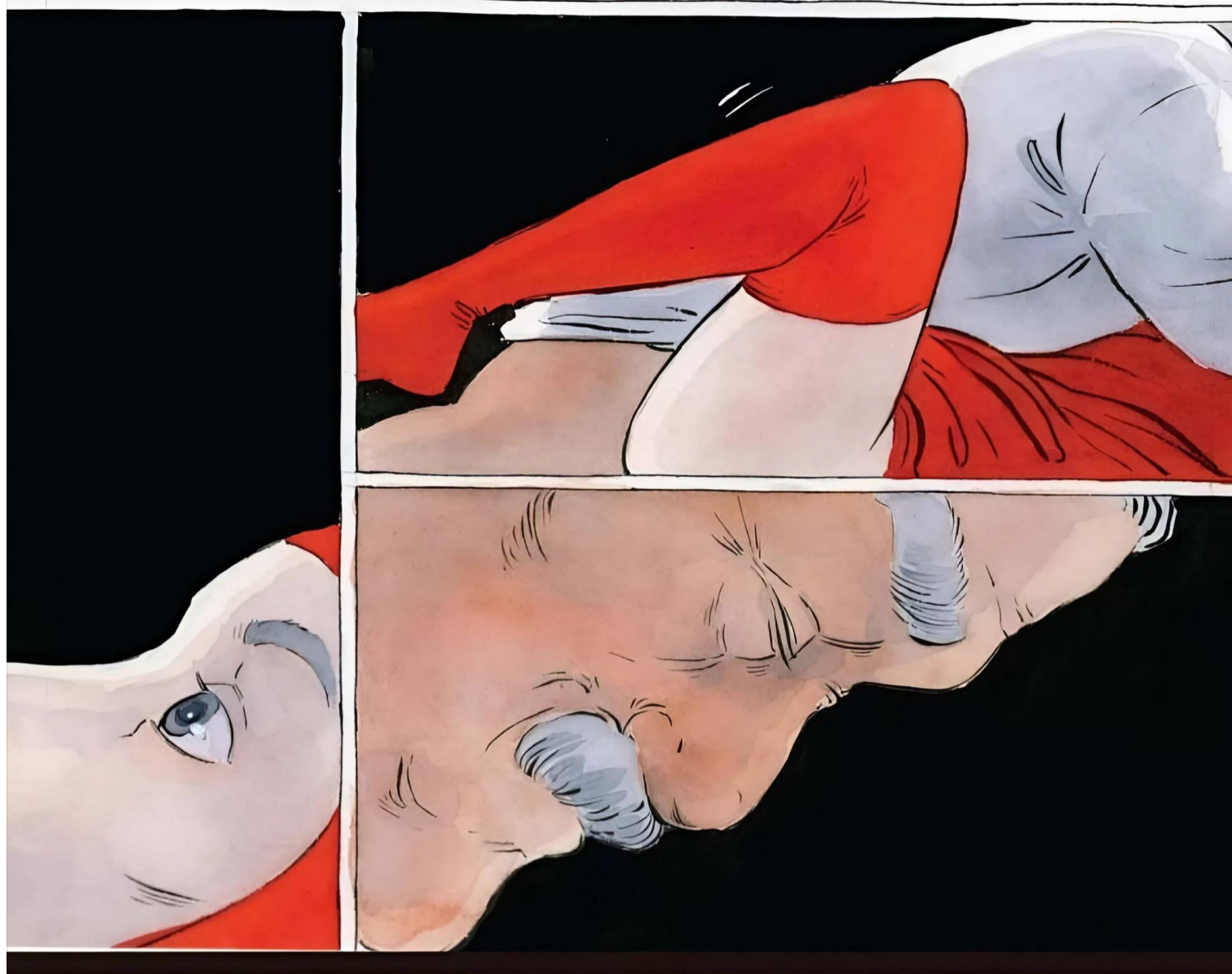
Ибо очи Господа обзирают всю
землю, чтобы поддерживать тех,
чье сердце вполне предано Ему

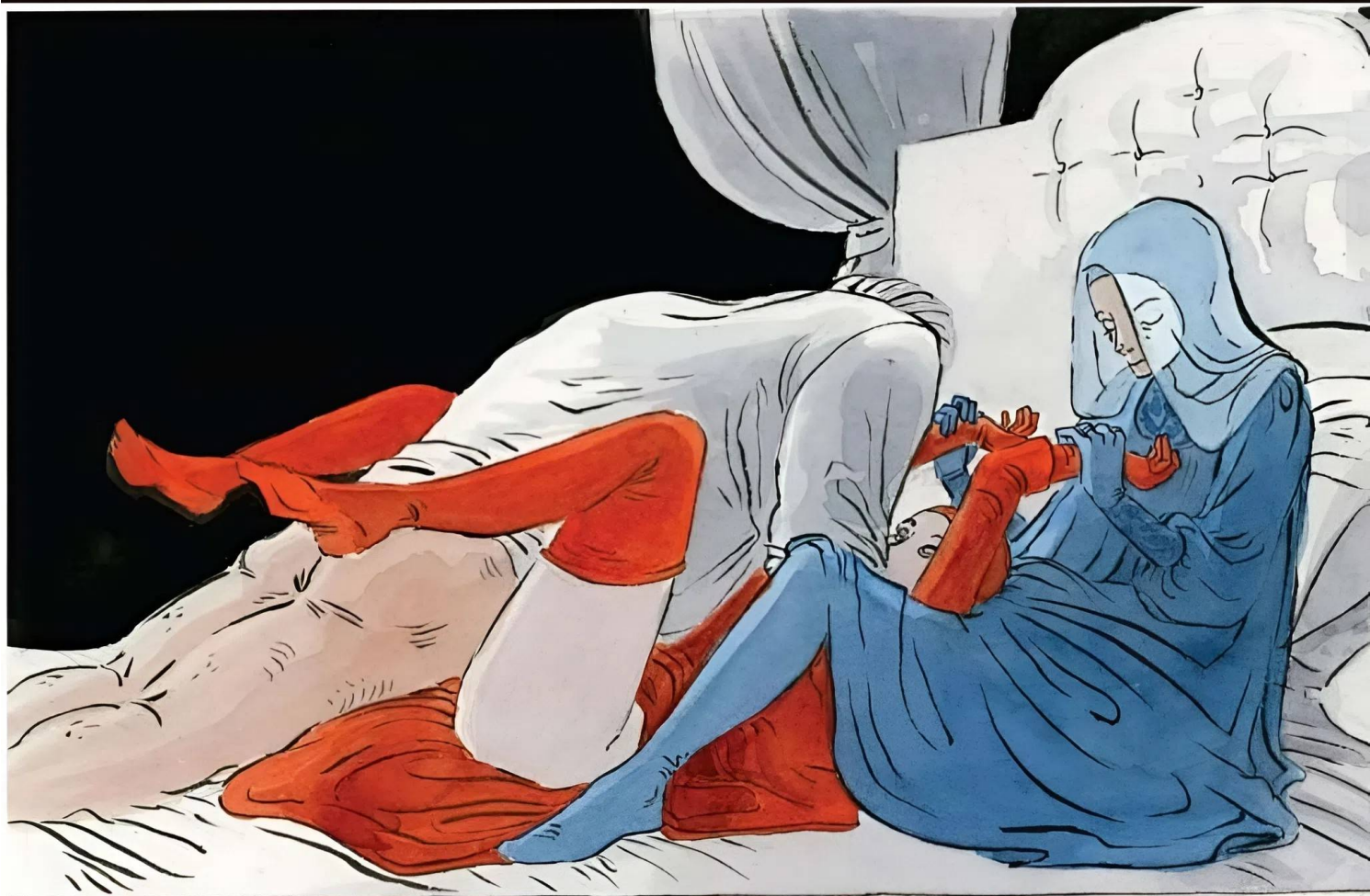
Аминь.

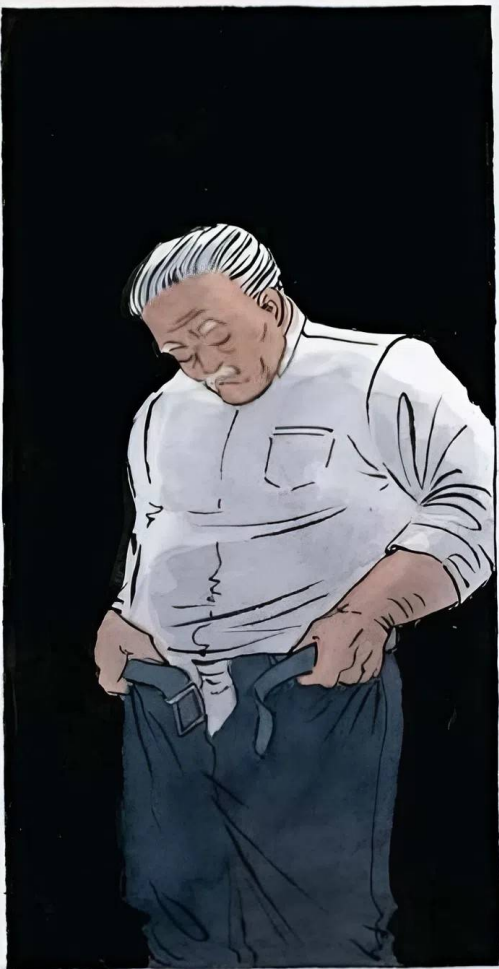
Аминь.

Аминь.

Церемония протекает как обычно.

Можешь встать.

Вставай и
убирайся.

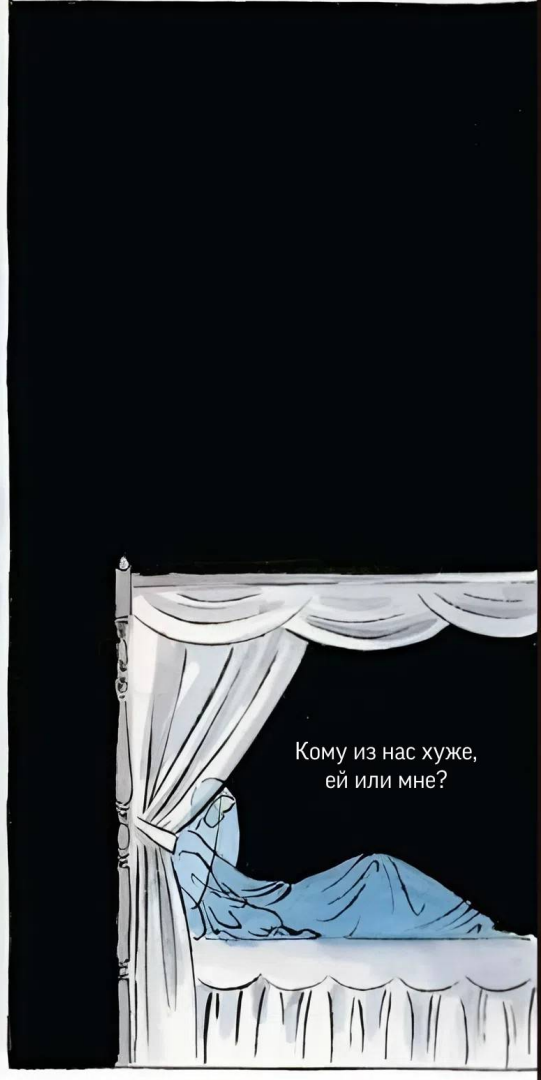
УБИРАЙСЯ!

Мне предписан отдых – десять минут лежа, задрав ноги на подушку, чтоб увеличить шансы.

Ей в это время полагается молча медитировать, но она не в настроении.

Кому из нас хуже, ей или мне?

Вот что я
делаю,
вернувшись
в свою
комнату:

Раздеваюсь и натягиваю ночнушку.

Нашупываю в носке правой
туфли плюху масла,
которую спрятала после
ужина.

Не впервые, потому
что всякий раз,
когда дают масло
или маргарин, я его
припрятаваю таким
вот образом.

Я натираю маслом
лицо, втираю в руки.

Крема для рук или
для лица больше не
бывает – по крайней
мере, для нас. Кремы
объявлены тщетой.

Мы – контейнеры,
важны только наши
внутренности.
Наружность может
задубеть и
сморщиться, как
ореховая скорлупка.

Пока мы так делаем,
пока масло смягчает
нашу кожу, мы в
состоянии верить, что
однажды выйдем на
волю, что нас вновь
коснутся в любви или
желании. У нас будут
свои церемонии,
личные.

VII

Ночь

Намаслившись, я ложусь на кровать, плоская, точно гренок.

Спать не могу.

В полутьме гляжу в слепое штукатурное око посреди потолка, и оно смотрит на меня, хоть и не видит.

Я так хочу, чтобы здесь был Люк. Я хочу, чтоб меня обняли и назвали по имени. Я хочу, чтоб меня ценили, как не ценят; я хочу быть не просто ценной.

Я хочу что-нибудь украсть.

Мне нравится. Я что-то делаю сама по себе. Активный – это спряжение?

Напряжение.

Я бы хотела украсть нож из кухни, но пока не готова.

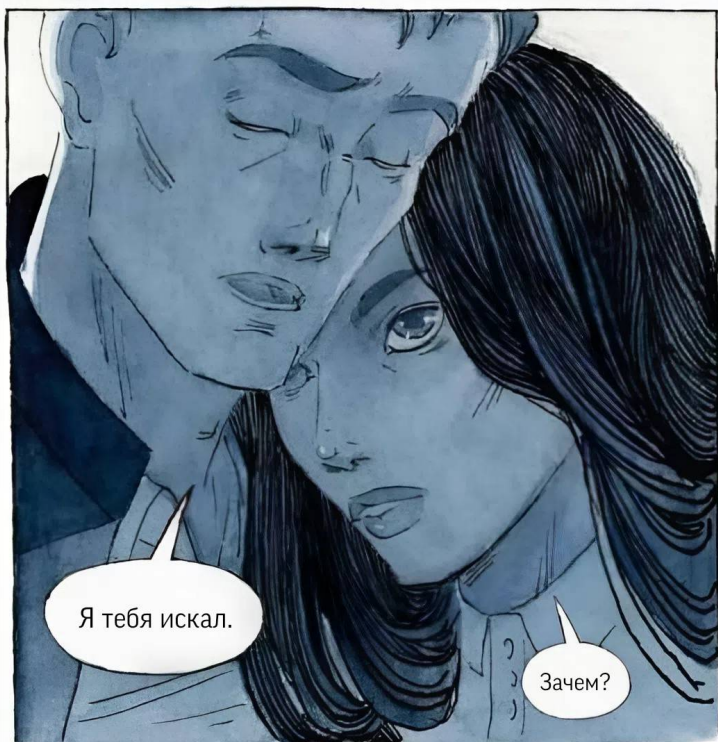

Но это слишком опасно.

Чересчур доверия, чересчур риска,
уже чересчур.

Я тебя искал.

Зачем?

Он велел. Он хочет тебя
видеть. У себя в кабинете.

О чём ты?

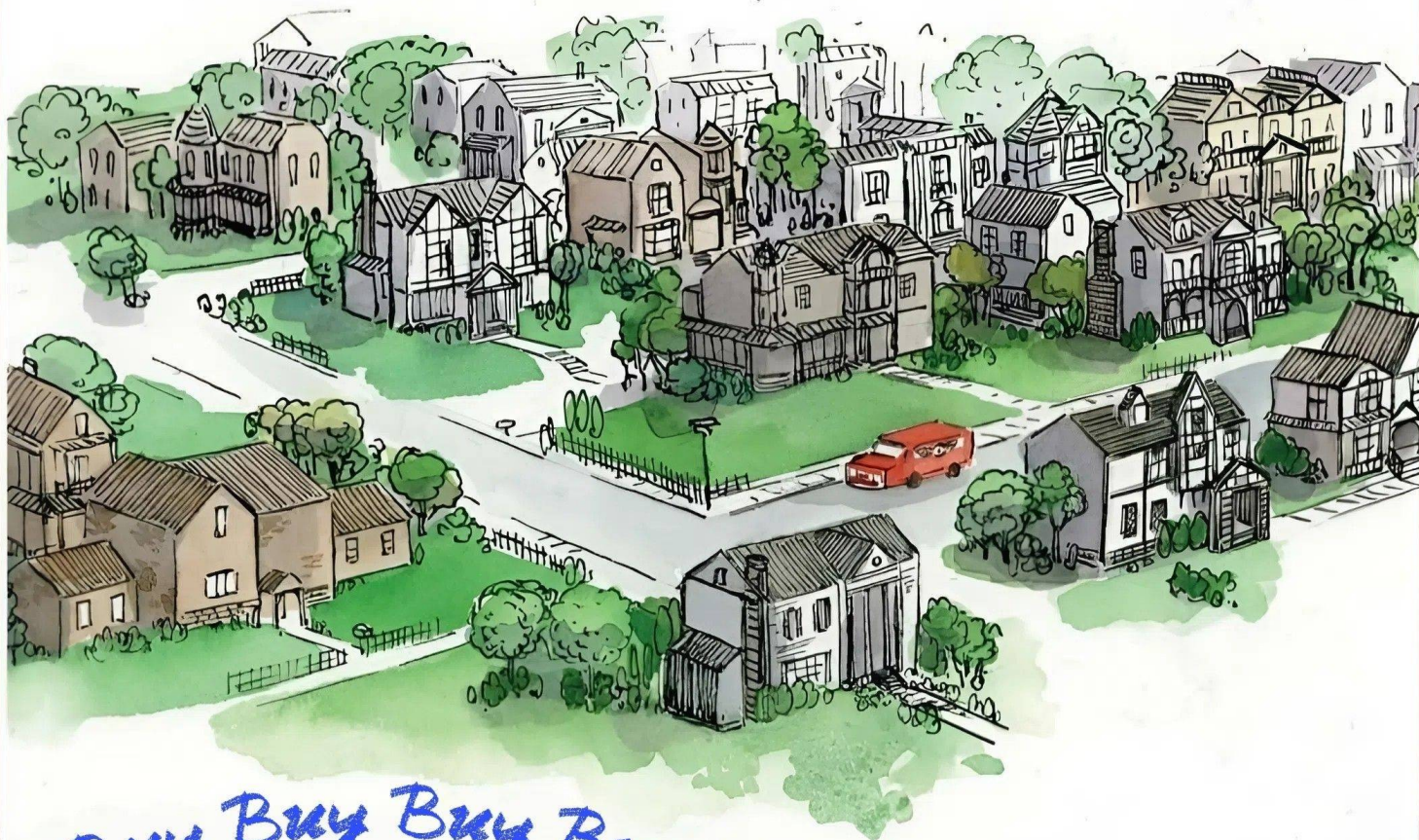
Завтра.

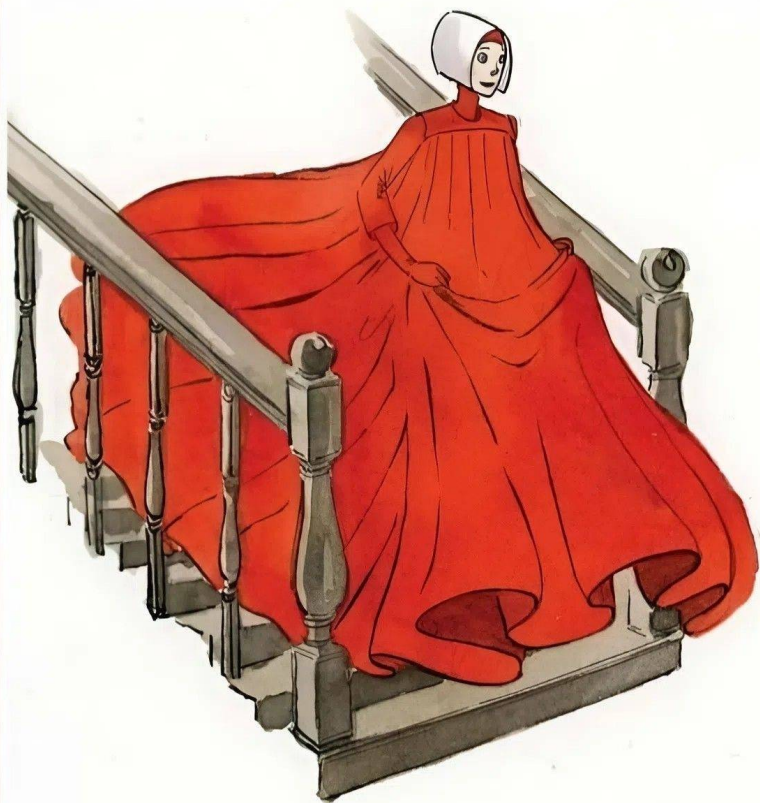
VIII

День рождения

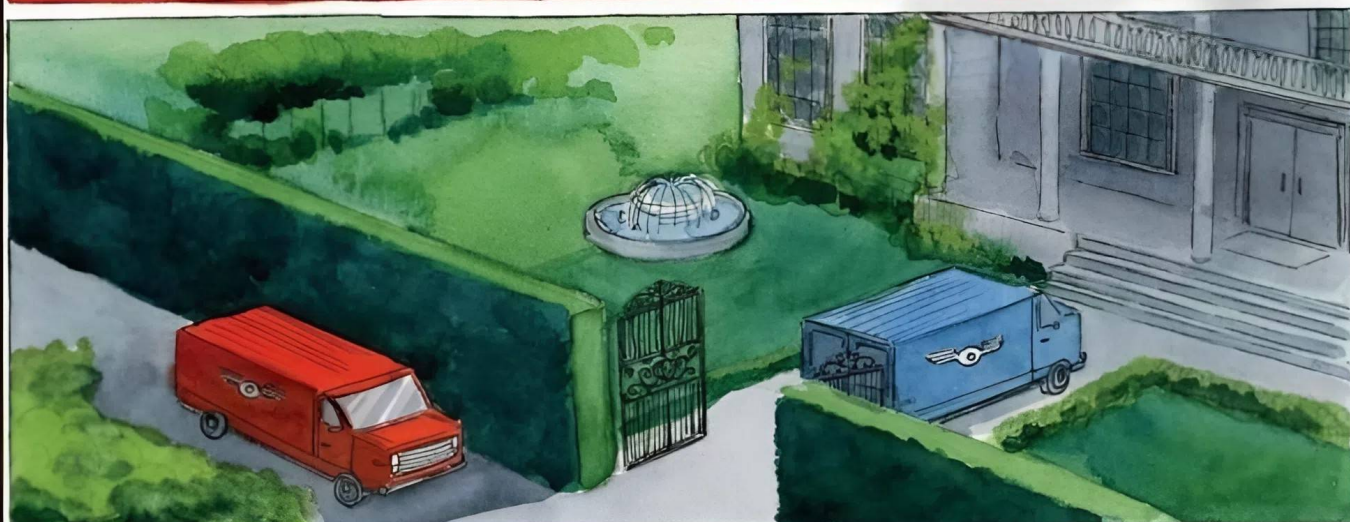
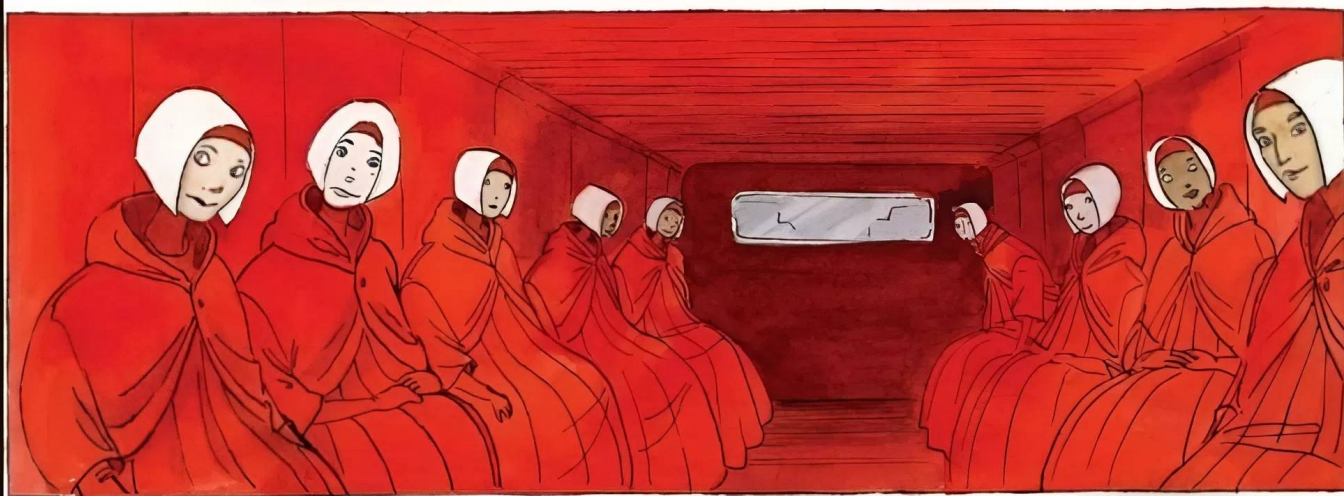
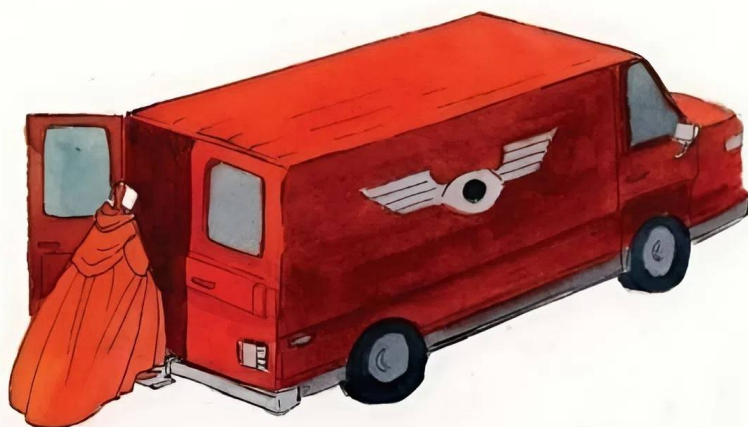

Buy Buy Buy Buy Buy Buy Buy Buy Buy Buy

Поторапливайся,
Родомобиль ждёт весь
день не будет.

Я слышу голос женщин наверху.
Они уже в комнате Уорреновой.

Другие жёны массируют Жене Командора
Уоррена крошечный животик, как будто
она вот-вот родит сама.

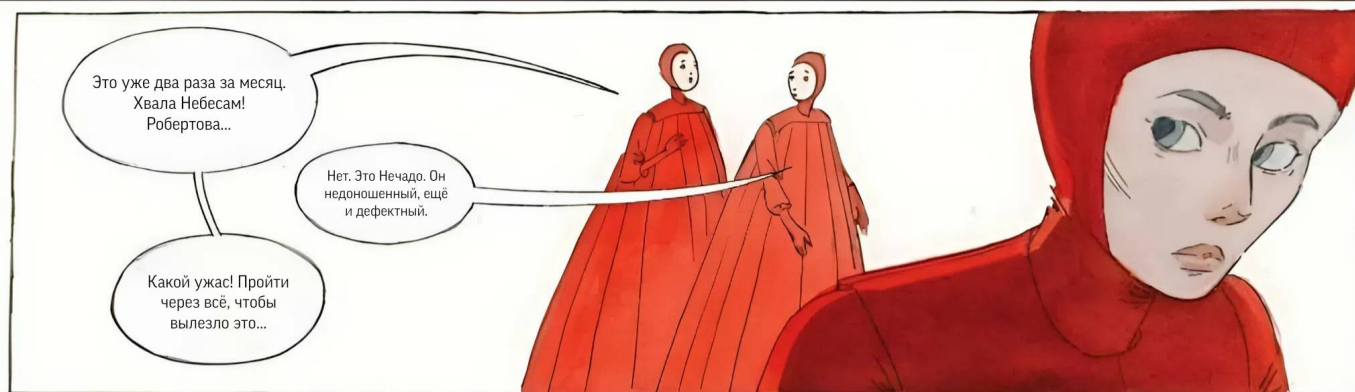
...о, но вам так повезло.
Некоторые из них даже не
чистые.

И не улыбнутся, будут хандрить в своих
комнатах, не будут мыть волосы, от них
будет такой запах... Надо заставить
кухарок сделать это, удержать в ванне...

Пришлось принять строгие
меры к своей, и теперь она
нормально не ужинает...

Насчёт остальных приёмов
пищи, то ни кусочка. А мы
были такими постоянными...

Шансы – один к четырём, мы это выучили в Центре.

Когда-то в воздухе оказалось слишком много химикатов, лучей, радиации, вода кишела токсичными молекулами.

На очистку потребны годы, а грязь тем временем просачивается в тело, расселяется по жировым клеткам.

Мы не знали, что случилось с Нечадами, их объявляли Недоношенными и считали недостойными. Знали только, что их куда-то быстро убрали.

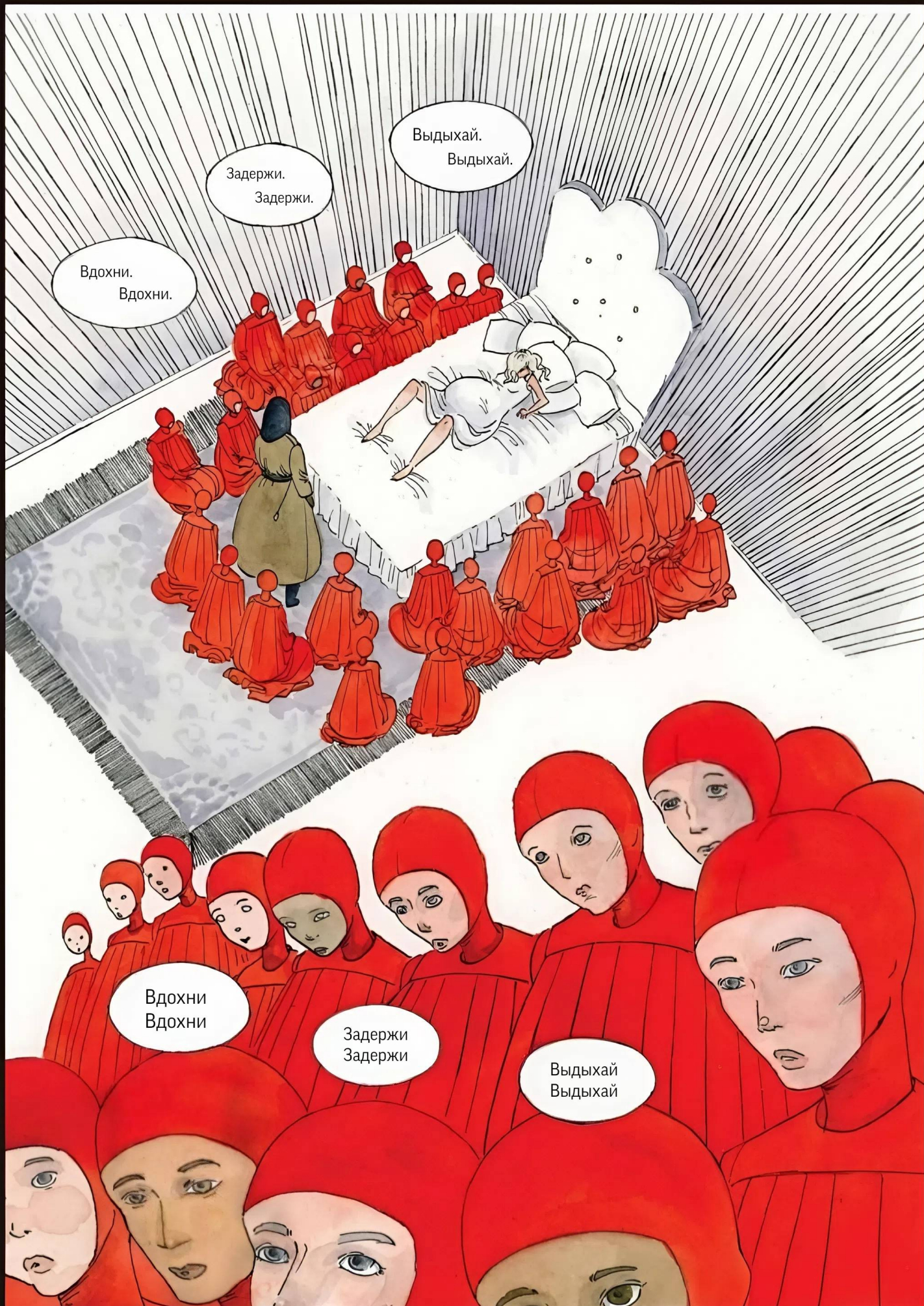

Что родит Уорренова? Чадо, как все мы надеемся? Или нечто иное, Нечадо, с булавочной головкой, или песьей мордой, или двумя телами, или дыркой в сердце, или безрукое, или с перепончатыми руками-ногами?

Заранее не выяснить. Прежде выясняли, была техника, но теперь это незаконно. Да и что толку знать?

Их нельзя вынуть; что бы там внутри ни было, нужно донашивать.

Вдохни.
Вдохни.

Задержи.
Задержи.

Выдыхай.
Выдыхай.

Вдохни
Вдохни

Задержи
Задержи

Выдыхай
Выдыхай

Это у нее второй ребенок, у нее когда-то был другой, я знаю по Центру, она плакала о ребенке по ночам, как и все мы, только хлюпала громче. Наверняка она помнит, каково это, что грядет.

Но кто помнит боль, когда она прошла? Остается лишь тень, не в сознании даже – во плоти.

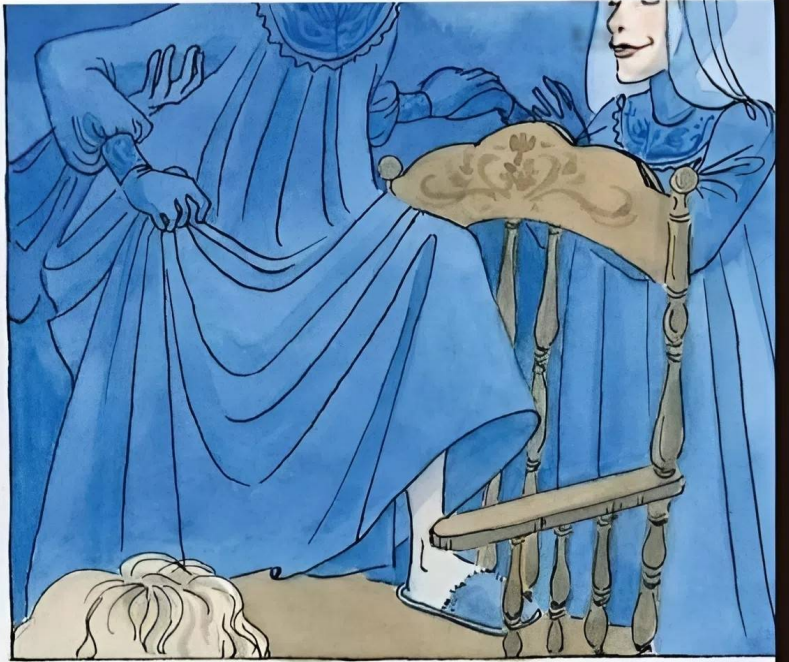
Боль клеймит тебя, но клеймо глубоко – не увидишь.
С глаз долой – из сердца вон.

Кто-то вином разбавил виноградный сок.
Кто-то умыкнул снизу бутылку. Не впервые на таких сборищах, но на это смотрят сквозь пальцы.

Нам тоже требуются оргии.

Тужься.

Тужься.

Тужься.

Отпусти.

Дыши.

Тужься.

Тужься.

Тужься.

Девочка, бедняжка, но пока ничего, хотя бы никаких видимых дефектов.

Ручки, ножки, глазки, мы молча считаем – все на месте.

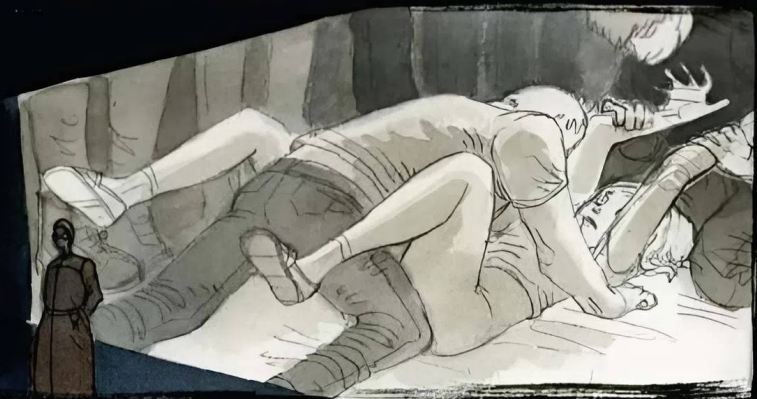
Анджела.

Рассмотрим альтернативы:
видите, каково оно было
прежде? Вот как относились к
женщинам.

Существует более, чем
один вид свободы.

Свобода для себя и
свобода от себя.

Во времена анархии это
была свобода для. Теперь
вам даётся свобода от.

Не стоит это
недооценивать.

Вы только представьте, вот так тратить время; могли бы ведь чем-то полезным заняться.

Прежде Неженщины вечно тратили время.

Мама...

Я тебя родила в тридцать семь, говорила мама. Рискованно это было, ты могла получиться калекой или еще похлеще. Ты была желанный ребенок, еще какой желанный, а уж наслушалась я от некоторых!

"Как растёт уровень врожденных дефектов после тридцати пяти!" и "Как тяжело матерям-одиночкам!"

Я им говорю: да на хуй идите, я в это ввязалась, и я пойдю до конца.

У меня приличная зарплата,
мужик не требуется, что от
них толку, кроме
десятисекундного
полребенка?

О, я не знаю, мужчины, кажется, и
сами тоже прекрасно справляются,
строя цивилизацию и всё такое.

В любом случае, я слышал,
что женщины не способны
к абстрактному
мышлению.

Свинячий шовинист.

Как она
старомодна, да?

Имею право. Я уже старуха, долги
раздала, могу и старомодной
побыть. У тебя еще молоко на губах
не обсохло. Поросенок, вот ты кто.

Ты глянь на него – морковку режет.
Хобби-хуёбб. Можешь мне тут не
оправдываться. Было время, когда
фиг бы тебе разрешили такое хобби,
обзывали бы гомиком.

Ладно, мама, давай не
будем на пустом месте
ругаться.

Ты считаешь, это
пустое место.
Молодежь ничего не
ценит.

Вы понятия не имеете, что
мы пережили, чтоб вы все
это имели.

Запомните.

Умножьте скорбь свою и
зачатие своё; в скорби
будете рожать детей.

В прежние времена они
накачивали женщин
наркотиками, вызывали роды,
вскрывали их. Прежде
врачи-мужчины принимали
роды.

Но сейчас, сейчас вы
поможете свои сёстрам
в горе, как и они
помогут вам.

Мама, где бы ты не была. Ты слышишь
меня? Помнишь, ты хотела создать
женскую культуру? Что ж, вот она. Будьте
благодарны даже маленьким милостям.

Ты
слышала?

О Мойре?

Я услышала это от
Джанин...

В ту ночь мы передавали эту историю друг другу в полутьме – еле слышно, с койки на койку. Мойра на Упражнениях отпросилась в туалет.

Мойра была как лифт без стенок. У нас от нее кружилась голова. Мы уже теряли вкус к свободе, уже ценили безопасность в этих стенах.

И все же мы фантазировали о Мойре. Мы ждали, что в любую минуту ее приволокут назад, как прежде. Мы представить не могли, что с нею сделают на сей раз. Что бы ни сделали, это будет чудовищно

Но ничего не произошло. Мойра не появилась. До сих пор.

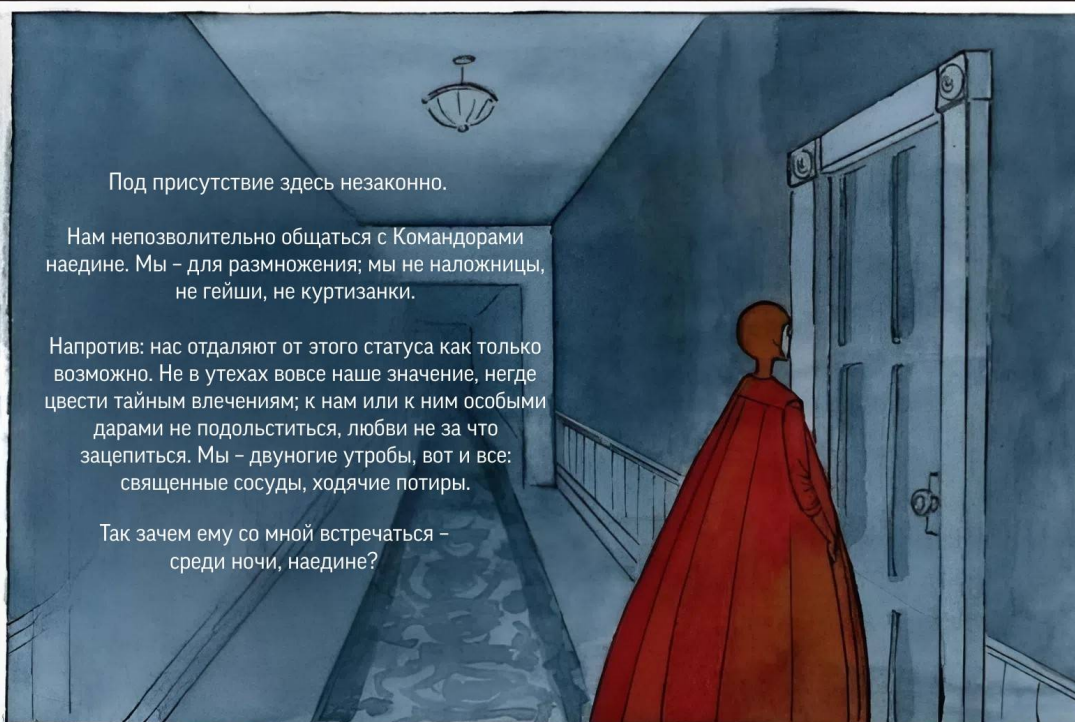

Под присутствие здесь незаконно.

Нам непозволительно общаться с Командорами наедине. Мы – для размножения; мы не наложницы, не гейши, не куртизанки.

Напротив: нас отдалают от этого статуса как только возможно. Не в утехах вовсе наше значение, негде цвести тайным влечениям; к нам или к ним особыми дарами не подольститься, любви не за что зацепиться. Мы – двуногие утробы, вот и все: священные сосуды, ходячие потиры.

Так зачем ему со мной встречаться – среди ночи, наедине?

А если застучают, спасение мое – на милости Серены. Ему не полагается встречать в воспитание домочадцев, это женская забота. Затем – реклассификация. Я могу стать Неженщиной.

Но если отказаться, может выйти хуже. Не нужно гадать, у кого тут реальная власть.

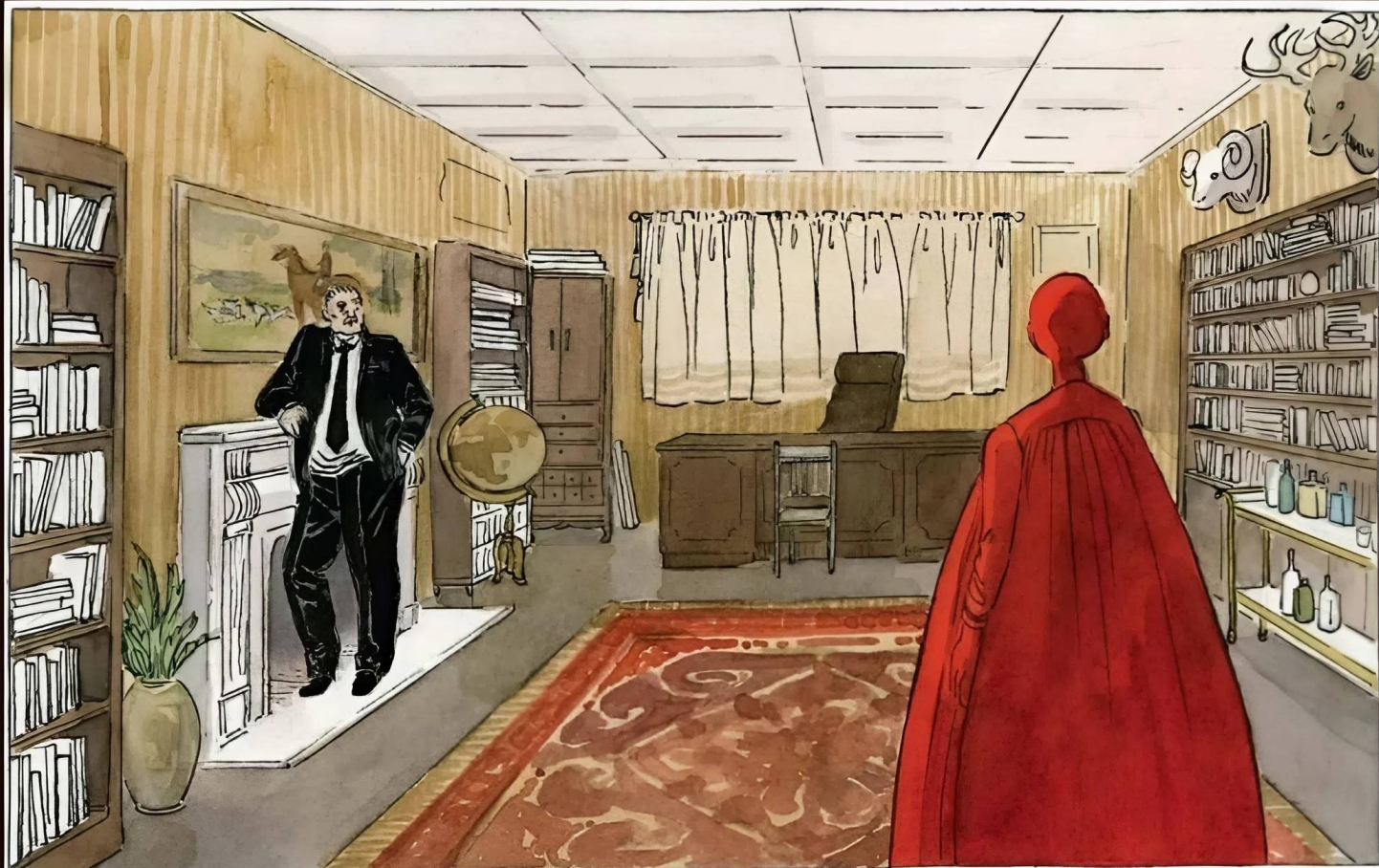

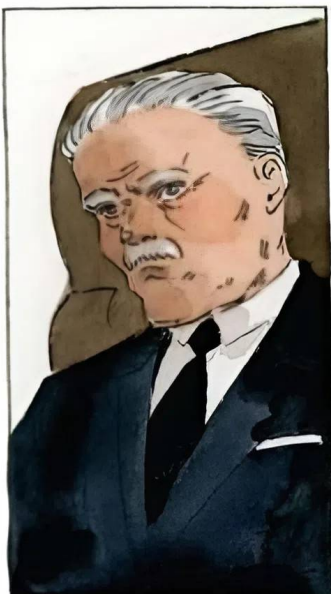
Но, видимо, он чего-то хочет от меня.

Хотеть – это слабость. И слабость эта, какова бы ни была, соблазняет меня. Как трещинка в стене, прежде непроницаемой. Если глазом прижаться к ней, к этой его слабости, быть может, я различу ясно, куда двигаться.

Я хочу знать, чего он хочет.

Тебе это, наверное, странно.

Наверное, это и впрямь странно.

Я хочу...

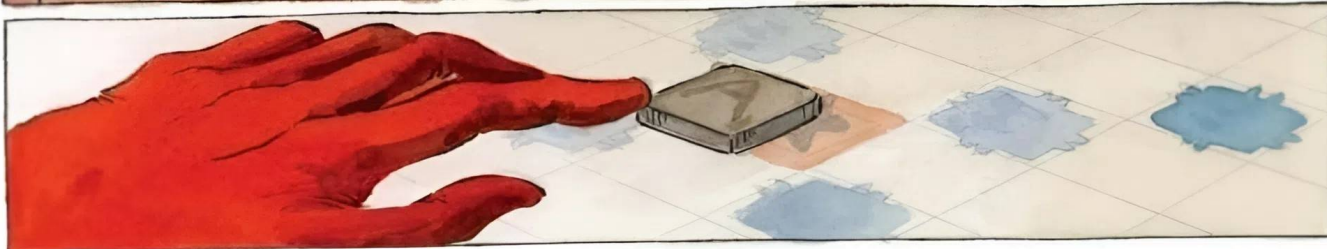
Я бы хотел... Только это звучит глупо.

Я хочу, чтобы ты сыграла со мной в «Эрудит»

Хорошо.

«Эрудит» – игра для старух,
для стариков, летом или в
домах престарелых, в нее
играли, когда не было ничего
занимательного по телевизору.

Однако ныне, конечно, все
иначе. Ныне «Эрудит» для
нас под запретом. Ныне он
опасен.

Он непристойен.
Ныне Командору не
сыграть в «Эрудит»
с Женой.

Вот она, свобода – миг свободы.

Фишки – точно леденцы,
мятные, такие же прохладные.

Я выигрываю первый раунд и позволяю Командору выиграть второй: я так и не выяснила, каковы условия, что я смогу попросить взамен.

Полагаю, тебе пора идти домой.

Да, в твою комнату.

Спасибо... За игру.

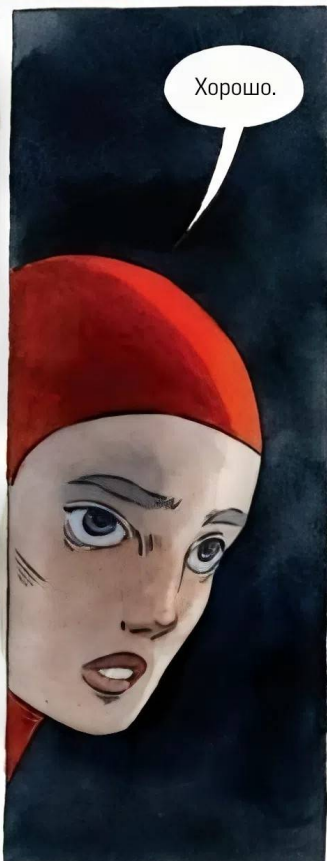

Это как на свидании.

Это заговор.

Я хочу, чтобы ты меня поцеловала.

Хорошо.

IX

Ночь

Мне говорили, что мужчины -
секс-машины. Что у них только одно на
уме. Но Командор...

Командор сидит в кабинете, играет в
слова, хочет – чего? Чтобы с ним
поиграли, чтобы нежно поцеловали,
как будто по правде.

Я знаю, нельзя шутить с ним, с этим его
желанием. Вдруг оно важно, вдруг оно –
пропуск, вдруг оно – мое крушение.

Я могу что-нибудь
попросить.

Вероятно, немного;
но хоть что-нибудь.

ХА!

ХА-ХА-ХА-МФФХ

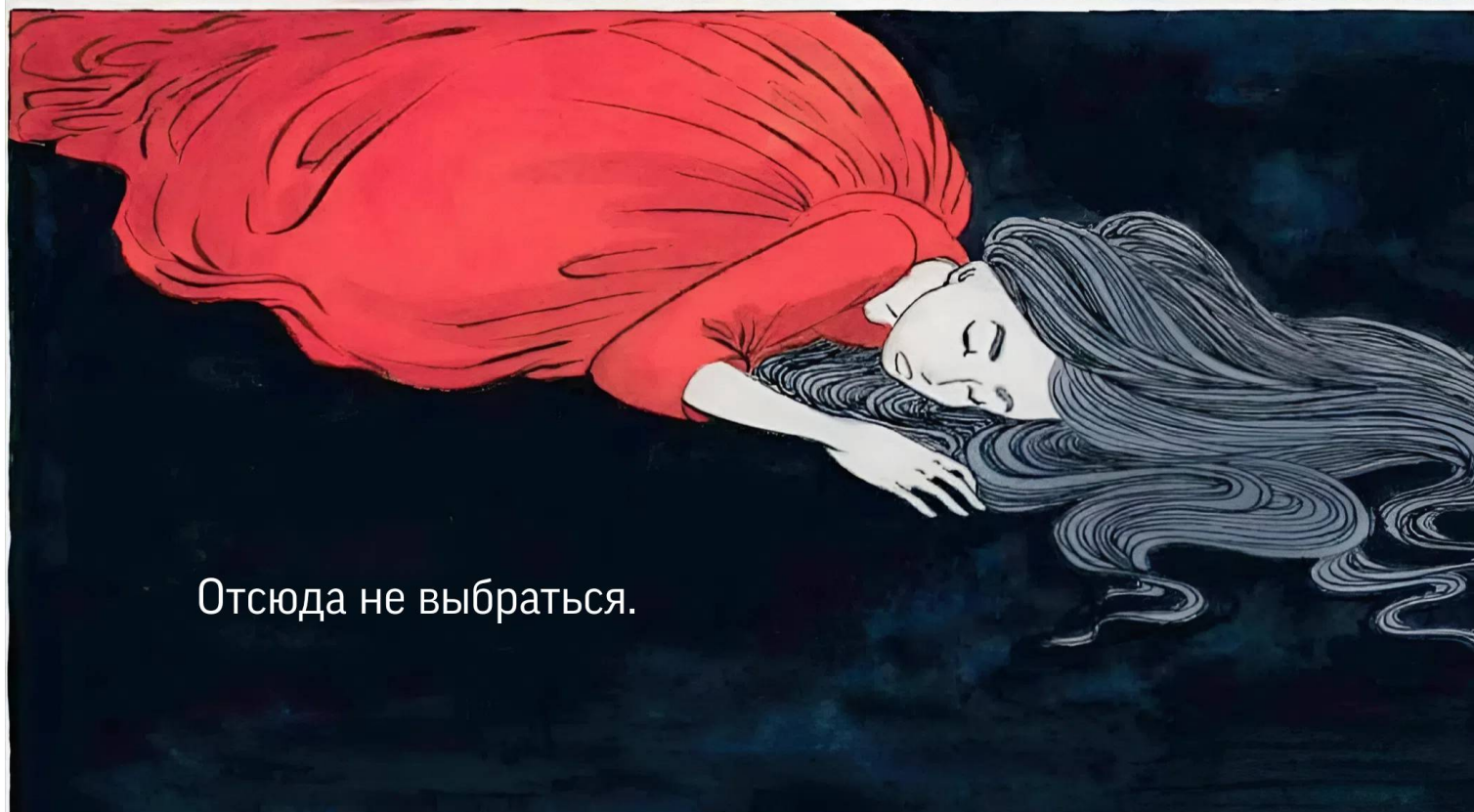

ХА-ХА-ХА-МФФХ

*Holite te bastardest
carborundorum.*

Зачем же она это писала,
зачем старалась?

Отсюда не выбраться.

X

Свитки Духа

То было в мае. Мы пережили весну.
Мгновение расцвета тюльпанов ушло,
еле блеснув, и они короны роняли
одну за другой, как зубы.

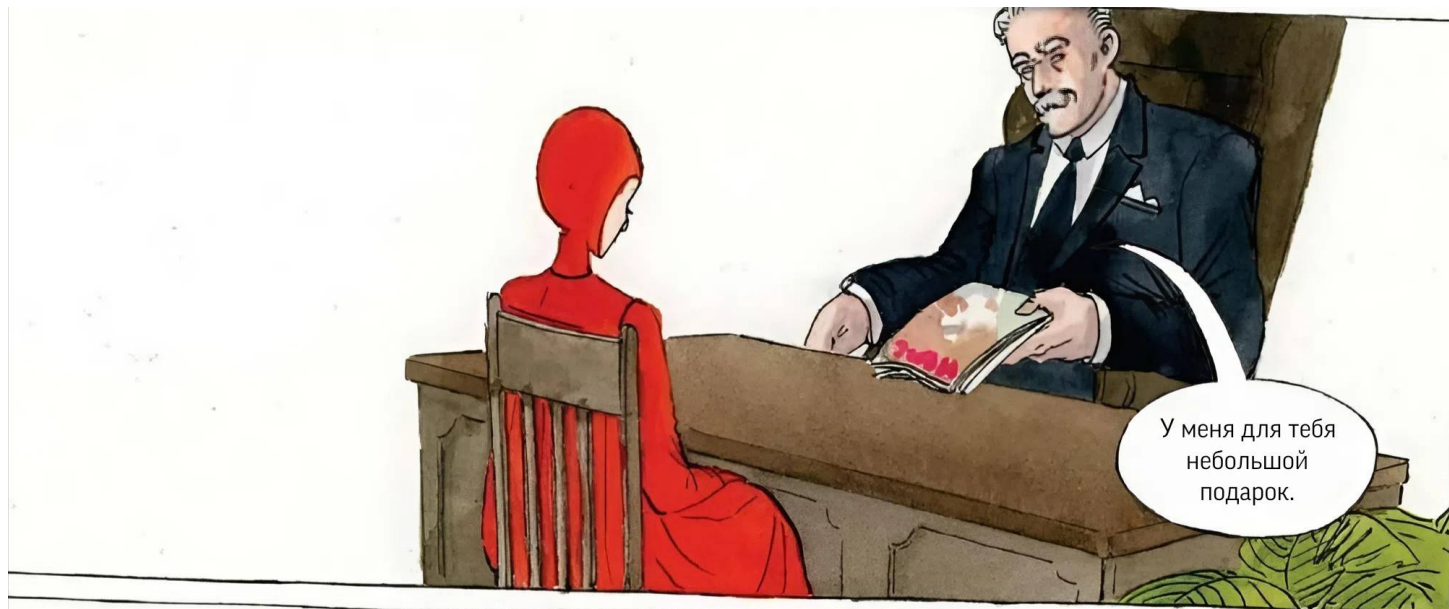
У нас с Командором
уговор.

Я прихожу к Командору
два или три вечера в
неделю, только после
ужина, но лишь когда
получаю сигнал.

Сигнал – это Ник.
Если фуражка у
него набекрень
или вообще
отсутствует, – я
прихожу.

У меня для тебя
небольшой
подарок.

Это старый. Антиквариат
своего рода. Я подумал, ты
захочешь взглянуть.

Это не
разрешается...

Здесь
разрешается.

Я чувствовала, что Командор
наблюдает, как я
переворачиваю страницы. Я
знала: я делаю то, чего делать
не должна, и ему приятно это
видеть.

Но их же должны были
сжечь. Искали по
домам, жгли костры...

Что опасно в руках масс,
вполне безопасно для тех,
чьи побуждения...

Выше всякой
критики.

А зачем вы это
показываете мне?

А кому мне еще
показать?

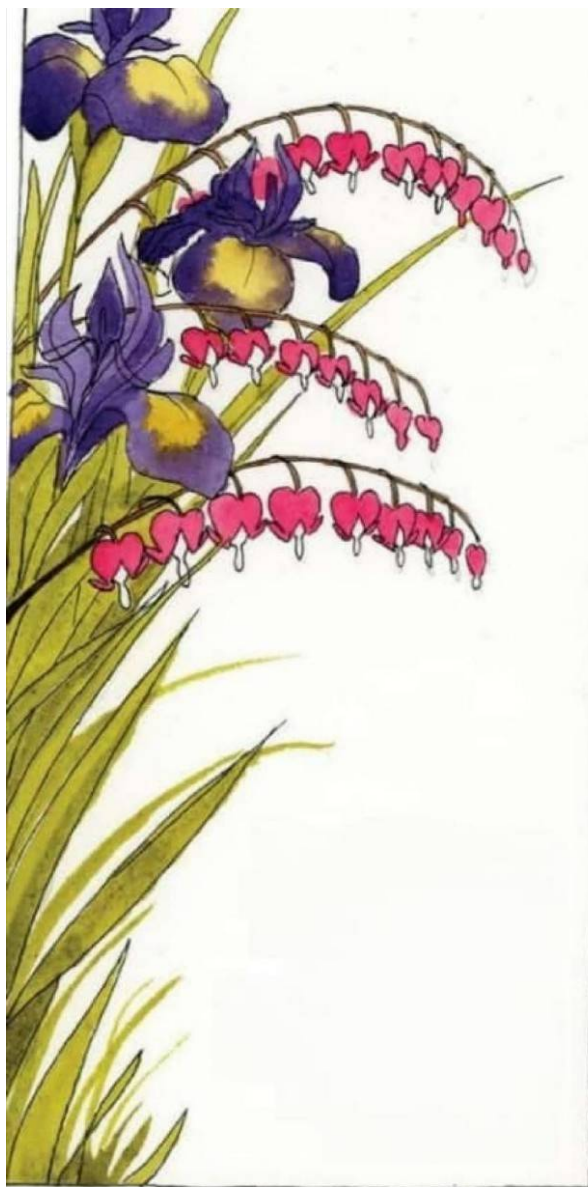
А вашей
Жене?

Нет, она не поймет. И
вообще она со мной уже
почти не разговаривает.

Видимо, у нас
теперь мало общего.

Вот почему я здесь. Старо
как мир. Так банально, что
даже не верится.

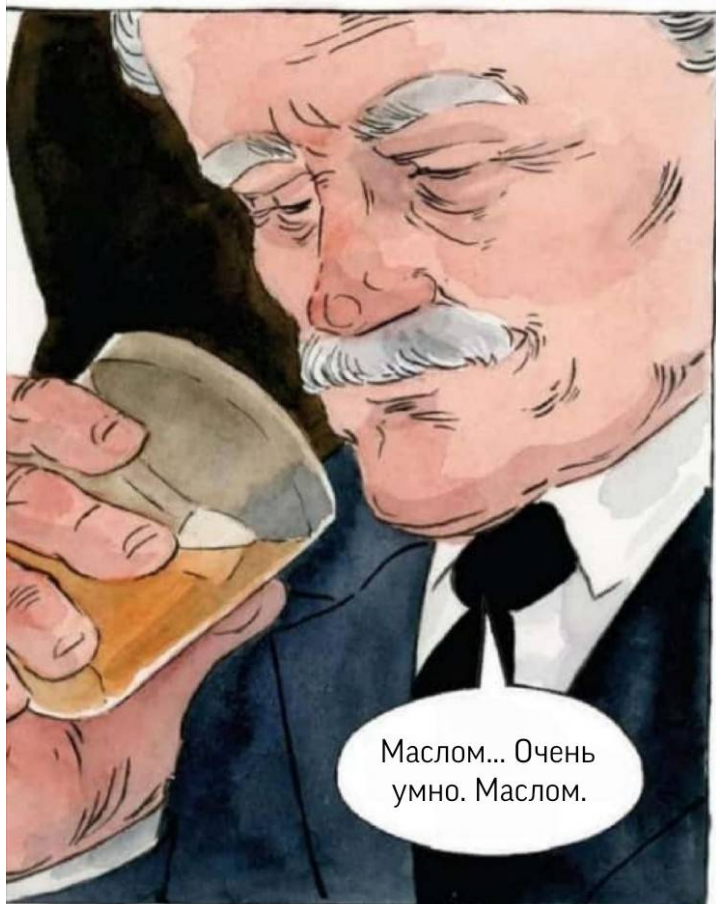

Что для рук?

Крем. Для рук или для лица. У нас кожа очень сохнет.

Сохнет? И что вы делаете?

Мажем маслом, когда получается. Или маргарином. Чаще всего маргарином.

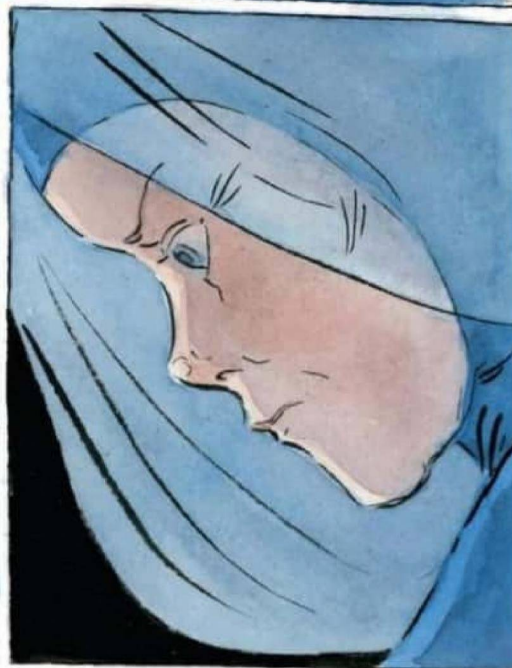
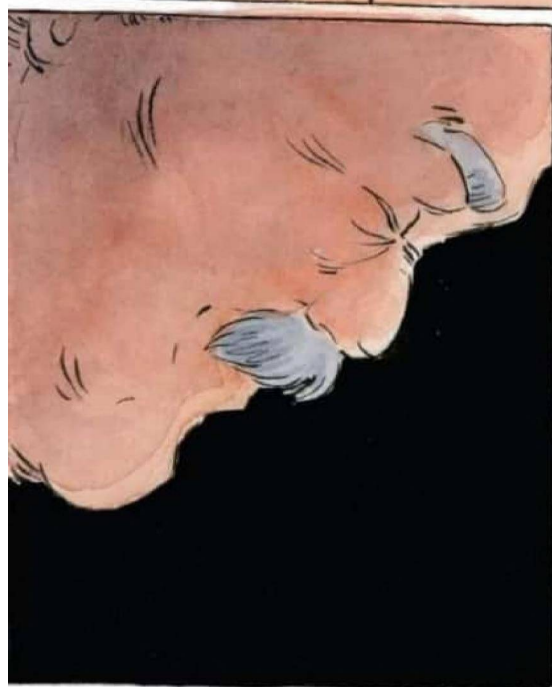
Маслом... Очень умно. Маслом.

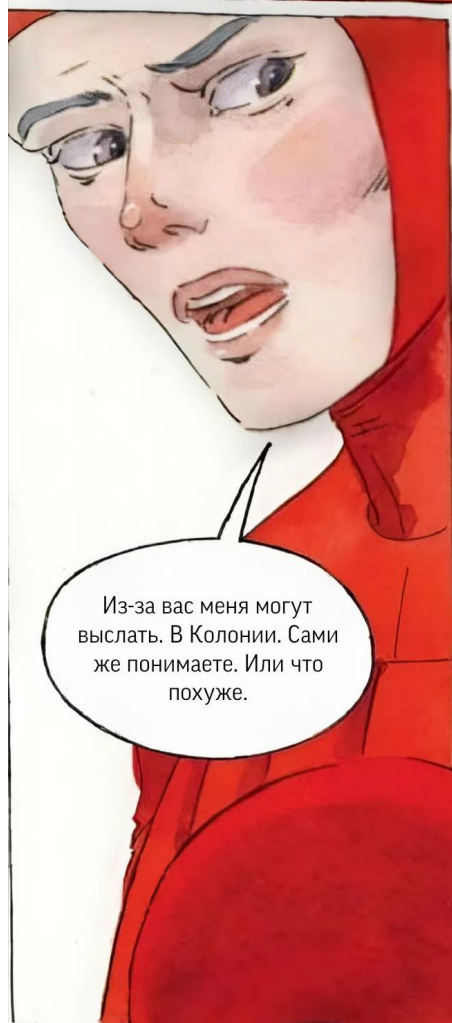

Пожалуй, я смогу достать. Но она может унюхать.

Я буду осторожна. Кроме того, она никогда ко мне не приближается.

Нам с Гленовой теперь уютнее друг
с другом, мы приноровились.

Время от времени меняем маршрут; в этом нет
ничего дурного, пока мы за оградой.

Крысе в лабиринте позволительно идти куда
вздумается, – при условии, что она в лабиринте.

На Стене пусто, летом трупы не
болтаются подолгу, как зимой,
потому что мухи и вонь.

Отчего-то пустота Стены еще грознее
пророчит беду. Если кто-то висит, хотя бы
знаешь худшее. Но опустелая Стена
устрашает, как надвигающийся шторм.
Когда я вижу тела, настоящие тела, когда
по размерам и формам различаю, что ни
одно из них не Люково, я в силах верить,
что он еще жив.

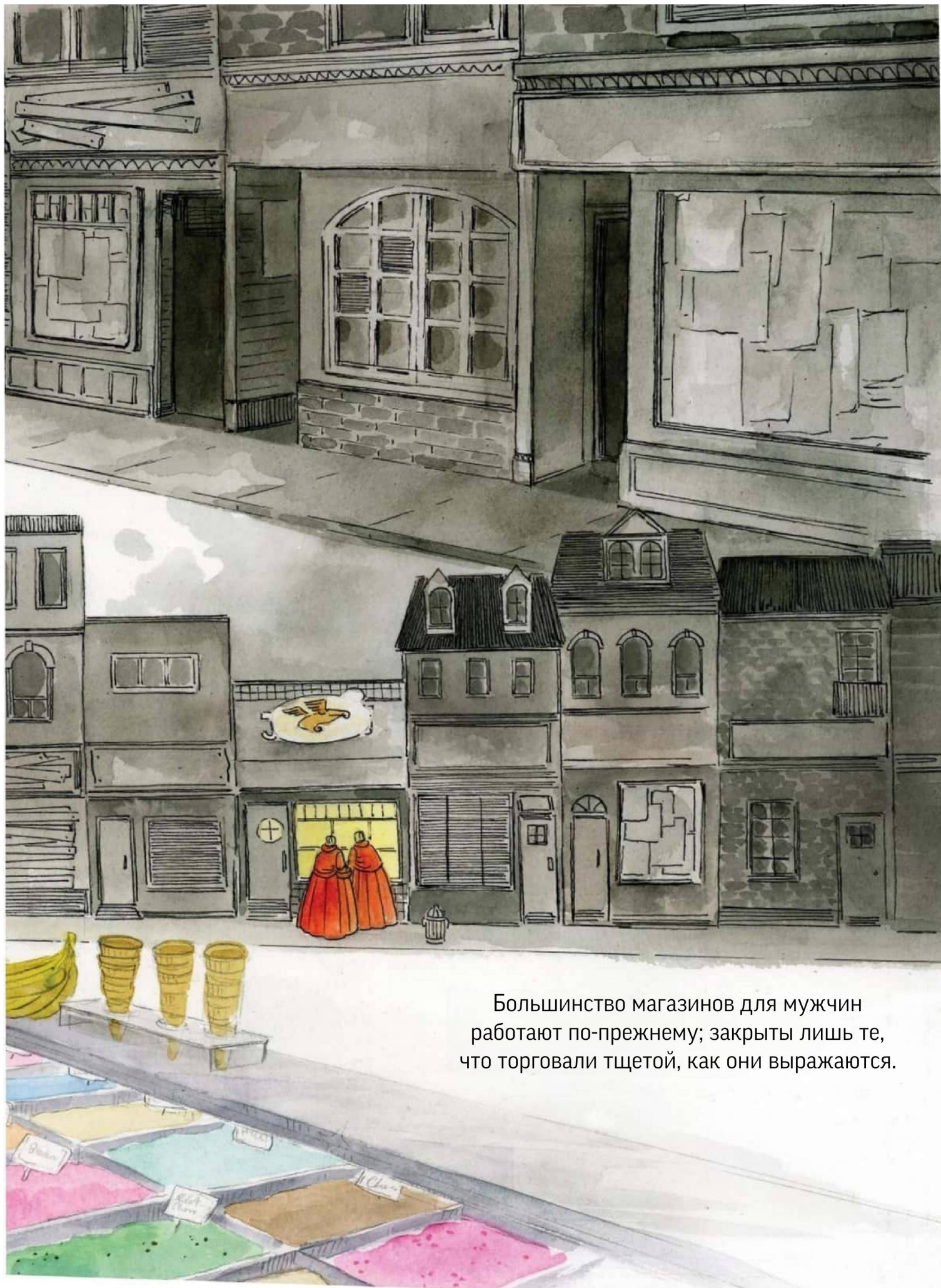
Где-то в этом квартале раньше было
кафе-мороженое.

Можно было заказать двойное, а
если попросишь, сверху посыпали
шоколадной крошкой.

Я читала своей дочери
названия, чтобы она выбрала.

Но она выбирала не по названию –
по цвету. Ее платьица и
комбинезоны были таких же тонов.
Пастельного мороженого.

Большинство магазинов для мужчин
работают по-прежнему; закрыты лишь те,
что торговали тщетой, как они выражаются.

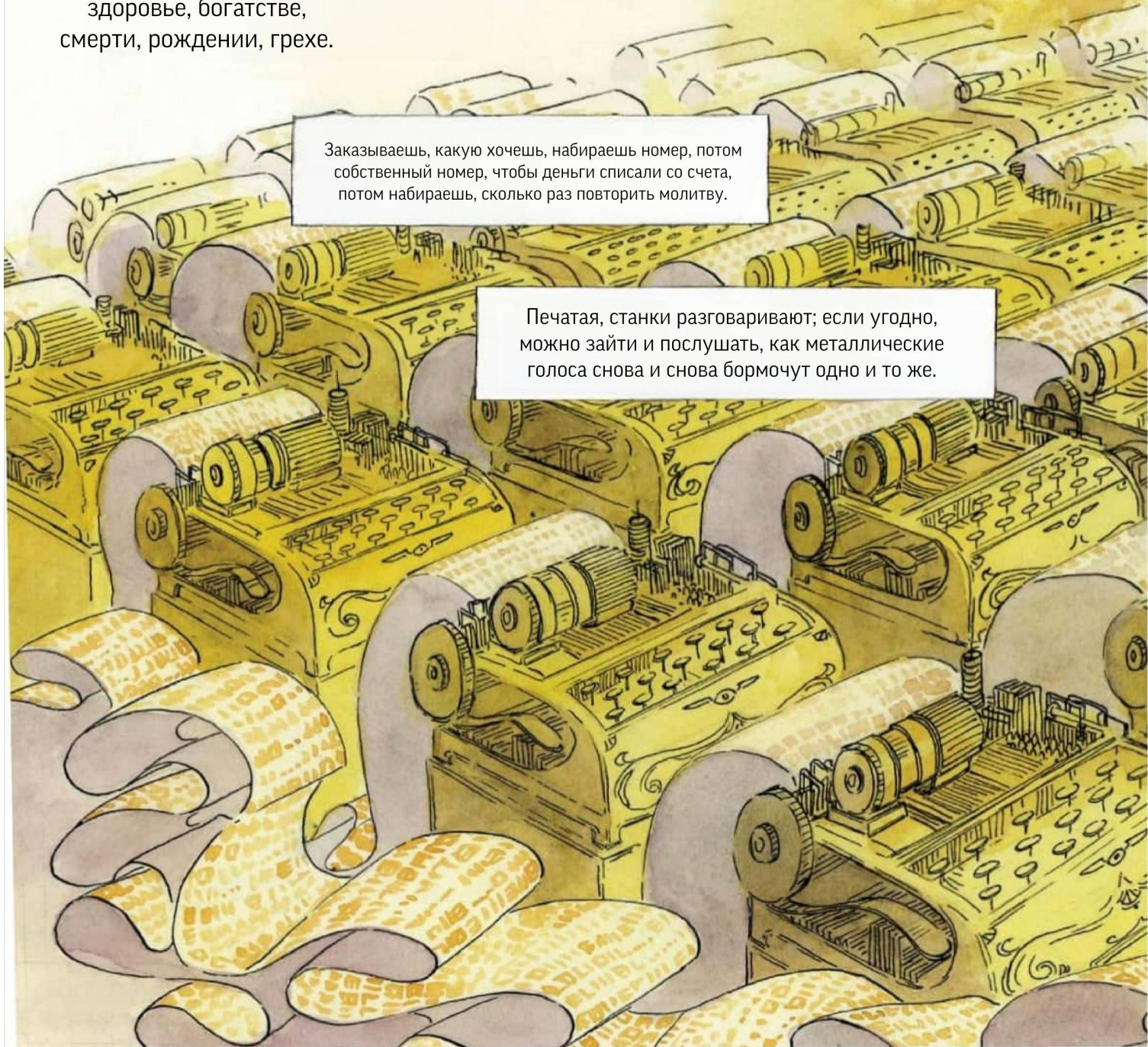
На углу магазин,
называется «Свитки
Духа». Франшиза: в
центре каждого города
есть «Свитки Духа», в
каждом пригороде – во
всяком случае, так
говорят. Надо думать,
очень прибыльно.

В «Свитках Духа»
распродаются молитвы –
без конца печатаются на
станках свиток за
свитком. Есть пять
разных молитв: о
здоровье, богатстве,
смерти, рождении, грехе.

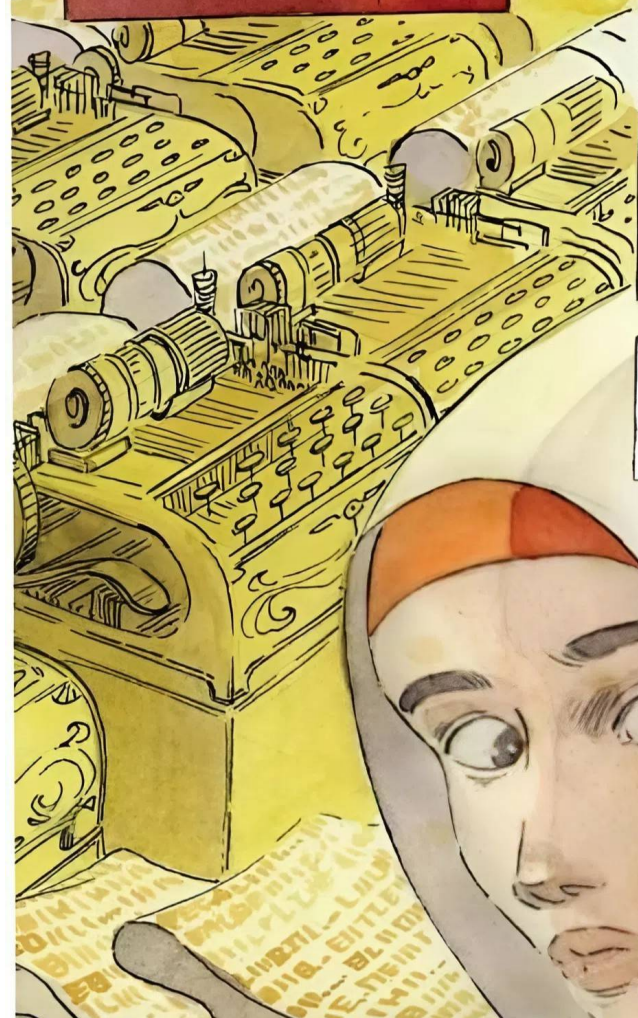
Заказываешь, какую хочешь, набираешь номер, потом
собственный номер, чтобы деньги списали со счета,
потом набираешь, сколько раз повторить молитву.

Печатают, станки разговаривают; если угодно,
можно зайти и послушать, как металлические
голоса снова и снова бормочут одно и то же.

В прошлом – довольно тривиальное замечание, школярские раздумья.
Ныне – измена родине.

Не поднимай голову, когда
пойдем, и чуть-чуть наклонись
ко мне. Тогда мне будет лучше
слышно. Если кто-нибудь рядом
– молчи.

Тут
безопасно?

По-моему, безопаснее
всего. Мы как будто
молимся, вот и все.

Они? Снаружи всегда
безопасно, микрофонов нет.
Зачем здесь вообще микрофон?
Они думают, никто не посмеет.

Но мы долго уже тут
стоим. Пошли, а то
опоздаем.

Я думала, ты
правоверная

Я думала,
ты...

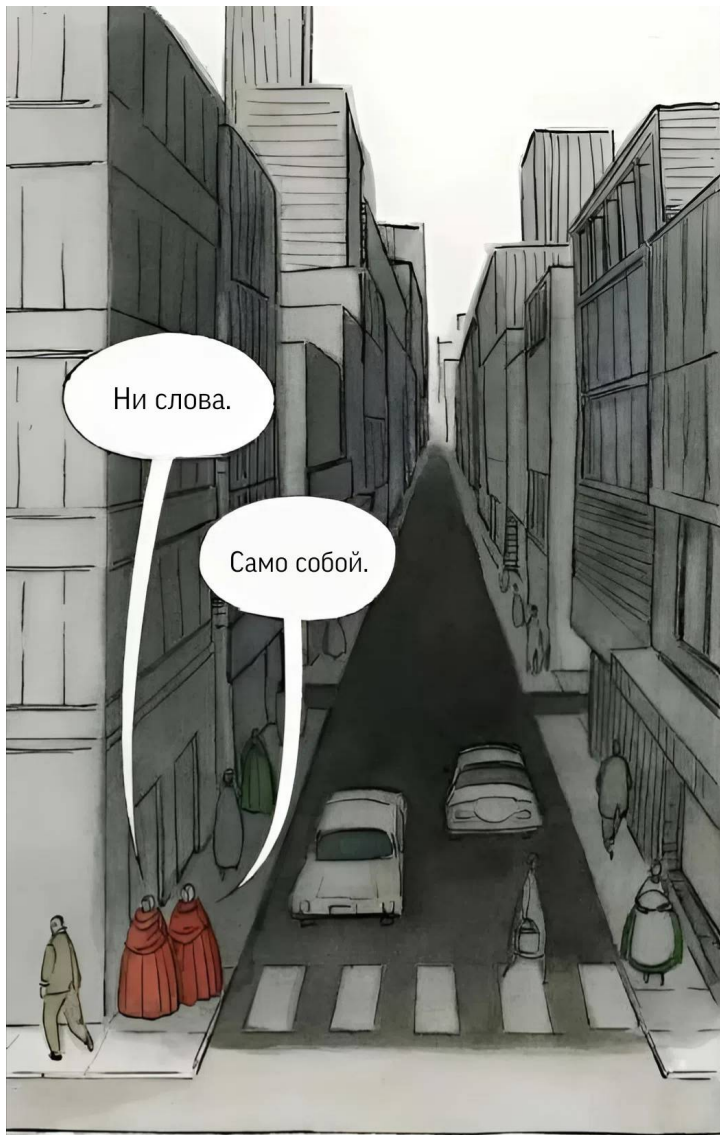
От тебя прямо несло
благочестием.

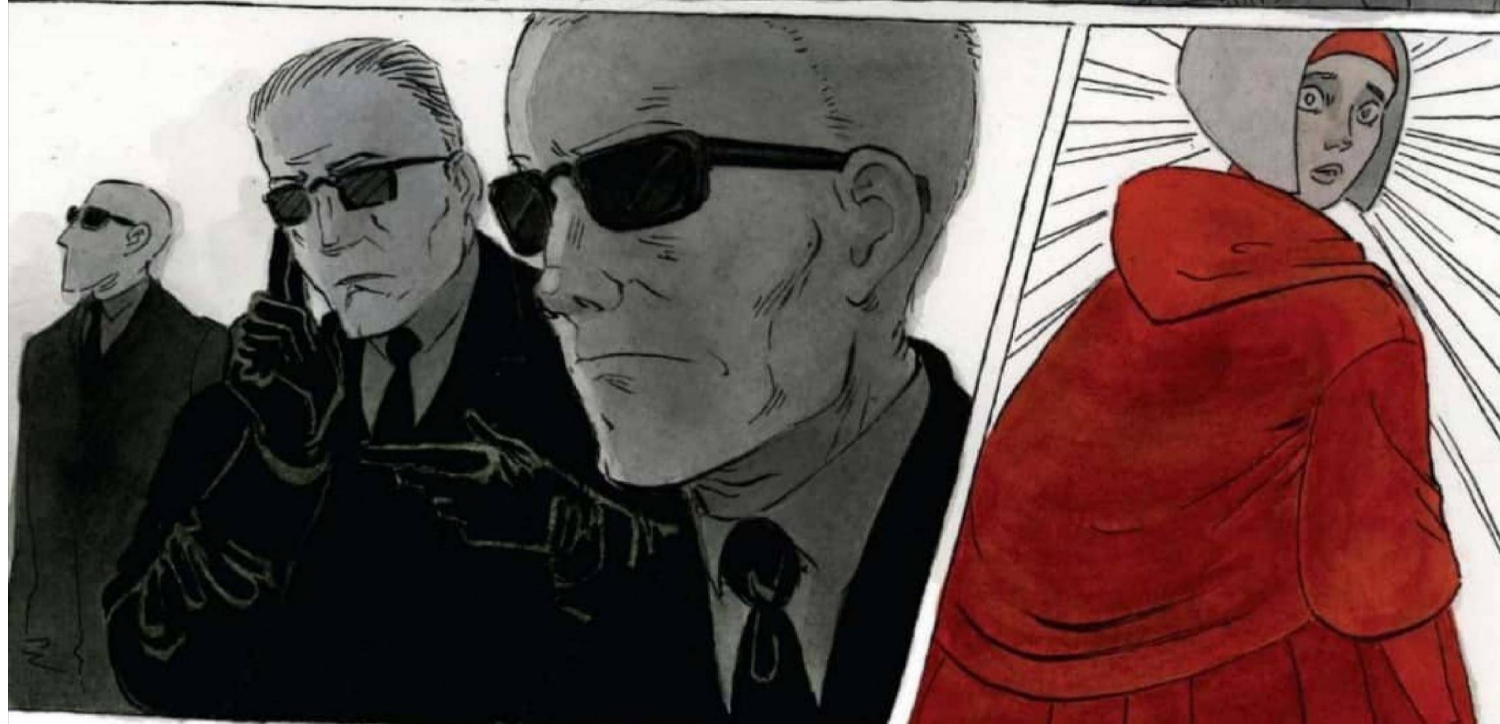
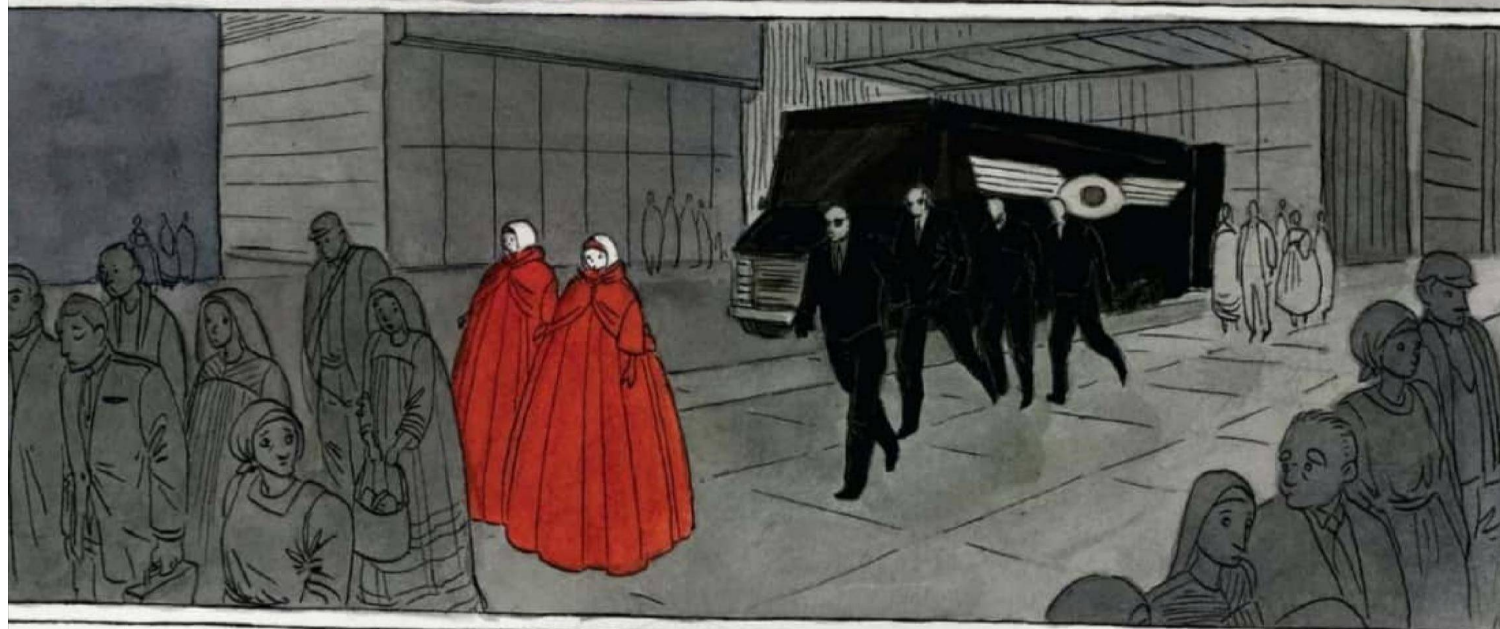
От тебя
тоже...

Можешь к нам
присоединиться.

К нам?

Ты сама подумай –
я же не одна такая,
правда?

Что я
чувствую?
Облегчение.
Приехали не
за мной.

Если не одобряешь,
так и скажи.

Фактически, да,
не одобряю.

Ты промышляешь на чужой
территории. На территории
чужой женщины.

Люк не рыба и не золотой
прииск! Он человек и
способен сам решить.

Ты упрощаешь.

Я
влюблена!

Это не
оправдание.

У тебя такой проблемы нет, с тех пор,
как ты решила предпочесть женщин и,
насколько я понимаю, ты и глазом не
моргнешь, если тебе приспичит украсть
их или позаимствовать.

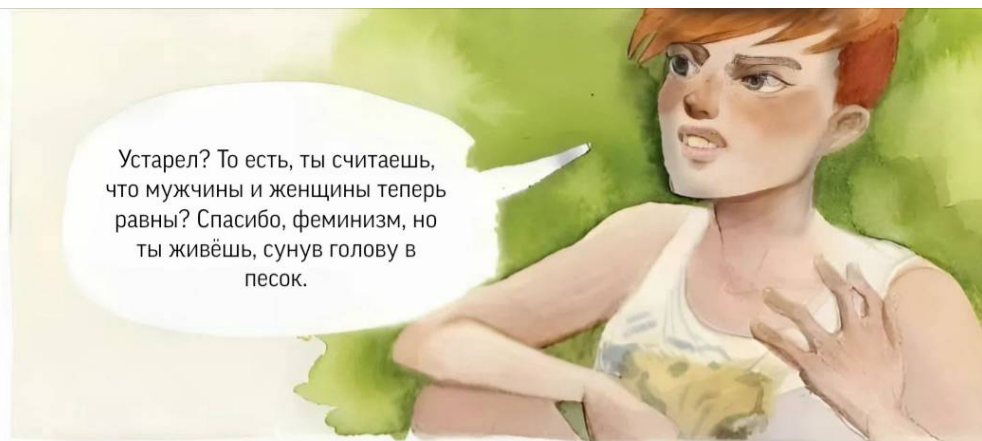
Тут все иначе, поскольку среди
женщин власть сбалансирована
и секс означает дележку
по-братски.

Если уж на то пошло,
«по-братски» – это
сексизм.

Да ну!

И вообще, этот
аргумент устарел.

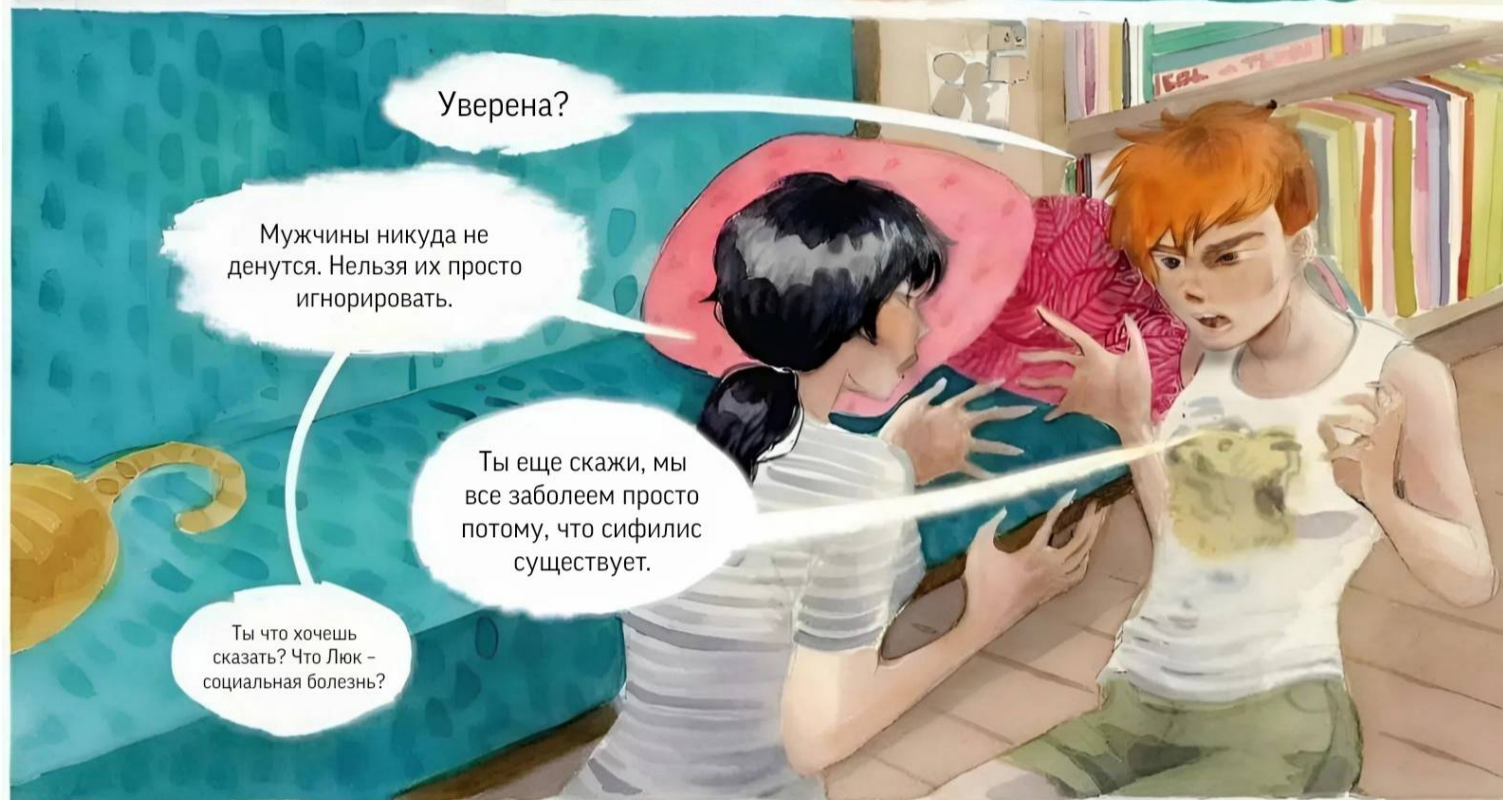

Устарел? То есть, ты считаешь,
что мужчины и женщины теперь
равны? Спасибо, феминизм, но
ты живёшь, сунув голову в
песок.

Есть много способов
жить, сунув голову в
песок!

И если ты считаешь, будто можно
создать Утопию, запершись в анклав
только с женщинами, – увы, ты
заблуждаешься.

Уверена?

Мужчины никуда не
денутся. Нельзя их просто
игнорировать.

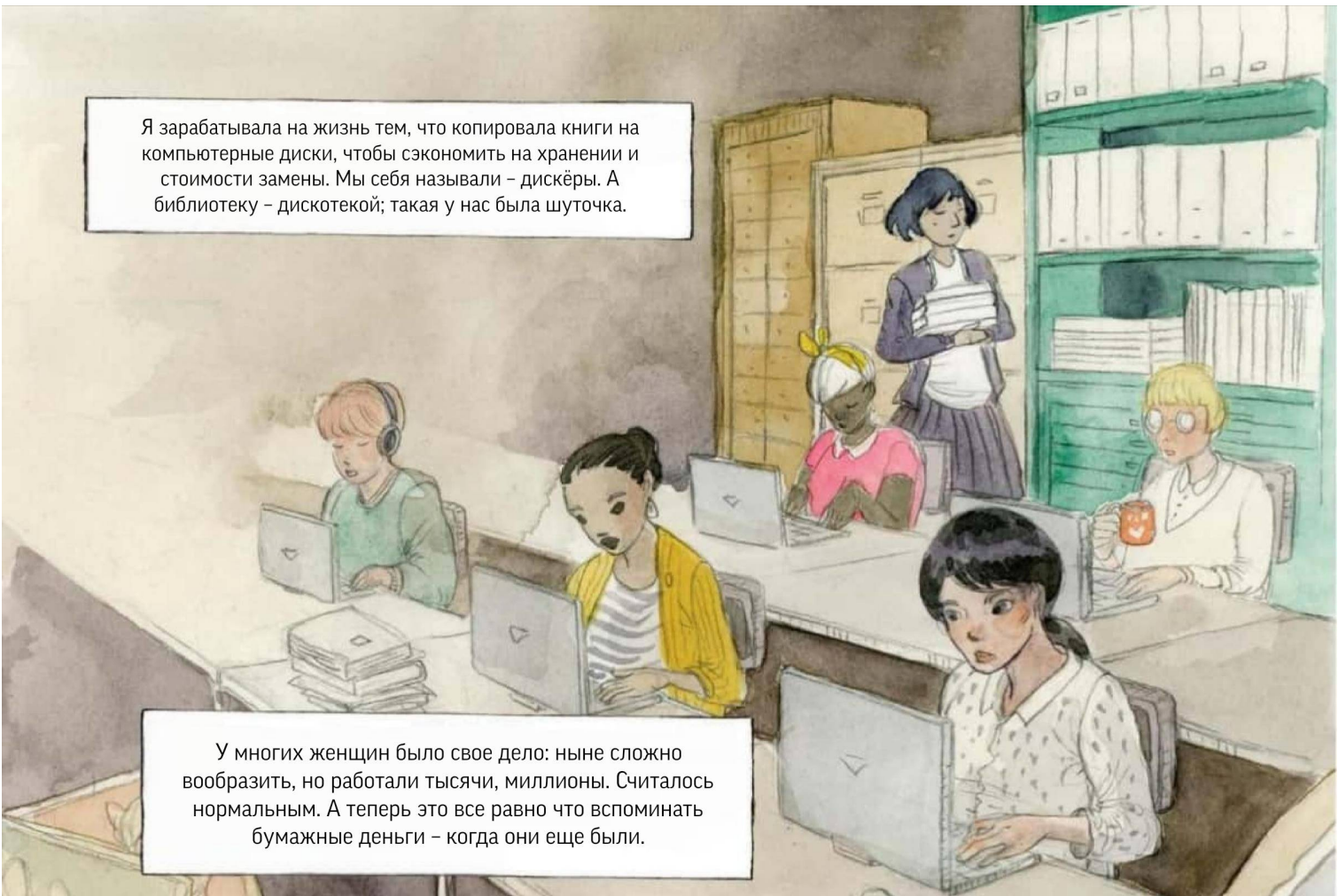
Ты еще скажи, мы
все заболеем просто
потому, что сифилис
существует.

Ты что хочешь
сказать? Что Люк –
социальная болезнь?

Она была моей самой лучшей подругой.

И есть.

Я зарабатывала на жизнь тем, что копировала книги на компьютерные диски, чтобы сэкономить на хранении и стоимости замены. Мы себя называли – дискёры. А библиотеку – дискотекой; такая у нас была шуточка.

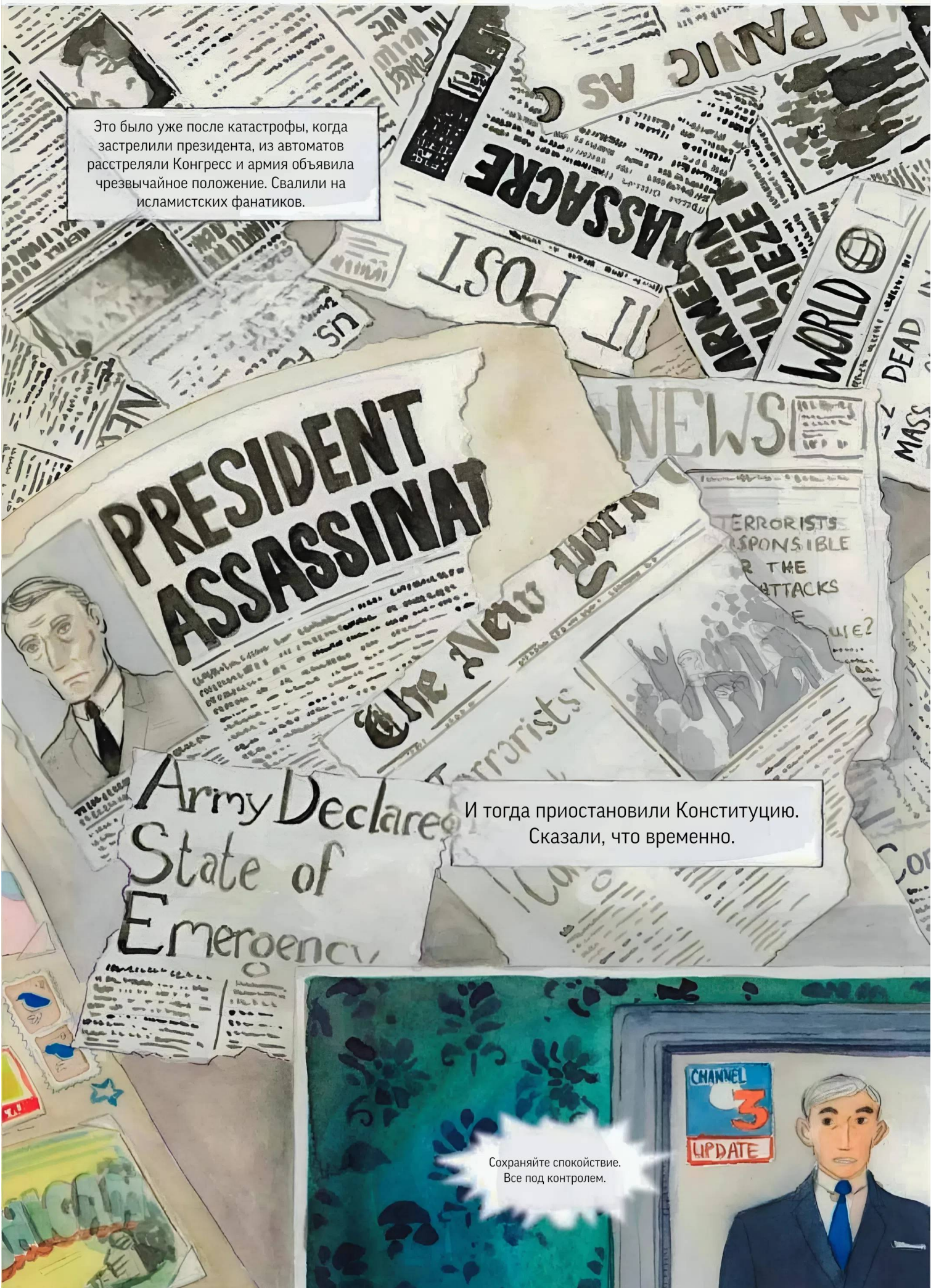
У многих женщин было свое дело: ныне сложно вообразить, но работали тысячи, миллионы. Считалось нормальным. А теперь это все равно что вспомнить бумажные деньги – когда они еще были.

Мама хранила чуть-чуть, вклеила в фотоальбом вместе с давними снимками.

Они тогда уже устарели, на них ничего нельзя было купить.

Когда мне было лет девять или десять, почти все уже расплачивались пластиковыми картами. Впрочем, не за продукты – это уже потом. Видимо, потому у них и получилось – в мгновение ока, заранее никто ничего не знал. Оставайся тогда портативные деньги, было бы труднее.

The background is a dense collage of newspaper clippings and a portrait of a man in a suit. The clippings include headlines like 'PRESIDENT ASSASSINATED', 'ARMY DECLARES STATE OF EMERGENCY', 'TERRORISTS RESPONSIBLE FOR THE ATTACKS', 'WORLD', 'DEAD', 'MASS', 'PANIC AS', 'IT POST', 'NEWS', 'The New York', 'Terrorists', 'Army Declared State of Emergency', 'Channel 3 UPDATE', and 'Panic'. The portrait of the man in a suit is on the left side of the collage.

Это было уже после катастрофы, когда
застрелили президента, из автоматов
расстреляли Конгресс и армия объявила
чрезвычайное положение. Свалили на
исламистских фанатиков.

И тогда приостановили Конституцию.
Сказали, что временно.

Сохраняйте спокойствие.
Все под контролем.

. Все сидели ночами по домам, смотрели телевизор, искали хоть какого руководства. Даже конкретного врага не находилось.

Не проспи.
Начинается...

Что
начинается?

На многие недели все так и зависло, хотя кое-что происходило. В газетах ввели цензуру, некоторые закрылись – говорили, из соображений безопасности. Начали появляться заставы и Личнопропуска. Это все одобрили: уж лучше перестраховаться.

Погоди – увидишь. К
этому все и шло.

Вы видели? Закрылись Порномарты!
Мы целую вечность боролись за то,
чтобы они были запрещены.

Ожидаемо. Они на
этом не остановятся,
будь уверена.

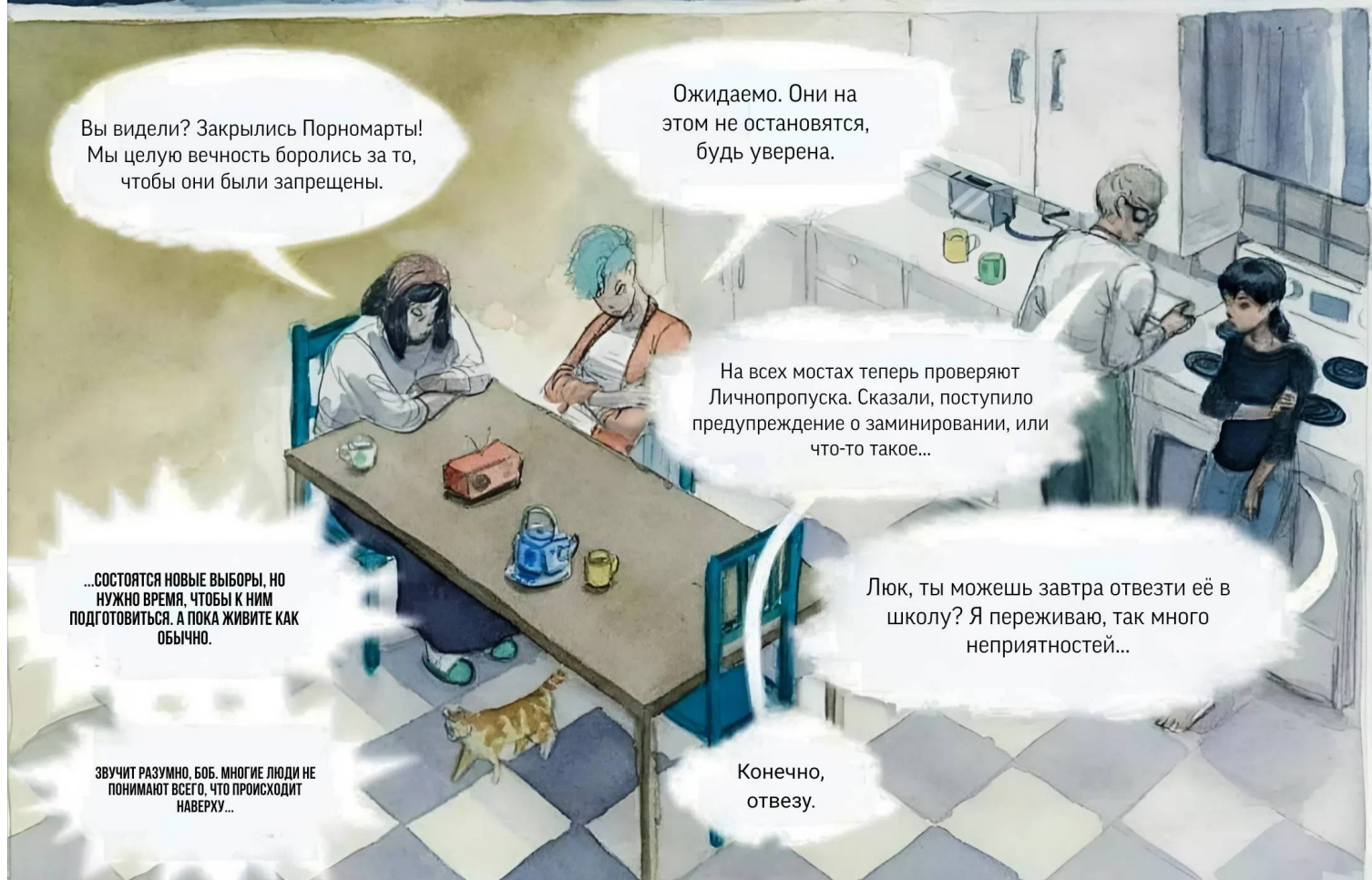
На всех мостах теперь проверяют
Личнопропуска. Сказали, поступило
предупреждение о заминировании, или
что-то такое...

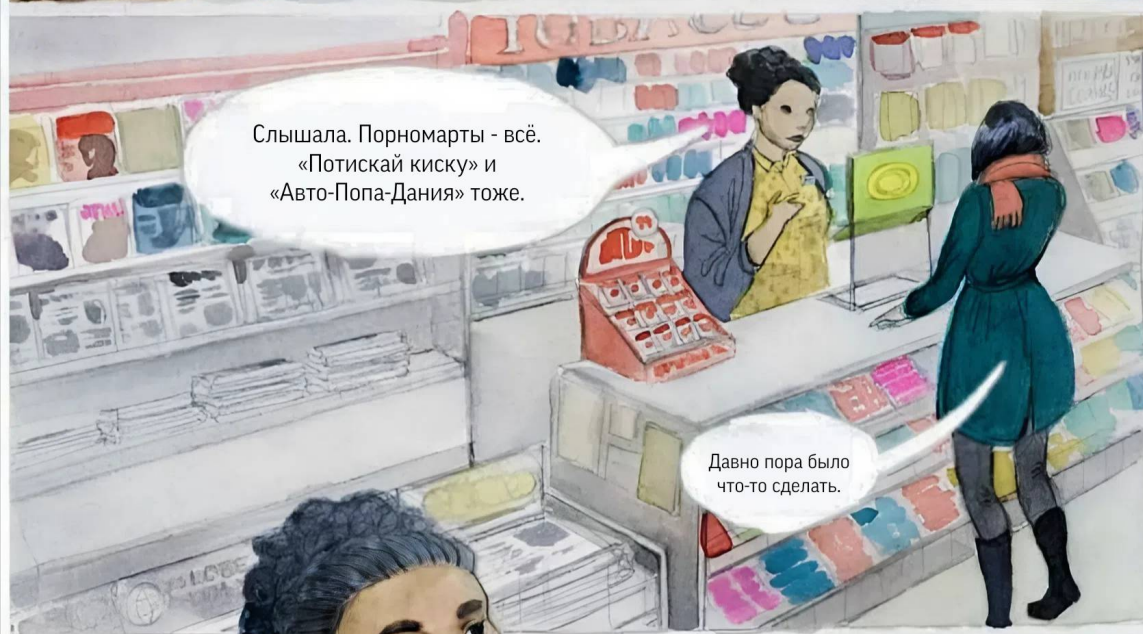
Люк, ты можешь завтра отвезти её в
школу? Я переживаю, так много
неприятностей...

...состоится новые выборы, но
нужно время, чтобы к ним
подготовиться. А пока живите как
обычно.

Звучит разумно, боб. Многие люди не
понимают всего, что происходит
наверху...

Конечно,
отвезу.

На следующее утро по пути в библиотеку я зашла в тот же киоск, поскольку сигареты закончились.

Я тогда больше курила – все от напряжения, его улавливаешь, как подземный гул, хотя вокруг тишь да гладь.

Она заболела?

Кто?

Женщина, которая обычно здесь работает.

Откуда мне знать?

Извините, номер недействителен.

Ерунда какая, ответила я. Он действует, у меня в банке несколько тысяч. Мне распечатку принесли два дня назад.

Попробуйте еще раз.

Недействителен. Видите?

НОМЕР НЕДЕ ПОЖАЛУЙСТ

Скорее всего, какая-то ошибка.

Видите?

Я им позвоню из офиса.

Валяйте.

По Компокарте
пробовала сегодня
покупать?

Их заморозили. Мою тоже. И нашей
организации. Все счета, где
написано Ж, а не М. Пару кнопок
нажать – и вуаля. Нас отрубили.

Но у меня две тысячи с
лишним в банке!

Женщины больше не вправе
обладать собственностью.
Новый закон. Телевизор
сегодня включала?

Твоим Компсчетом сможет
пользоваться Люк. Твой номер
переведут на него – ну, так они
говорят.

На мужа или на
ближайшего
родственника мужского
пола.

А ты
как же?

Уйду в
подполье.

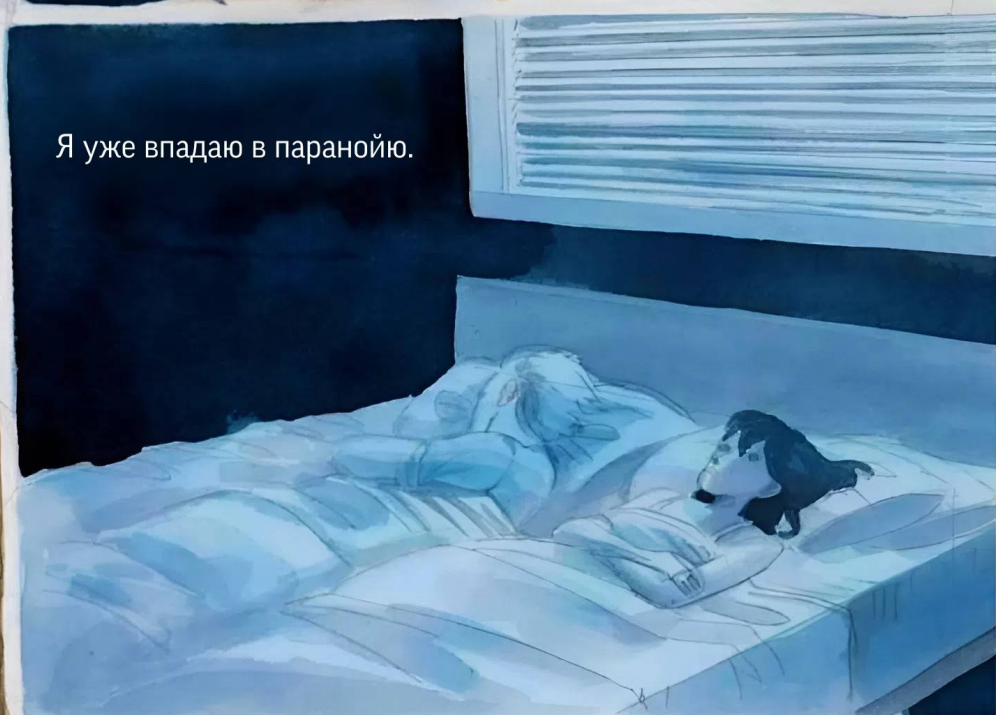
Но
почему?...

Зачем они...?

А зачем – решать не нам. Они
умные, все рассчитали – сразу и
банк, и работа. А то представляешь,
что творилось бы в аэропортах?

Выпускать они нас не
хотят, это уж как пить
дать.

Что такое?

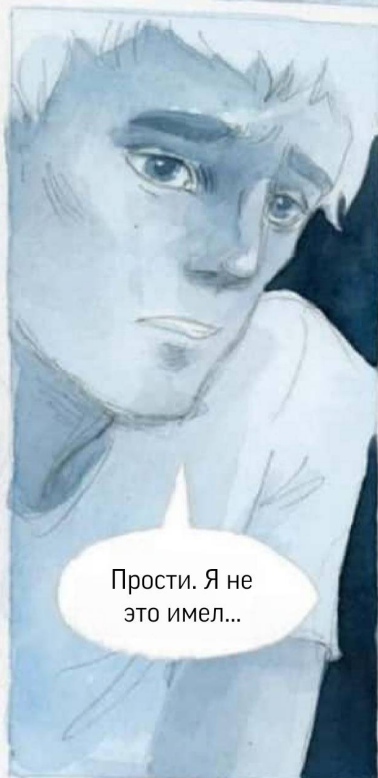

Я не знаю.

У нас всё
ещё есть...

У нас? Никто у тебя
ничего не отбирал, в
отличие от меня.

Прости. Я не
это имел...

Нет, прости.

Мы всё ещё есть
друг у друга.

Но что-то поехало, какое-то равновесие. Я будто скукожилась, и когда он обнял меня, подхватил, я была меньше куклы. Любовь уходила вперед без меня.

Ему все равно, подумала я. Ему абсолютно все равно. Может, ему даже нравится. Мы больше не друг для друга. Теперь я – для него.

Недостойно, несправедливо, неправда. Однако было.

Так вот, Люк, теперь я хочу спросить, я обязана знать – угадала? Потому что мы об этом никогда не говорили. Найдя в себе силы спросить, я испугалась. Нельзя было тебя потерять.

Тому, кто не знает латыни,
я даже не знаю, как
объяснить, почему это
смешно.

Но что оно
значило?

Это значит «Не дай ублюдкам тебя
доконать». Мы тогда считали, что
очень умные.

Я понимаю, зачем она это
написала на стене в шкафу, но я
также понимаю, что наверняка она
выучила эту фразу тут, в этой
комнате. А где еще? Она
школьником не была.

Значит, я не первая.

Что случилось
с ней?

Ты ее откуда-то
знала?

Откуда-то.

Она
повесилась.

Поэтому люстру мы
убрали. В твоей комнате.

Серена
узнала.

Это все объясняет.
Если псина умерла, заведи другую.

XI

Ночь

Это люстра, на которой она висела.

Я слишком часто думаю о люстре,
хотя ее теперь нет.

Но можно на крюке в шкафу, я
обдумывала варианты.

Когда прицепишься, надо будет
просто всем весом потянуть вперед
и не сопротивляться.

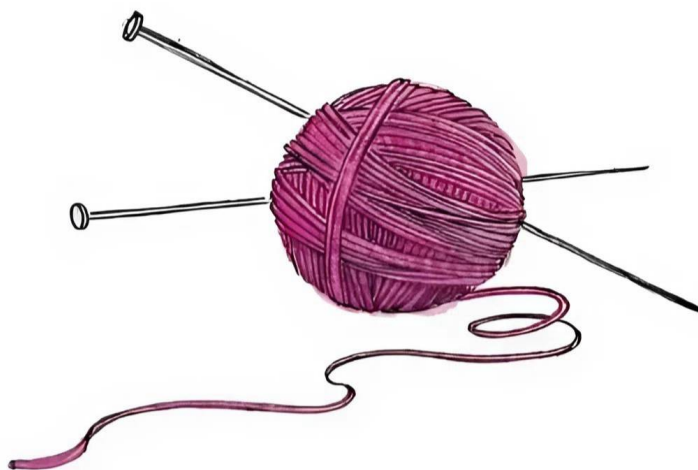

Может, её дух до сих пор
здесь, со мной.

Я чувствую себя
погребённой.

XII

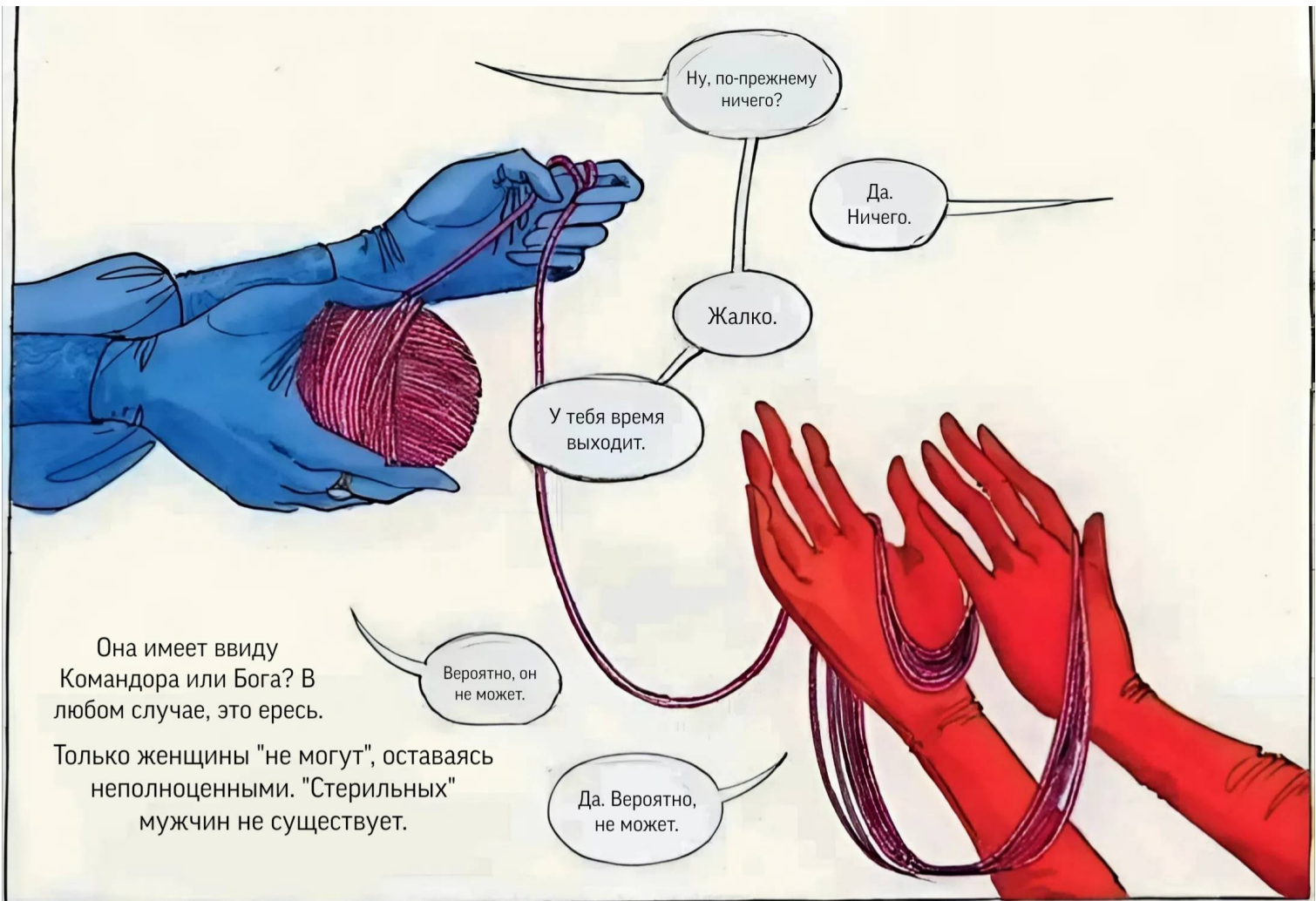
У Иезавели

Каждую ночь, ложась в постель, я думаю: утром проснусь в моем доме и все будет как прежде.

В это утро ничего такого тоже не случилось.

Ну, по-прежнему
ничего?

Да.
Ничего.

Жалко.

У тебя время
выходит.

Вероятно, он
не может.

Да. Вероятно,
не может.

Она имеет ввиду
Командора или Бога? В
любом случае, это ересь.

Только женщины "не могут", оставаясь
неполноценными. "Стерильных"
мужчин не существует.

Вероятно... Вероятно,
тебе стоит попробовать
иначе.

Что - на
четвереньках?

Как иначе?

С другим
мужчиной.

Вы же знаете,
что я не могу.

Это незаконно. Вы сами
знаете, что за это бывает.

Я знаю, что официально ты не можешь. Но так делается.

Женщины часто так делают. Все время.

С врачами, вы хотите сказать?

Некоторые так. Уорренова так сделала. Жена, естественно, знала.

Но не обязательно же с врачом.

Может, с кем-нибудь, кому мы доверяем.

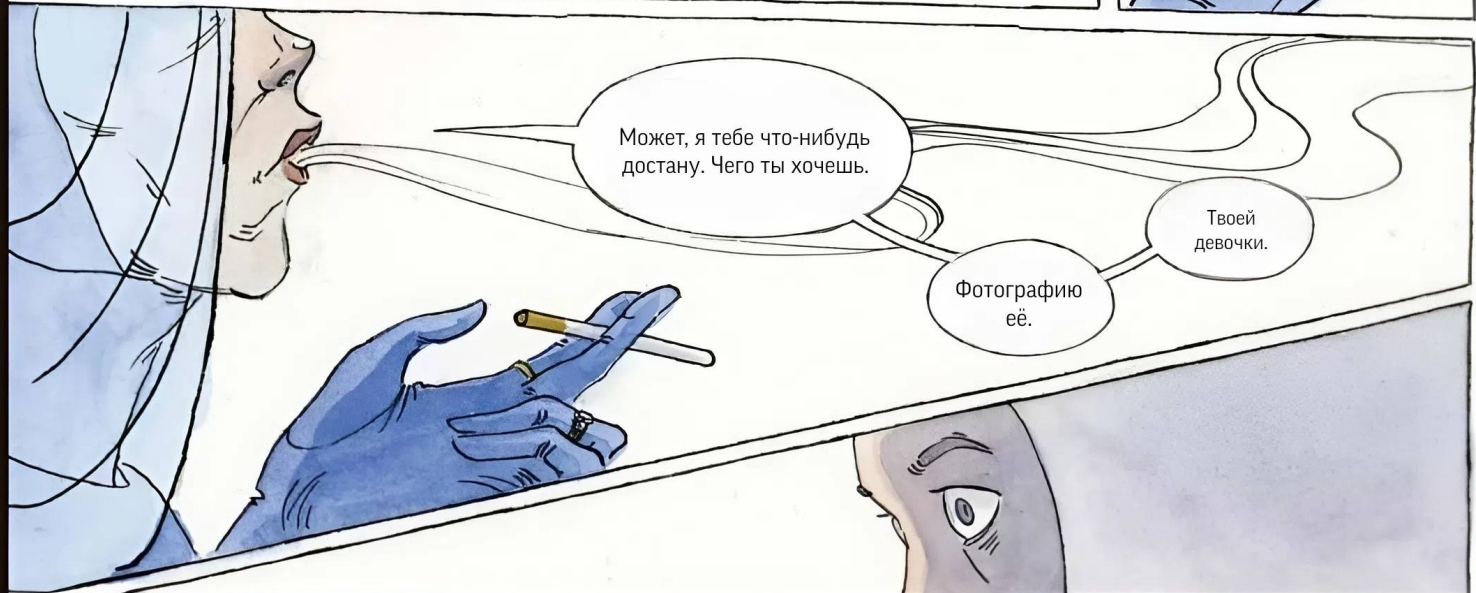
С кем?

Я подумывала про Ника. Он с нами уже очень давно. Он нам предан.

Я могу с ним договориться.

А Командор?

Ну, мы ведь ему не скажем, правда?

Может, я тебе что-нибудь достану. Чего ты хочешь.

Фотографию её.

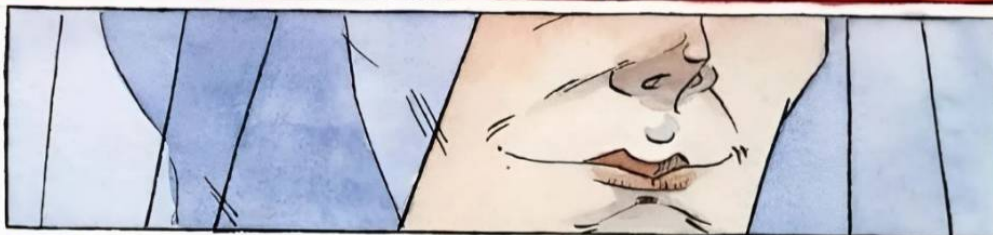
Твоей девочки.

Так она знает, куда ее засунули, где ее держат. С самого начала знала. У меня перехватывает горло. Гадина, и ни слова, молчала, ни словечка. Ни намека.

Но невозможно это сказать, даже такую мелочь невозможно потерять из виду. Невозможно лишиться этой надежды.

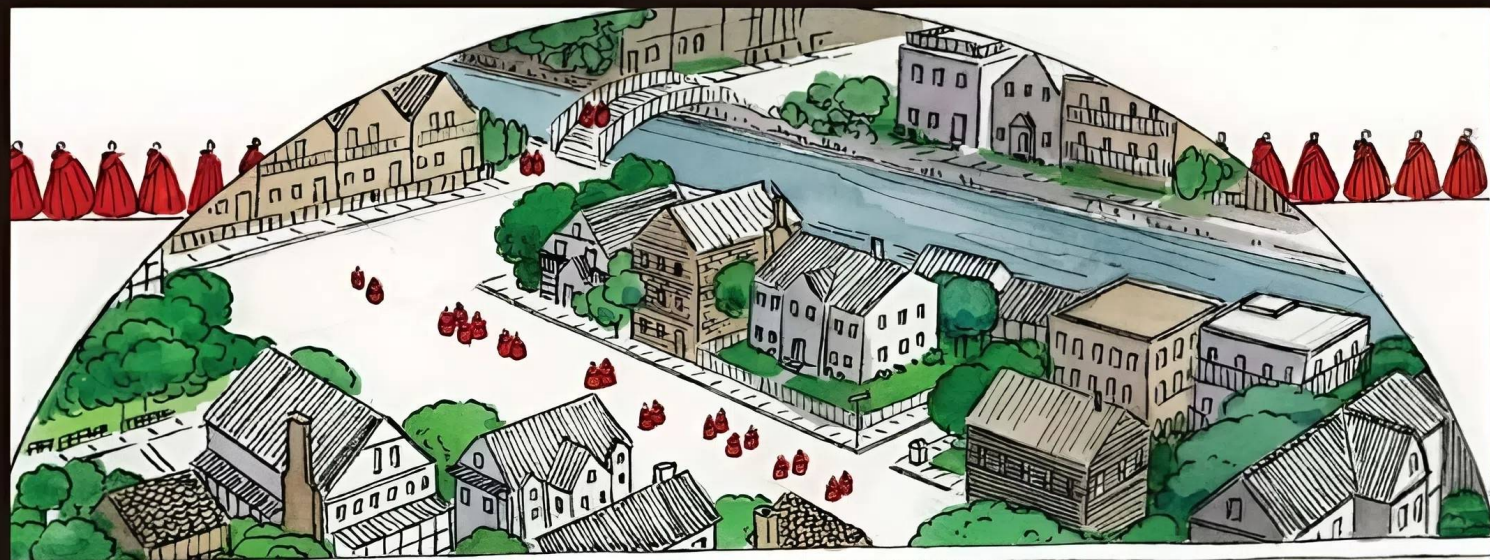
Хорошо.
Да.

Найди спичку. В кухне есть, попроси у Риты. Можешь передать, что я разрешила.

Но только одну. Мы же не хотим угробить твое здоровье!

Мы направляемся на
Молитвонаду – показать, как
покорны и праведны мы.

Я слышала, что именно
там Очи устраивают
банкеты.

Кто тебе
сказал?

Виноградная
лоза.

Там есть
пароль.

Чтобы понять,
кто есть кто.

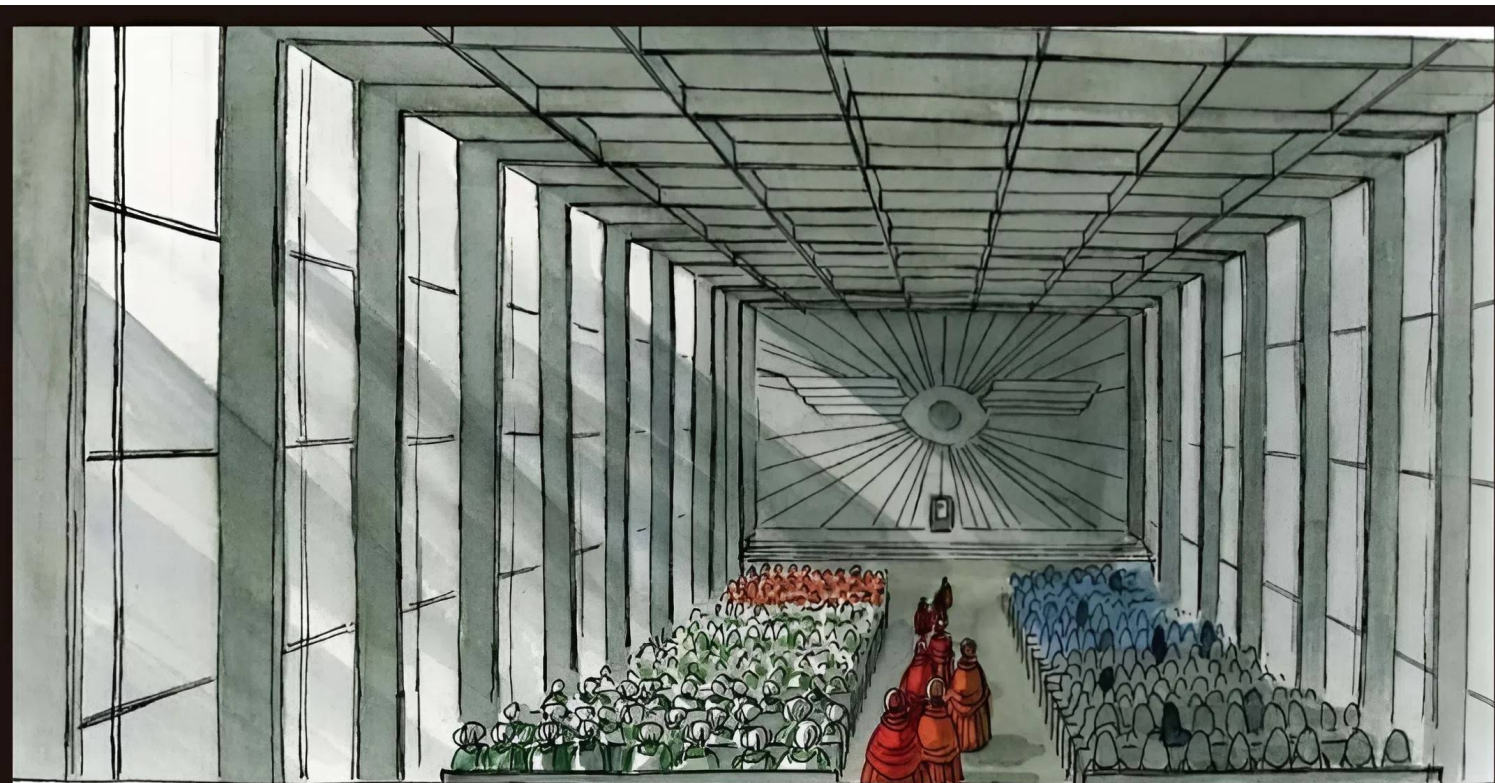
Пароль?
Зачем?

И какой
пароль?

Сос. Я однажды
пробовала это на тебе.

Сос...

Держись сзади. Там
проще говорить.

Мы знаем, что ты с ним видишься
наедине. С твоим Командором. Чего он
хочет? Всяких извращений?

В каком-то
роде.

Ты удивишься,
сколько нас
таких.

Я ничего не могу поделывать
Я не могу сказать, что не
пойду.

Конечно, не можешь. Поэтому
разузнай и расскажи нам.

Что
разузнать?

Все, что
сможешь.

Настал день благодарения. День славословий...

Слушай.

Это была ошибка – так рано давать ей имя.

У нее не вышло, знаешь. Все ж таки в дезинтегратор пошел.

Господи...

Это у нее второй.

Не считая ее собственного, еще раньше. У нее преждевременные роды были на восьмом месяце, знаешь.

Она думает, это её вина. Двое подряд.

За грехи.

Джанин?
Джанин?

Джанин, одевайся. А то нам
из-за тебя лишние молитвы
читать.

Посмотрите...

Привет, меня зовут Джанин.
Сегодня утром вас обслуживаю
я. Принести вам кофе для
начала?

Блять...

Очухайся,
Джанин!

Давай-давай,
приди в себя!

Вернись. Сию секунду вернись сюда.
Нельзя быть там, ты больше не там.
Никакого там уже нет.

Зачем вы меня ударили? Было
невкусно? Я могу другой принести.
Не обязательно меня бить.

Посмотри на
меня.

Меня зовут Мойра, и
мы в Красной
Комнате.

Посмотри на
меня.

Тебя не пошлют в Лазарет, даже
не думай, сказала Мойра. Они
пальцем не шевельнут, чтоб тебя
вылечить. Они даже в Колонии
тебя не отправят.

Зайдешь слишком далеко – всё, отведут в
Химлабораторию и пристрелят. А потом
сожгут вместе с мусором, как Неженщину.
И думать забудь.

Я хочу
домой...

Господи
Иисусе.

Все, хватит. Она явится через
минуту, я тебе обещаю. Так что
одевайся и заткнись к чертовой
матери

Если она такое устроит, когда
меня не будет, ты ей вот так же
вмажешь. Нельзя, чтоб она ужом
поехала.

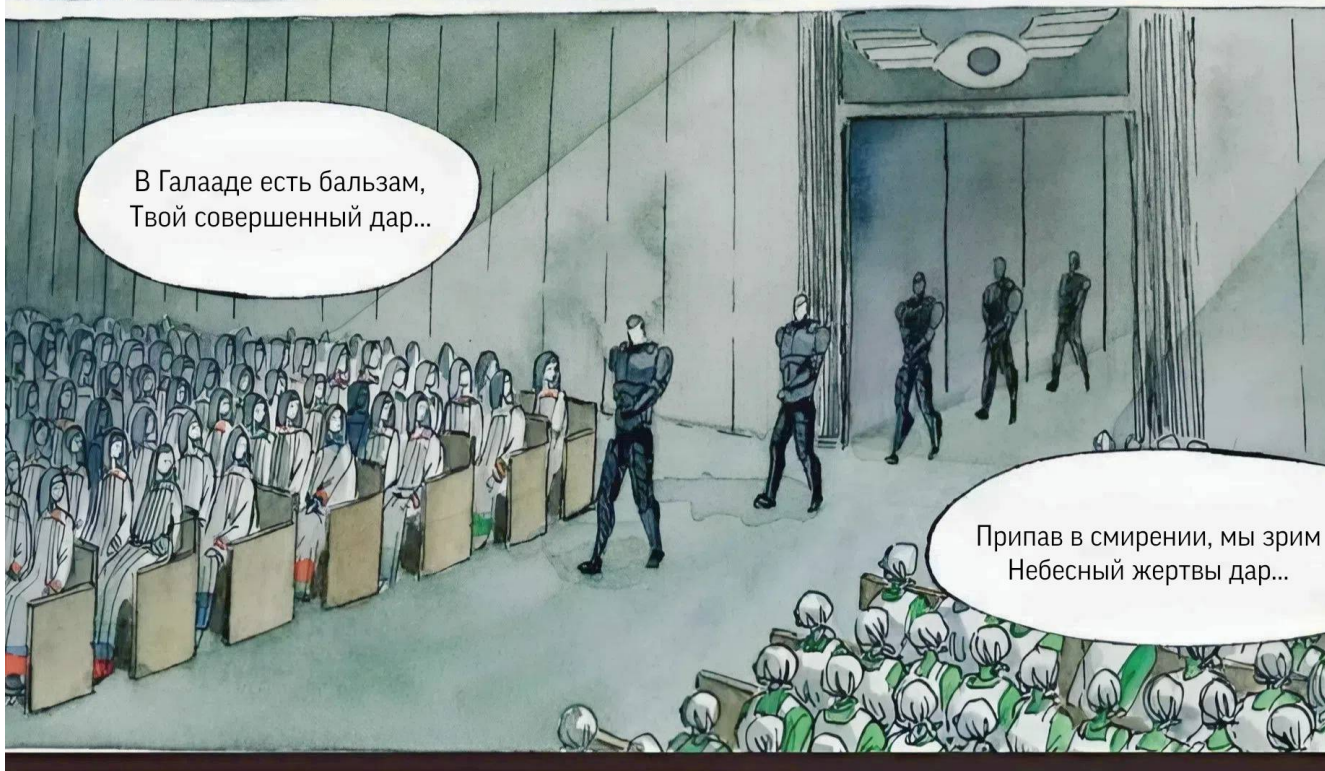

Это
заразно.

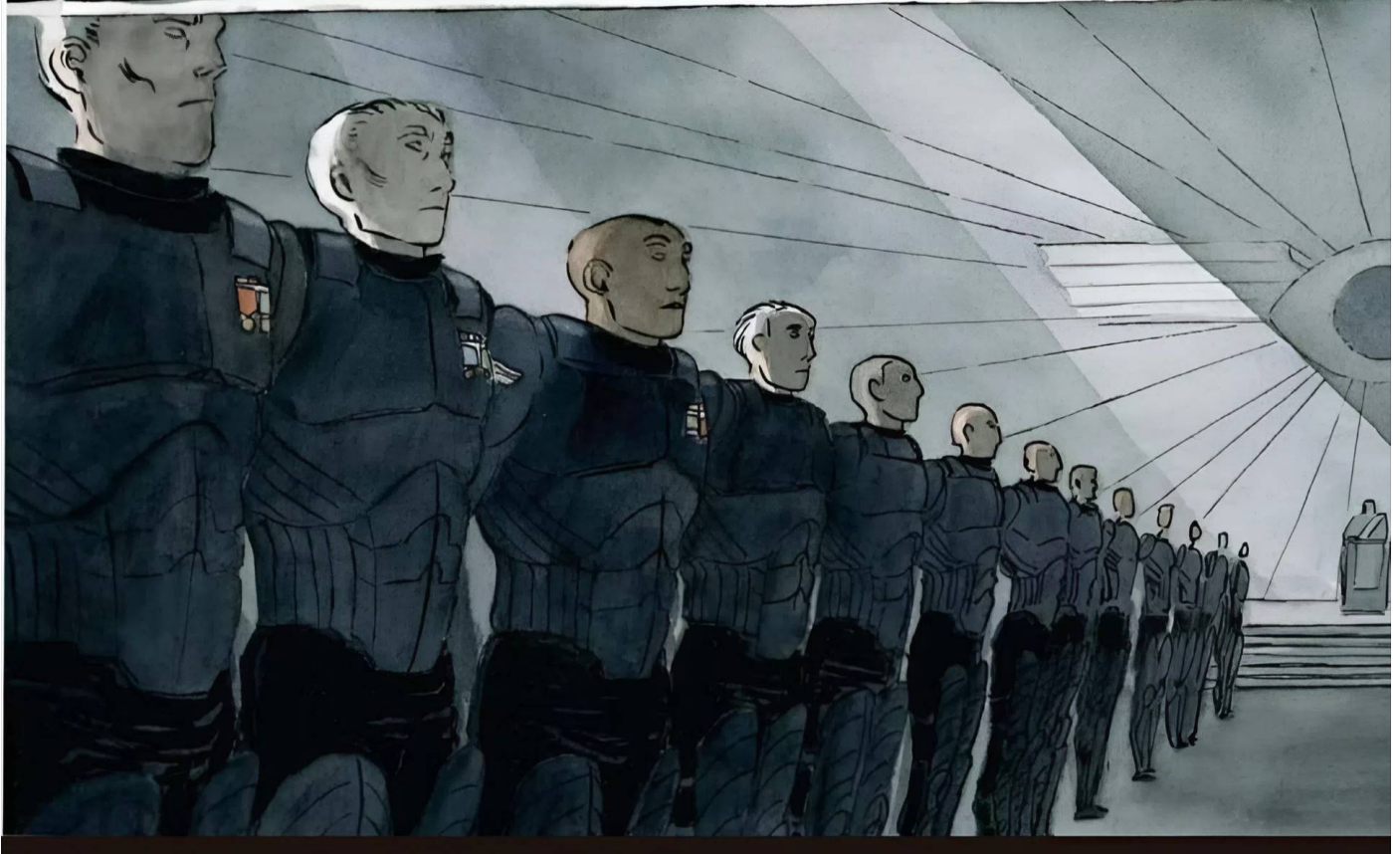

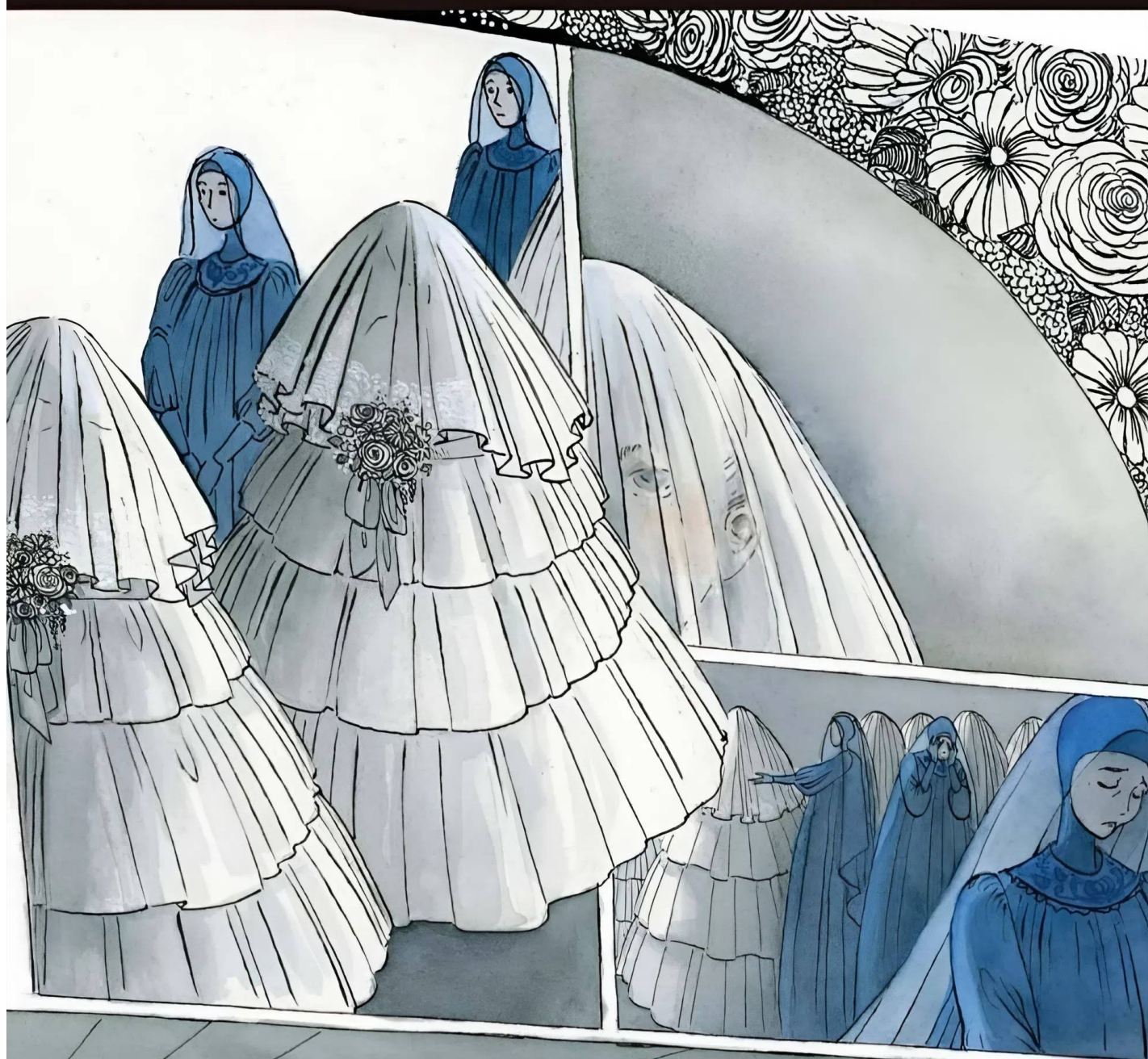
А теперь споём все вместе
гимн «Бальзам есть в Галааде»

В Галааде есть бальзам,
Твой совершенный дар...

Припав в смирении, мы зрим
Небесный жертвы дар...

Ныне матери, а не отцы, выдают дочерей
и договариваются о браках. Браки,
разумеется, договорные. Этим девочкам
не позволяли остаться наедине с
мужчиной долгие годы; все те годы, что
мы всё это проделываем.

Итак, желаю, чтобы жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою...

Проблема была не только в женщинах. Основная проблема была в мужчинах. Им ничего не осталось.

Ничего? Но у них же...

Им ничего не осталось делать.

Могли бы деньги зарабатывать.

Этого мало. Слишком абстрактно. Я хочу сказать, им ничего не осталось делать с женщинами.

То есть?

А «Порносборные» как же? Они же были повсюду, их даже на колеса поставили.

Я не о сексе. Хотя секс тоже, секс чересчур упростился. Пошел и купил. Не было такого, ради чего работать, ради чего бороться.

А сейчас чувствуют?

Да.
Чувствуют.

Есть тогдашняя статистика. Знаешь, на что больше всего жаловались? На неспособность чувствовать.

Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен...

Достаточно ли они взрослые, помнят ли прежние времена – как играли в бейсбол в джинсах и кроссовках, носились на великах? Читали книги, совершенно одни? Пусть некоторым не больше четырнадцати – отправляйте их пораньше, гласит правило, нельзя терять ни минуты, – они все равно помнят. И следующие вспомнят, еще три, четыре года, пять; а вот после – не вспомнят. Они навсегда будут в белом, девичьими стайками; навсегда безмолвны.

Мы им дали больше, чем отняли. Ты подумай, сколько раньше было мороки. Ты не помнишь бары для одиноких, унижения школьных свиданий вслепую? Мясной рынок?

Некоторые жили в отчаянии, голодали до дистрофии, накачивали груди силиконом, обрезали себе носы.

Потом, если они все-таки выходили замуж, их оставляли с ребенком, с двумя детьми, мужу все обрыдло, и он слинял, исчез, а они сидят на пособии.

Женщин как матерей никто не уважал. Неудивительно, что они плевать хотели на материнство.

А так они защищены, могут мирно осуществить свое биологическое предназначение. Их целиком поддерживают, им помогают.

...впрочем, спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием.

Я хочу знать, что ты думаешь.

Что бы я ни думала, это ничего не меняет.

Да ладно. Мне интересно твое мнение. Ты достаточно умна, у тебя наверняка есть мнение. О том, что мы сделали. О том, как все получилось.

У меня нет мнения.

Лес рубят – щепки летят.

Мы думали, можно сделать лучше.

Лучше?!

Лучше никогда не означает «лучше для всех». Кому-то всегда хуже.

Люстра на потолке словно
парит, как нимб надо мной.

Дыра в космоса, образовавшаяся в
результате взрыва звезды. Кольцо на
воде из-за камня, брошенного в воду.

Каждый месяц я жду месячных.
Со страхом,
потому что, когда она появляется,
это означает неудачу.

Я в очередной раз не
оправдала ожиданий дру-
гих, которые стали моими
собственными.

Моё тело - это
больше не
инструмент для
исполнения воли.

Из всех снов этот самый ужасный.

Сентябрь, суббота, утро.

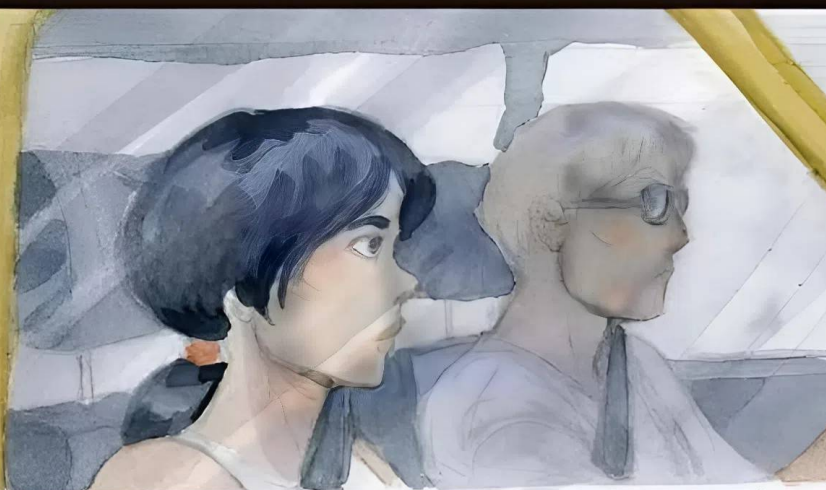
Мы едем на пикник
загород - во всяком
случае, это то, что мы
должны были сказать
охране у ворот.

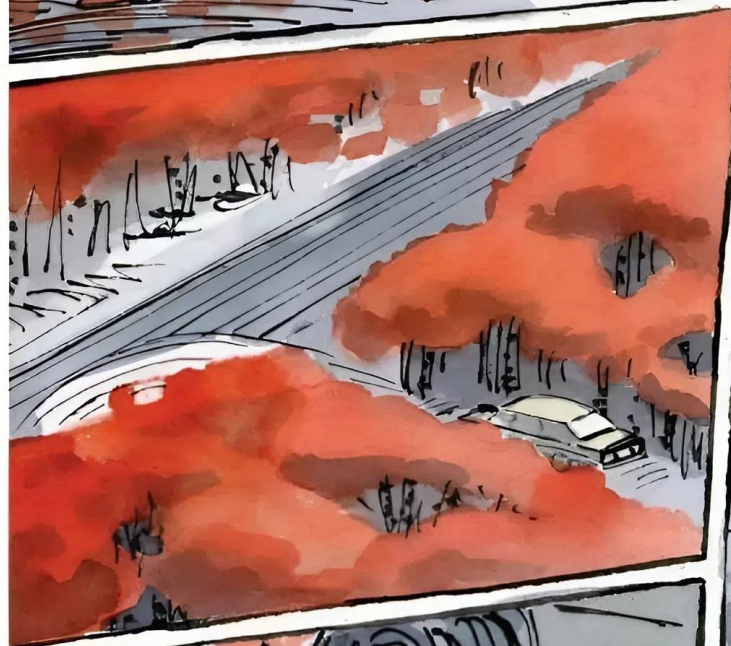
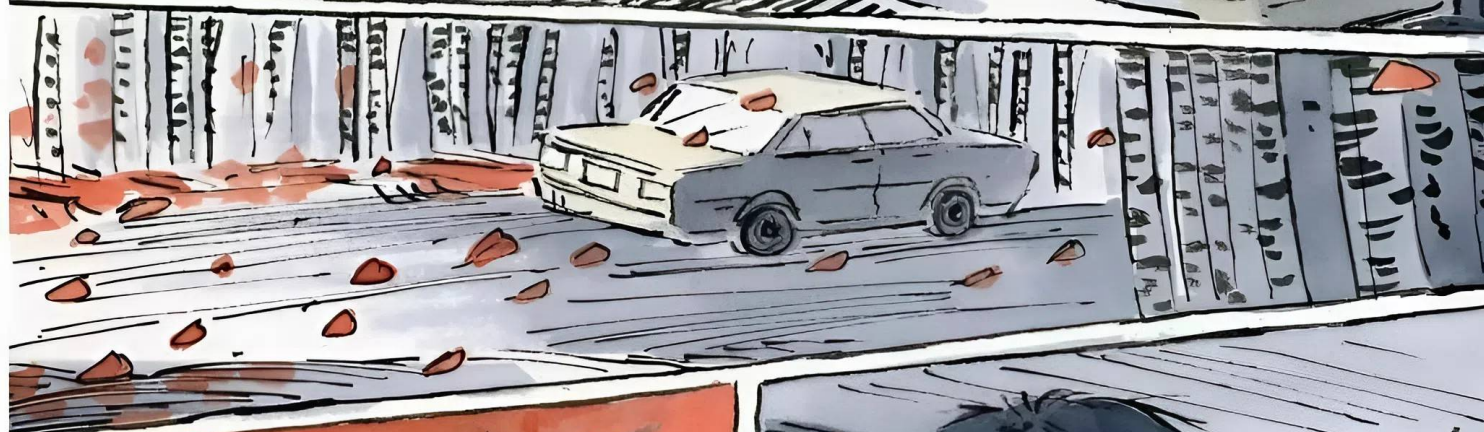
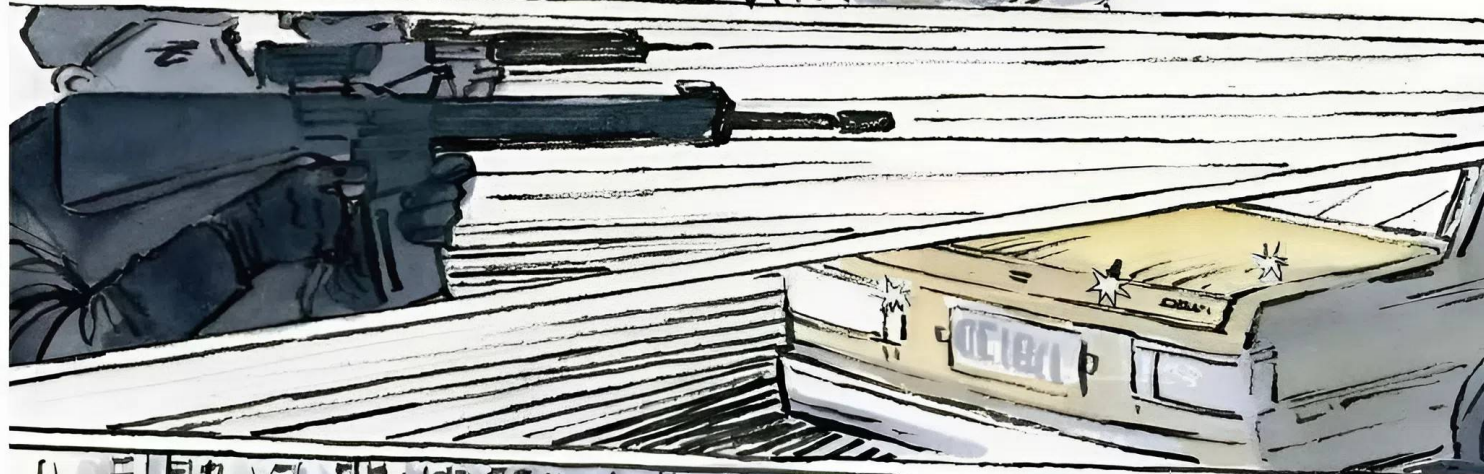
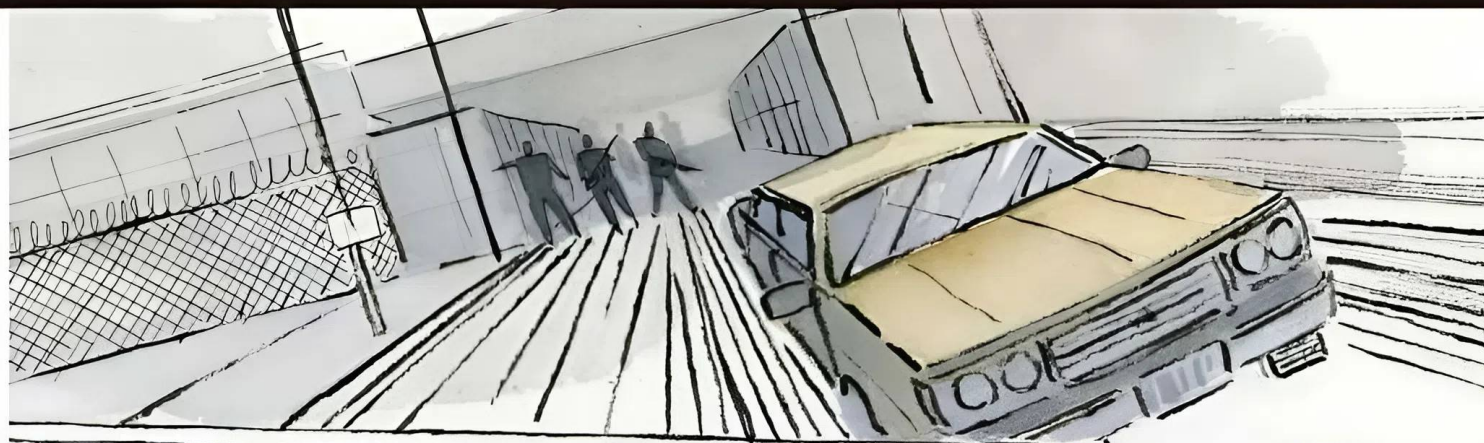
Дочь тоже думает,
что мы едем на
пикник. Мы дали
ей снотворное, так
что она будет
спать, пока мы
будем пересекать
границу.

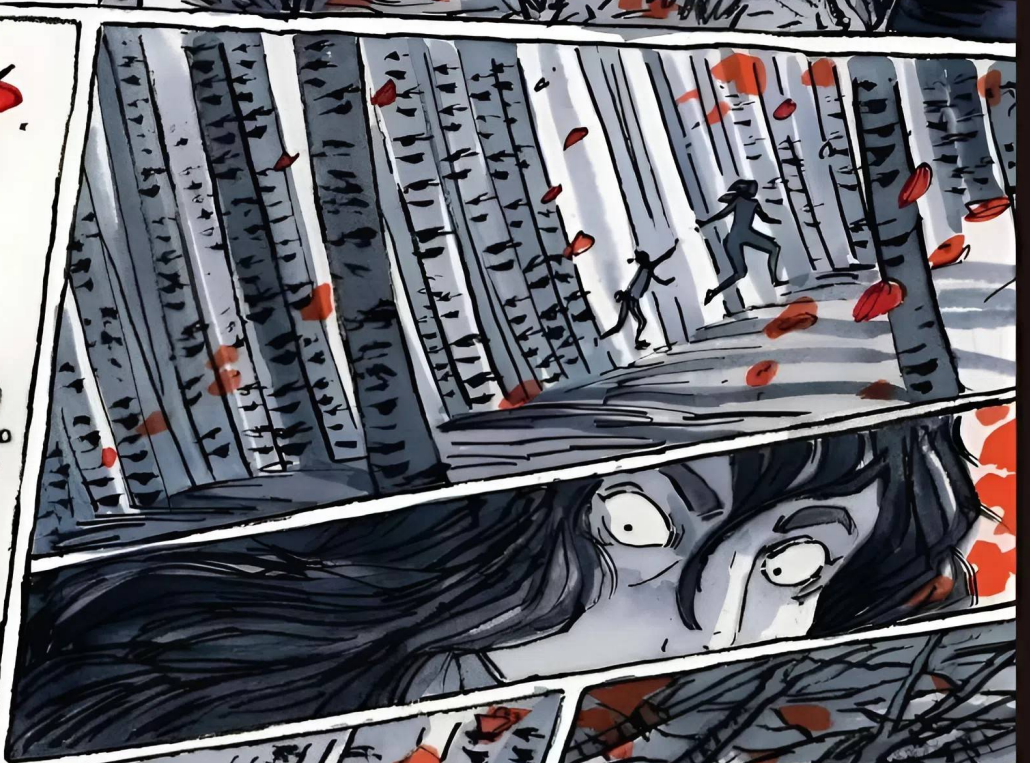

Мы мало что брали с собой и даже тогда не могли и виду подать, что уезжаем навсегда. С нами - свежие паспорта, в которых говорилось, что мы не те, кто есть, - что Люк, например, никогда не разводился, а значит, мы законны по новым законам.

Тук
Тук

Я тебе
принесла.

Только на минуту. Я
должна вернуть, пока
не хватились.

Время не стояло на месте.

Окатило меня, накатило, смыло,
будто я – песочная женщина, будто
беспечный ребенок оставил меня
слишком близко к воде. Меня для
нее уничтожили.

Я ныне лишь тень, далеко-далеко за
сияющей гладью этого снимка. Тень
тени, как все мертвые матери.

По глазам ее вижу: меня там нет.

Маленько развлечься не хочешь? У меня сегодня для тебя маленький сюрприз.

Угадай, что?

Животное, растение или минерал?

О, животное...
Определенно, я бы
сказал, животное.

Где Вы это раскопали?
Такую одежду всю
полагалось уничтожить.

Мне пришлось
угадывать, какой
размер. Надеюсь,
подойдет.

Вы хотите, чтобы
я это надела?

Это маскировка. Тебе
придется еще накраситься; я
все приготовил. Иначе не
пустят.

Куда не пустят?

У нас с тобой
сегодня выход в
люди.

Чувствую
себя дурой.

Очаровательно!
Теперь лицо.

Какую-то
секунду я боюсь,
что не вспомню,
как все это
делается.

Великолепно!

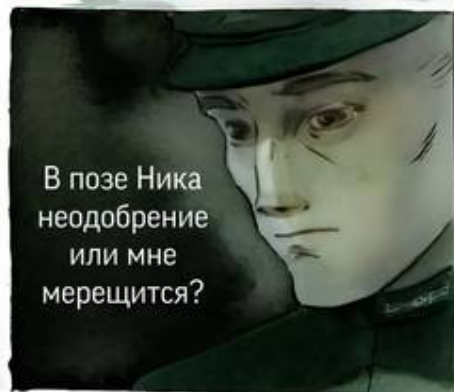
Это...?

Натяни капюшон на лицо.
Постарайся не размазать
макияж. Это чтобы
заставы проехать.

А мой пропуск?

Не беспокойся.
У меня есть.

В позе Ника
неодобрение
или мне
мерещится?

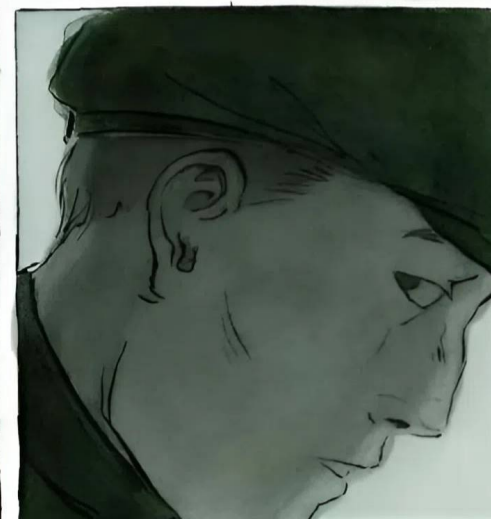
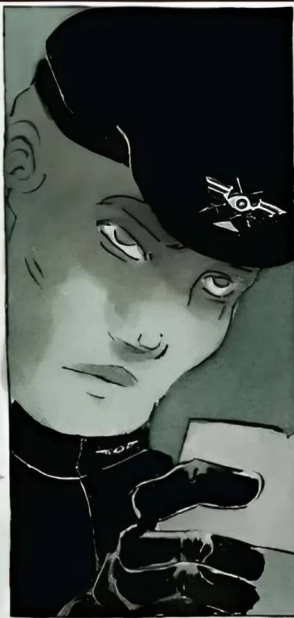
У нас с Ником есть нечто общее.

Нам обоим полагается быть
невидимками, оба мы –
люди-функции. Понимает ли он?

Добрый вечер, сэр.
Могу я увидеть ваш
пропуск?

А теперь мне придется
попросить тебя лечь на
пол.

На пол?

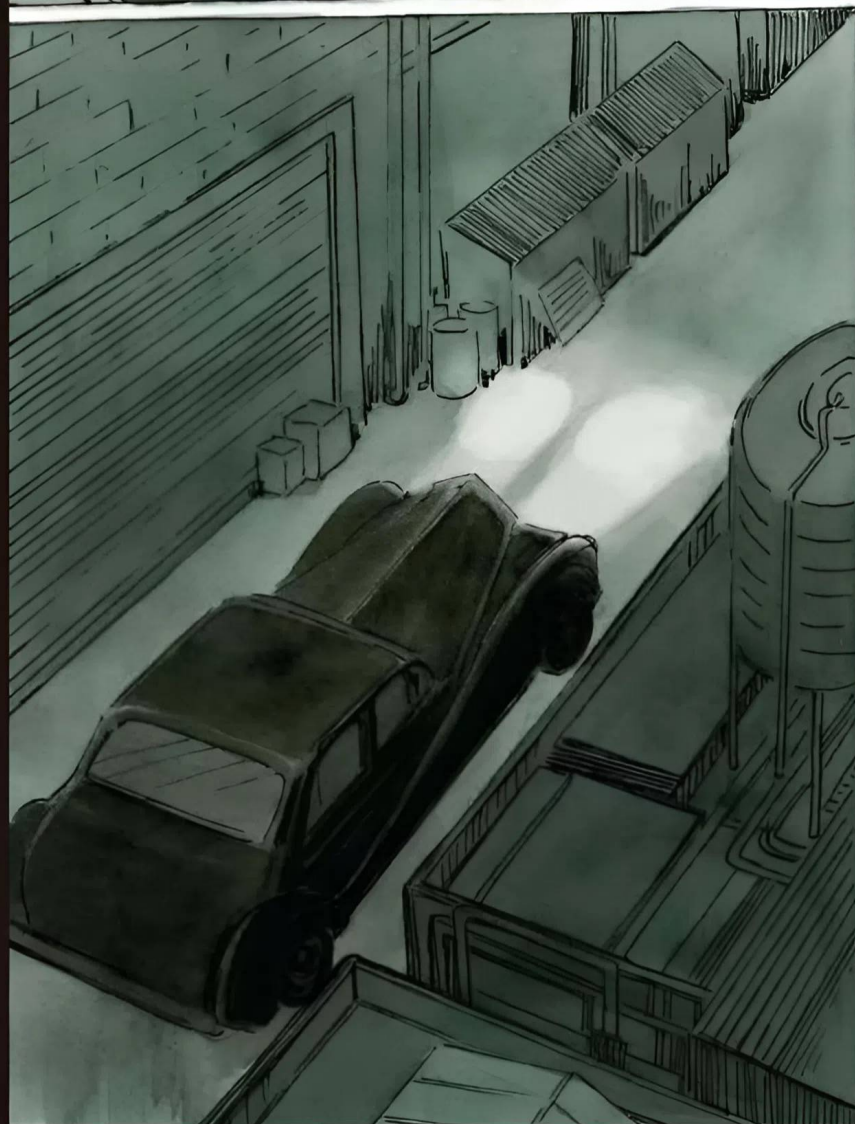
Нам нужно миновать
ворота. Жены не
допускаются.

Можно Ваш
пропуск, сэр?

Благодарю, сэр.
Хорошего вечера.

Теперь быстрее.
Это чёрный ход.

Заберёшь нас как
обычно, Ник.

Если кто-нибудь
спросит, скажи, что
арендована на вечер.

Я знаю, где я. Я бывала
здесь с Люком, вечерами,
давным-давно. Тогда здесь
была гостиница.

Как будто в прошлое
вернулись, да?

Ну? Что скажешь о
нашем маленьком
клубе?

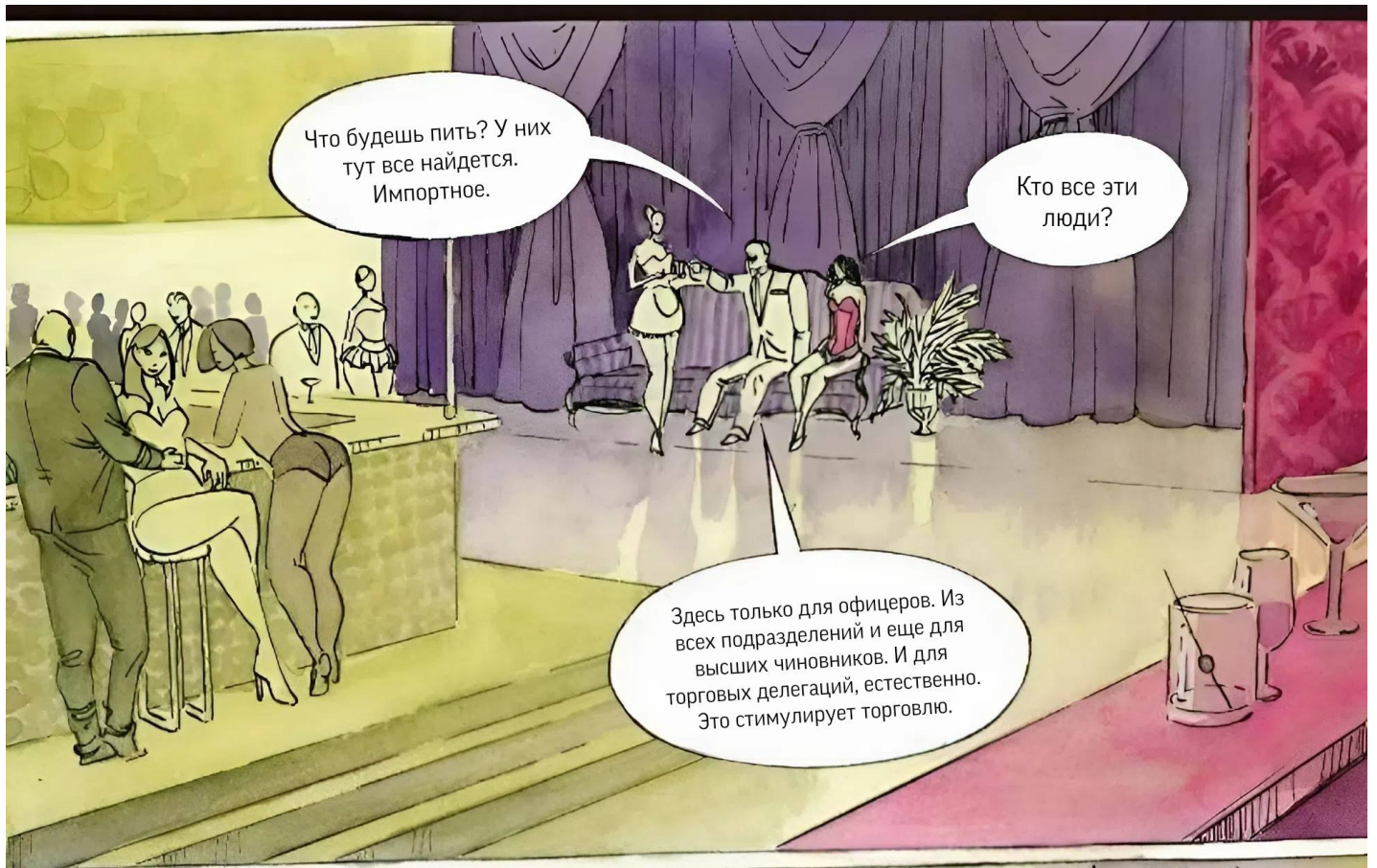
А я думала, это
строго запрещено.

Официально. Но, в
конце концов, все мы
люди.

То есть Природу не
обманешь. Для мужчин
Природа требует
разнообразия.

Это логично, это элемент
стратегии
воспроизводства.

Так задумала
Природа.

Что будешь пить? У них тут все найдется. Импортное.

Кто все эти люди?

Здесь только для офицеров. Из всех подразделений и еще для высших чиновников. И для торговых делегаций, естественно. Это стимулирует торговлю.

Нет. Кто все эти женщины?

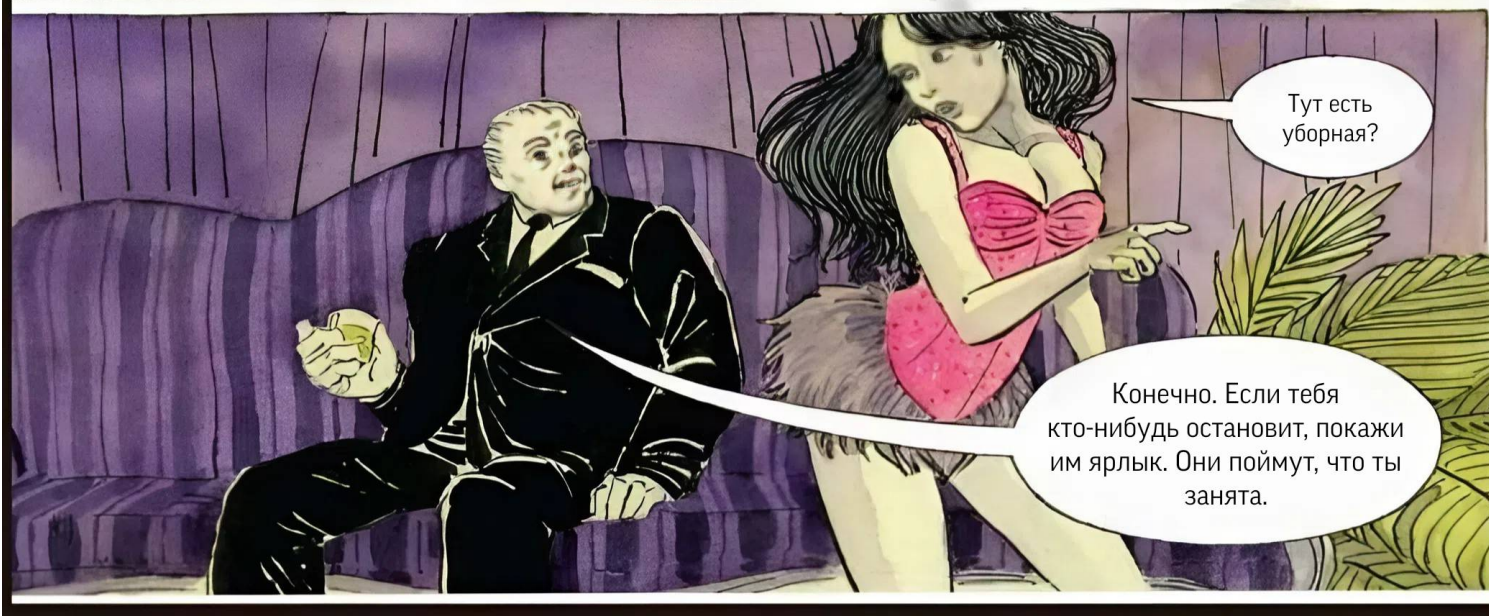
А... Ну, некоторые - настоящие профи. Рабочие девушки, как в старые времена.

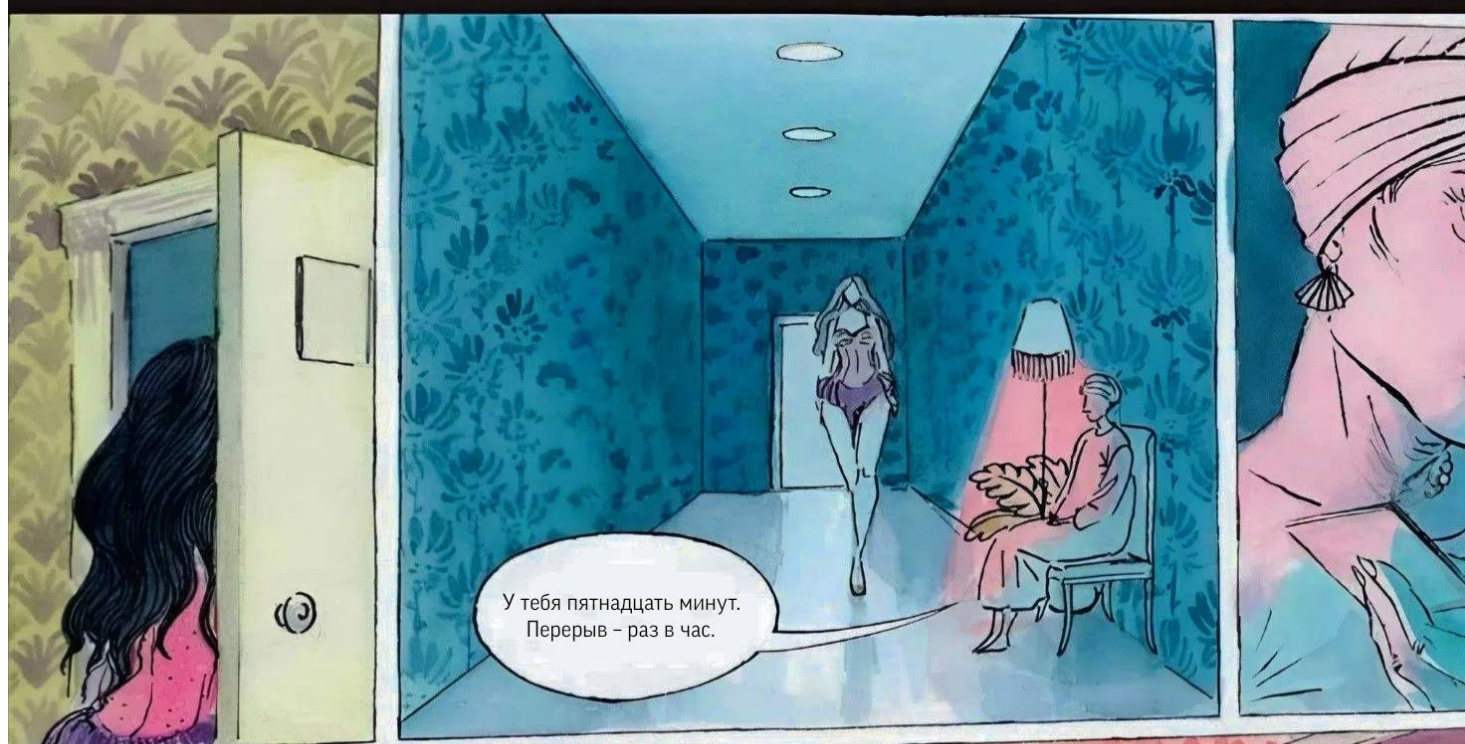
Их не удалось ассимилировать, и к тому же большинство предпочитают трудиться здесь.

А остальные?

Остальные? Ну, у нас неплохая коллекция. Вон та, в зеленом, - она социолог. То есть была. Вон та - адвокат, вон та - бизнес-леди, какая-то начальница; то ли сеть закусочных, то ли гостиницы. Говорят, с ней можно неплохо поболтать, если только поболтать и охота. Они тоже предпочли остаться здесь.

Чему предпочли?

Боженька немилосердный! На тебя посмотреть, так прямо Вавилонская блудница.

Ну, мне же так и положено. А на тебя посмотреть, так тебя кошка целый день по полу валяла.

М-да. Не мой стиль, а эта ветошь скоро на нитки расползется. Я все жду, может, раздобудут кого-нибудь, кто еще помнит, как такое мастерить.

Ты это сама выбрала?

Жди, как же. Казенные поставки.

Видимо, решили, что вот такое я чучело.

Женская Дорога,
знаешь такую?

Меня довезли аж до Салема, потом
в Мэн в грузовике с курами. Я от
вони чуть не блеванула.

Ты вообще представляешь, каково это,
когда на тебя срет целый грузовик кур,
и притом их всех до единой укачало?

Меня хотели перевезти через границу; не на
машине или грузовике, это уже было слишком
сложно, а на лодке, вдоль побережья вверх.

В общем, не знаю, что случилось.
Может, кто-то перебздел или кто-то
снаружи что-то заподозрил.

Только в Центр мы не поехали, а поехали
куда-то еще. Я не буду рассказывать, что
потом было. Я бы предпочла об этом не
говорить.

Могу только сказать, что
следов они не оставляют.

Когда все закончилось, мне
показали кино. Знаешь, о
чем? О жизни в Колониях.

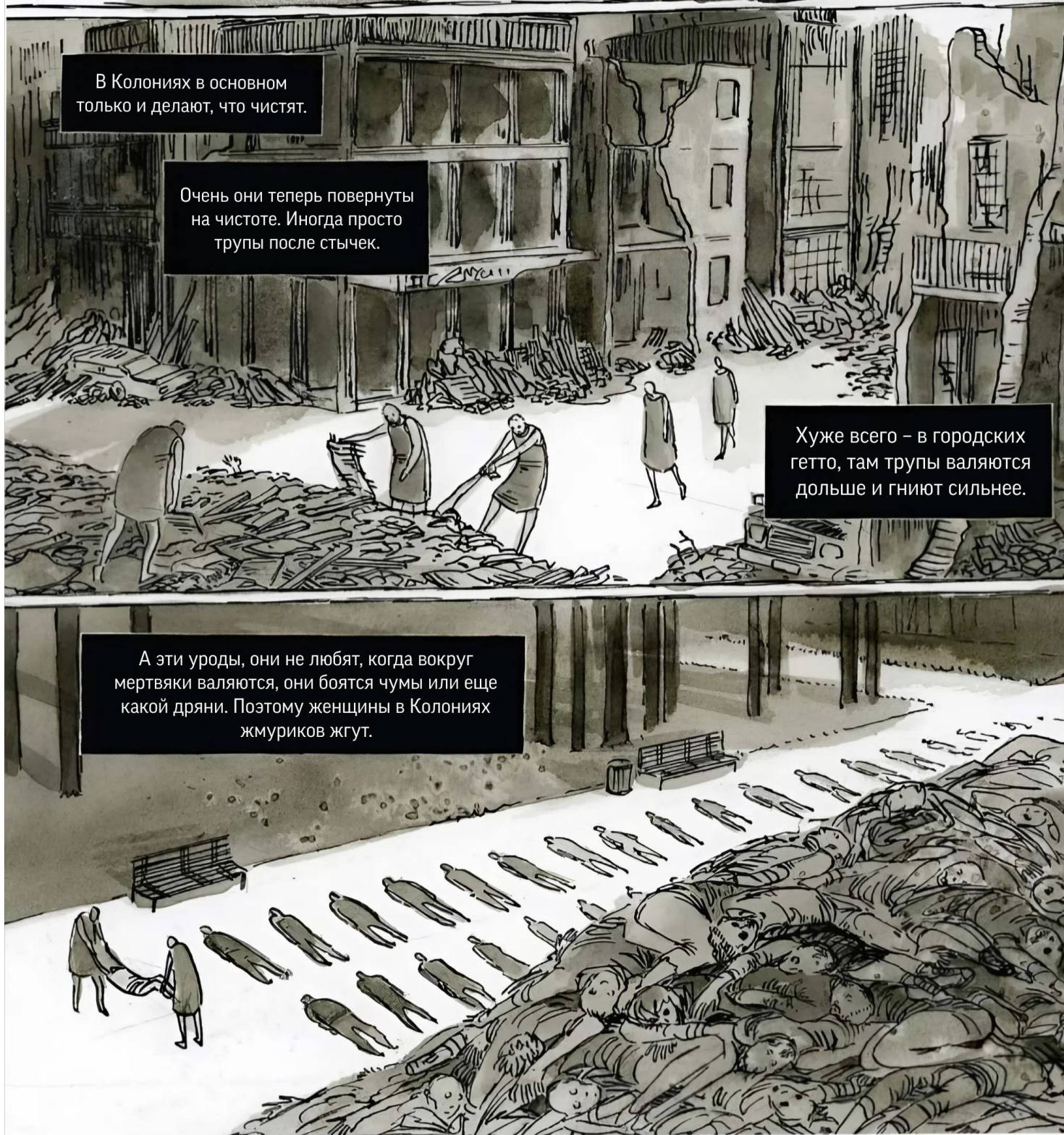

В Колониях в основном
только и делают, что чистят.

Очень они теперь повернуты
на чистоте. Иногда просто
трупы после стычек.

Хуже всего – в городских
гетто, там трупы валяются
дольше и гниют сильнее.

А эти уроды, они не любят, когда вокруг
мертвяки валяются, они боятся чумы или еще
какой дряни. Поэтому женщины в Колониях
жмуриков жгут.

В других Колониях еще хуже, там токсические свалки и утечки радиации.

Они посчитали, у тебя там года три максимум, пока нос не отвалится, а кожа не слезет, как перчатка.

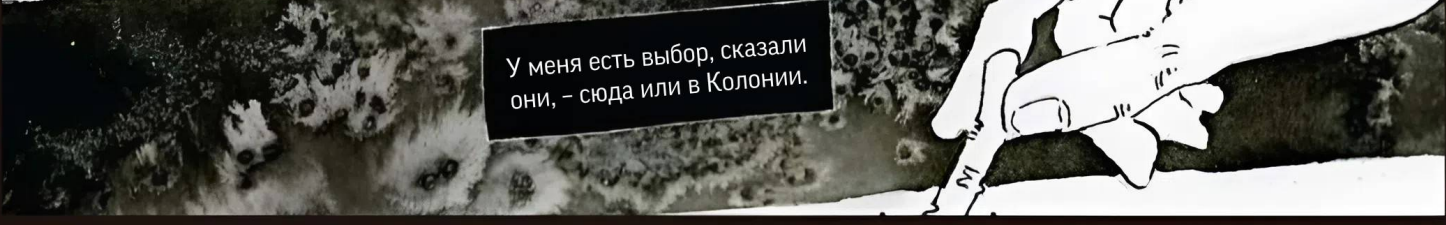
Кормить толком не кормят, защитной одежды не дают – так выходит дешевле. В общем, там главным образом люди, от которых им охота избавиться.

Там старухи – ты же небось удивлялась, куда подевались старухи, – и Служанки, которые прохлопали свои три шанса, и закоренелые, вроде меня.

Отбросы. Стерильные, ясное дело.

По-моему, где-то четверть народу – мужчины. Не все Гендерные Изменники болтаются на Стене.

У меня есть выбор, сказали они, – сюда или в Колонии.

И вот, короче,
я здесь.

Даже крем для лица
дают. Исхитрись
как-нибудь сюда попасть.

Получишь три-четыре приятных года, пока
щелка не высохнет и тебя на погост не
отправят. Кормят ничего себе, выпивка
есть, наркотики есть, если надо, работа
только по ночам.

Мойра... Ты это
не всерьез.

За меня не переживай. Я
же здесь, ты же видишь –
это я.

К тому же посмотри на
это иначе: все не так
плохо, вокруг полно баб.

Лесбийский рай,
можно сказать.

Вот что я хотела бы рассказать: Историю о том, как Мойра сбежала – на сей раз удачно. А если я не могу рассказать об этом, я бы хотела поведать, как она взорвала «У Иезавели» с пятьюдесятью Командорами внутри. Я хотела бы, чтоб она погибла как-нибудь зрелищно и дерзко, возмутительно, как ей и пристало. Но, насколько мне известно, ничего такого не случилось. Я не знаю, как она погибла и даже погибла ли вообще, потому что я больше никогда ее не видела.

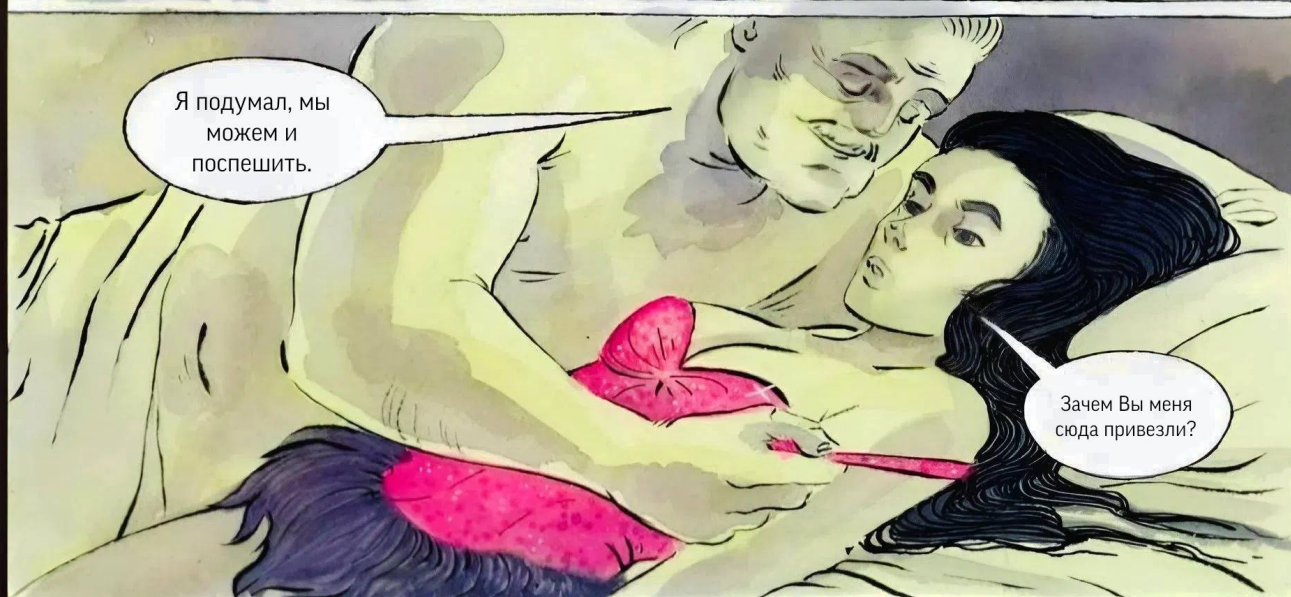

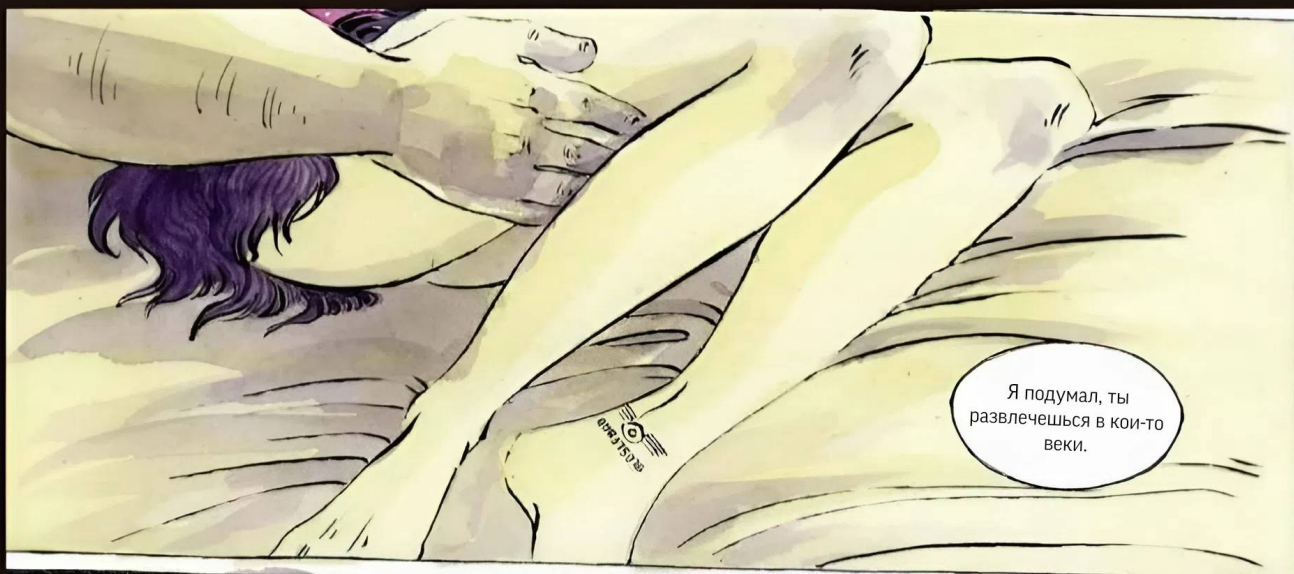
Я твою матушку
видела.

Где?

Не живьем. В том кино про
Колонии. Крупный план, это она
была, не ошибешься. В сером с
ног до головы, но я ее узнала.

Я подумал, ты
развлечешься в кои-то
веки.

Пожалуй, это был
такой эксперимент.

Пожалуй, я
выключу свет.

XIII

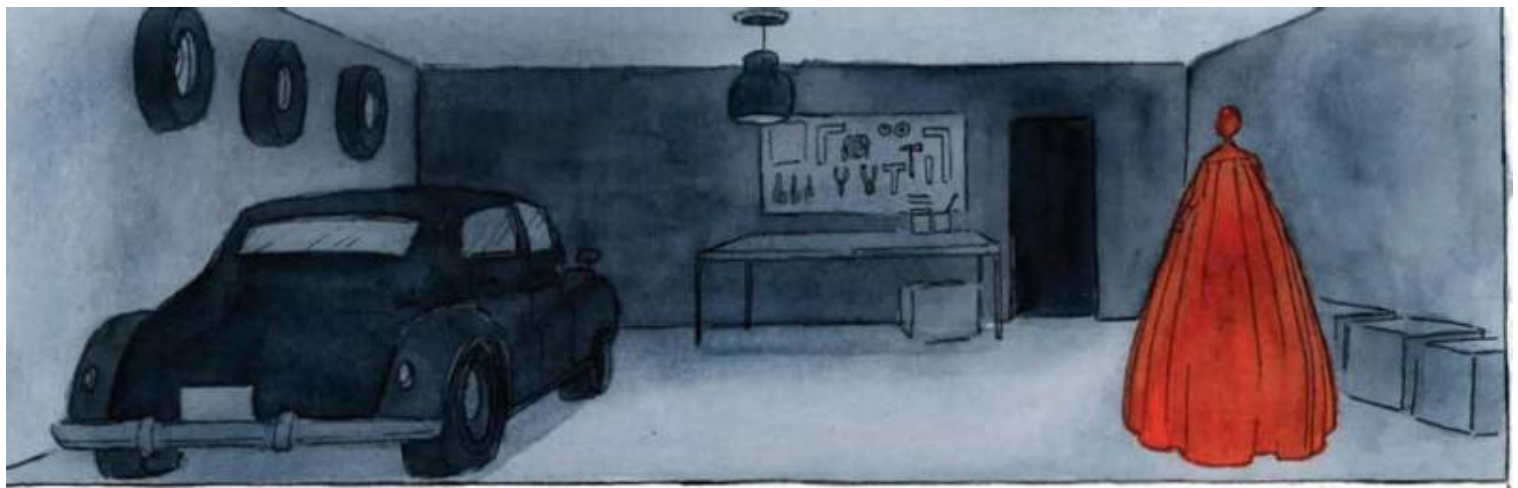
Ночь

Серена приходит в полночь, как и обещала.

Я целиком одета, опять вся в красном, скинула блески, туалетной бумагой стерла помаду. Надеюсь, ничего не видно, надеюсь, от меня не пахнет ею – или им.

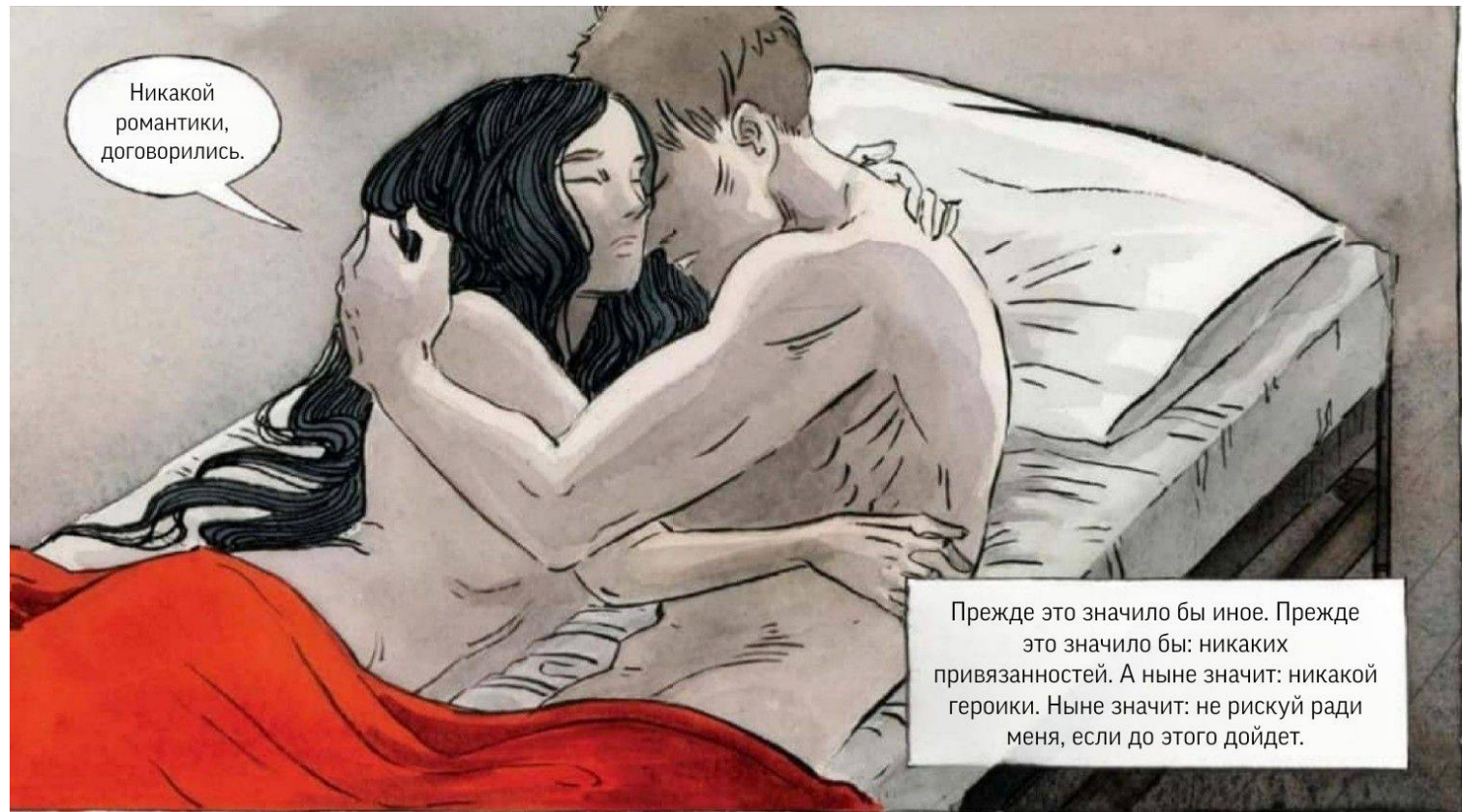

Мы цитируем недавнее кино из прошлых времен. А тогда кино было из времен позапрошлых: такие разговоры вели задолго до нашей эпохи. Даже мама так не разговаривала – ну, при мне. Или может, так вообще никто взаправду не разговаривал, это с самого начала была выдумка. И все-таки удивительно, с какой легкостью вспоминается это избитое и фальшиво оживленное сексуальное перешучивание. Теперь я понимаю, для чего оно, для чего оно было всегда: чтобы суть твоя оставалась недоступна, защищена, закрыта.

Теперь мне грустно, мы говорим бесконечно грустно: увядшая музыка, увядшие бумажные цветы, поношенный атлас, эхо эха. Все исчезло, все невозможно.

Прежде это значило бы иное. Прежде это значило бы: никаких привязанностей. А ныне значит: никакой героики. Ныне значит: не рискуй ради меня, если до этого дойдет.

Вот так оно и течет. Вот так.

После я подумала: это измена.
Хотя... Знай я наверняка, что он умер, изменило бы это что-нибудь?

Избавление

Я бы хотела, чтобы эта история
оказалась иной. Цивилизованнее.

Показала бы меня в лучшем свете – если не
счастливее, то хотя бы активнее, решительнее, и
чтобы я реже отвлекалась на мелочи.

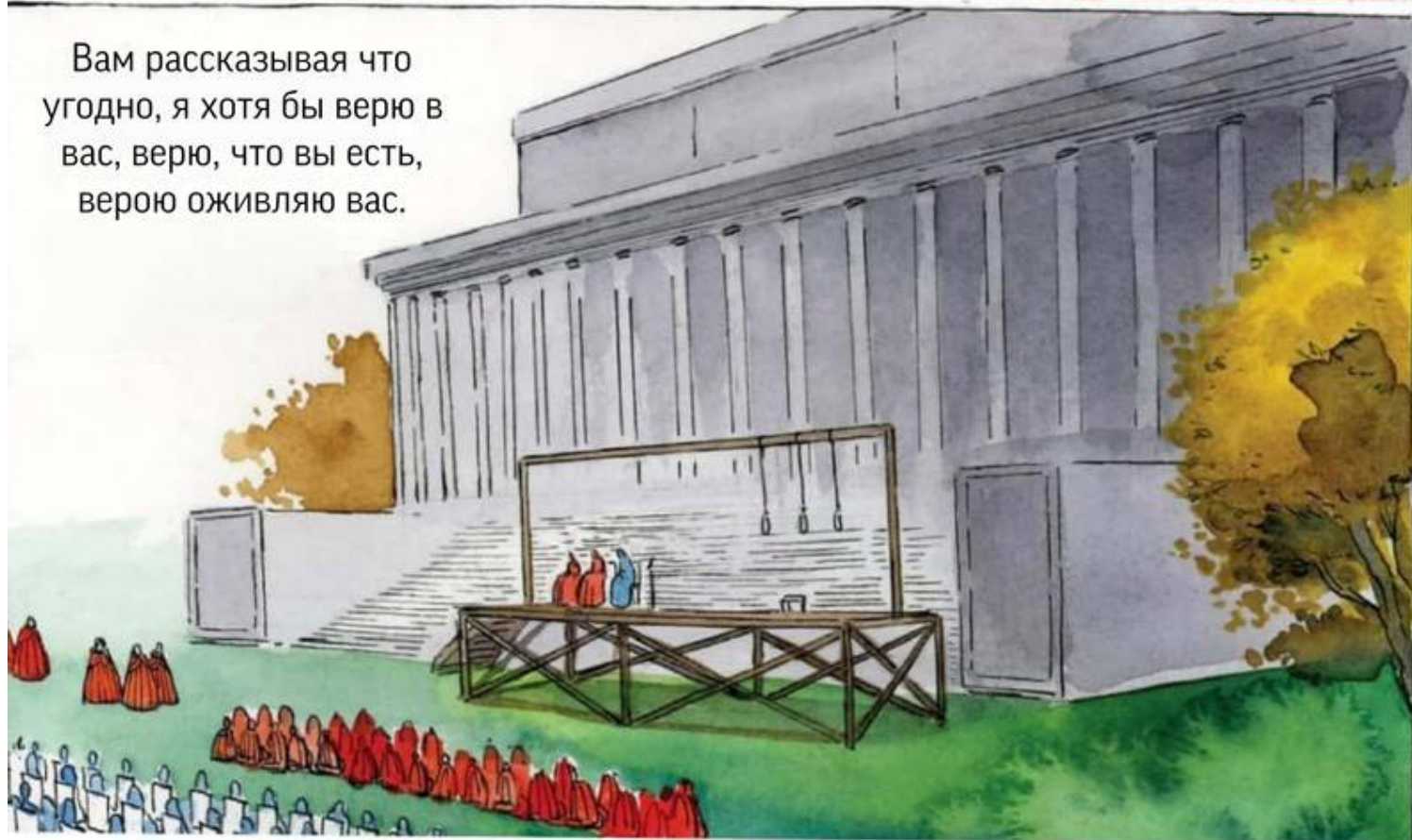
Я бы хотела, чтобы история вышла не такой бесформенной.

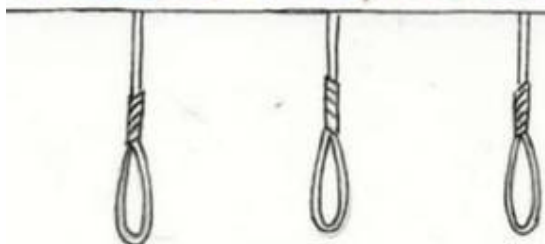
Простите, что в этой истории столько боли.

Простите, что она обрывочна, словно тело, пойманное в перекрестный обстрел или силой разодранное. Я ничего не могу поделать.

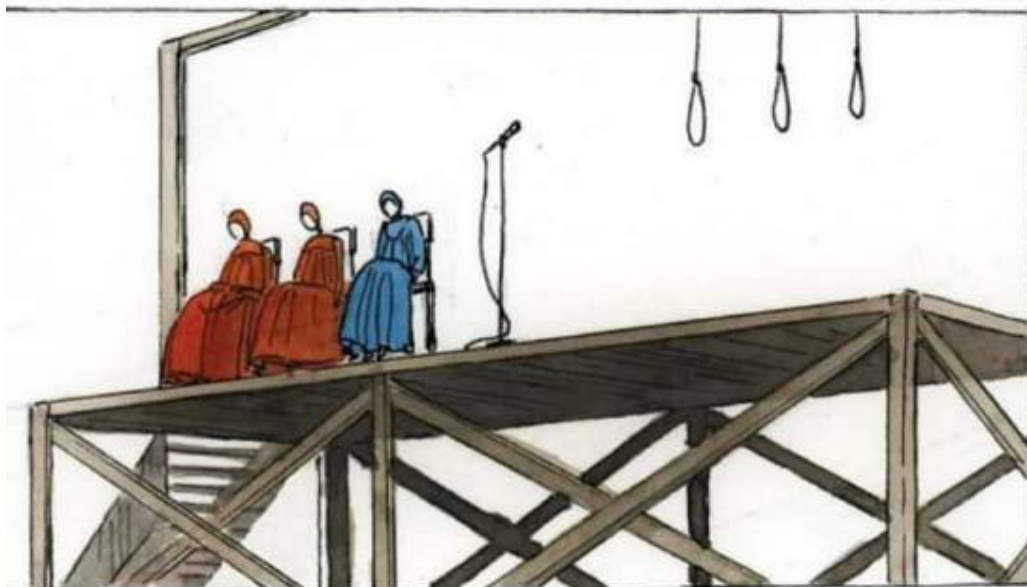

Вам рассказывая что
угодно, я хотя бы верю в
вас, верю, что вы есть,
верю оживляю вас.

Я рассказываю, следовательно,
вы существуете.

Добрый день,
дамы.

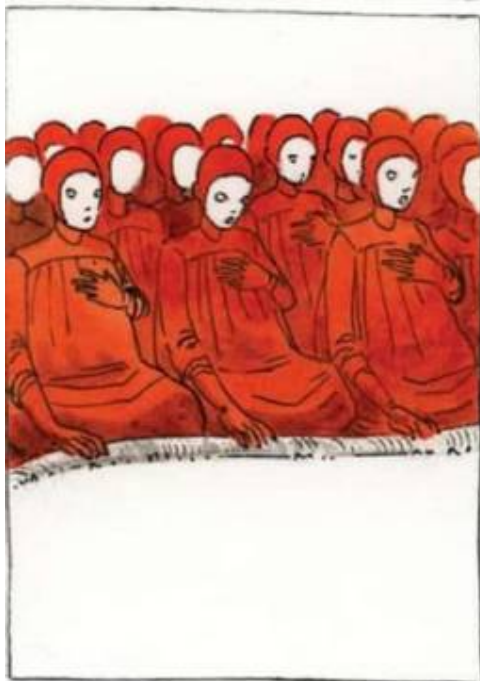

Я уверена, все вы знаете, что за
прискорбные обстоятельства привели
нас сюда в это прекрасное утро, когда, я
уверена, все мы предпочли бы
заниматься чем-нибудь другим.

Я была на Избавлении
всего однажды, два года
назад. Женские
Избавления редки. Нужды
почти нет. Мы теперь
очень хорошо себя ведем.

Я не хочу рассказывать эту
историю.

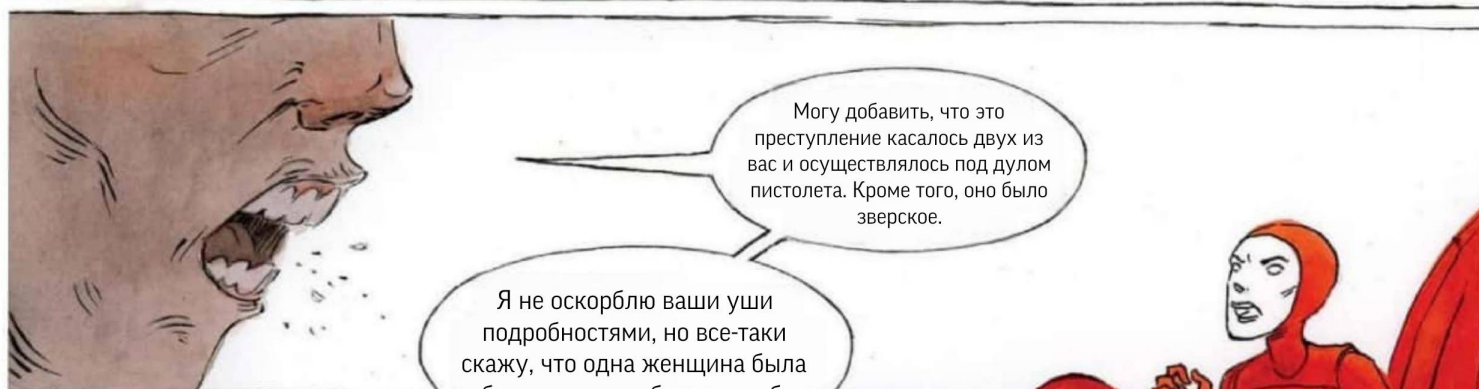

Этот человек признан виновным в изнасиловании.

Когда-то он был Хранителем. Он опозорил свою форму. Он злоупотребил доверием к своей должности

Могу добавить, что это преступление касалось двух из вас и осуществлялось под дулом пистолета. Кроме того, оно было зверское.

Я не оскорблю ваши уши подробностями, но все-таки скажу, что одна женщина была беременна и ребенок погиб.

Такое насилие – это чересчур. Да еще и плод, после всех невзгод.

Я не...

Я невольно стискиваю кулаки.

Я видела, что ты сделала.
Зачем ты это сделала? Ты!
Я думала, ты...

Отвернись.
Они смотрят.

Мне
плевать!

Возьми себя в
руки!

Прекрати пороть чушь. Он
был никакой не насильник,
он был политический. Один
из наших.

Я его вырубила. Спасла
его от мучений. Ты
вообще в курсе, что с
ними делают?

Привет. Как у
вас дела?

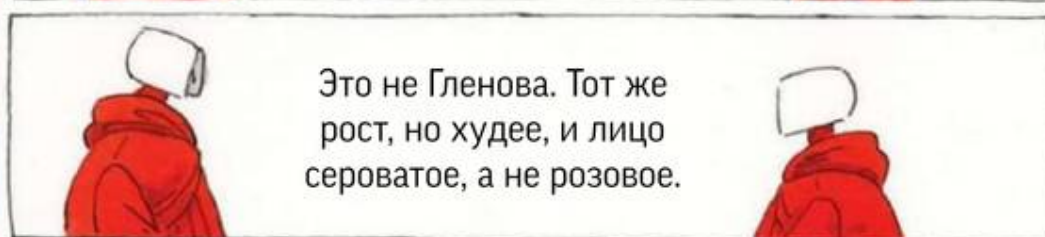
Джанин...

Всего вам
хорошего!

Легко отделалась,
вот что я думаю.

Мне ее даже не жаль, хотя
должно бы. Я злюсь. Я не
горжусь этим и вообще ничем.

Но с другой стороны,
в этом-то все и дело.

Правда? Что-то я не
помню такого выражения.
Странно, что ты помнишь.

Ты лучше постарайся
очистить разум от
таких...отголосков.

Она не одна из нас. Но она знает.

Если Гленову взяли, она может
заговорить, помимо прочего – обо мне.
Она заговорит. У нее не будет выхода.
Но я ничего не делала!

Я просто знала.

Просто не говорила.

Они знают, где мой ребенок. Невыносимо
думать, что они могут сделать.

Или Люк, или мама, или Мойра...

Милый Боженька, не заставляй меня выбирать.
Я признаюсь в любом преступлении, окажусь в
итоге на крюке на Стене.

Пред Его
Очами.

Пред Его
Очами.

Она
повесилась.

После Избавления.
Увидела, что за ней
едет фургон.

Оно и к
лучшему.

Дорогой Боженька, я
сделаю все, что захочешь.

Я сотру себя, если ты на самом деле
этого желаешь; я поистине опустошу
себя, буду сосудом.

Пожертвую.

Раскаюсь.

Отрекись.

Не хочу быть куклой, что
болтается на Стене, стать
бескрылым ангелом не хочу.

Я хочу жить дальше, в
любом виде. Я добровольно
уступаю мое тело ради
чужого блага. Пусть делают
со мной, что хотят. Я
смирилась.

Я впервые ощущаю их
подлинную власть.

Фредова.

Ночь

Быть может, ныне я
жду в последний раз.
Но я не знаю, чего жду.

Я в немилости – это антоним
милости. Из-за этого мне
полагается мучиться.

Но в душе ясно,
покойно, я пропитана
равнодушием.

Не дай ублюдкам тебя доконать. Я
повторяю про себя, но мне это ни о
чем не говорит. С тем же успехом
можно сказать: не дай быть воздуху;
или: не будь.

Очевидно, можно сказать и так.

Позади я ощущаю ее присутствие –
моя предшественница, моя копия.

поворачивается в пустоте под люстрой
в пернатом звездном костюме,

птица, остановленная в полете, женщина,
обращенная в ангела, в ожидании, когда
кто-нибудь ее найдет.

На сей раз - я.

Как могла я верить,
что здесь одинока?

Нас всегда было двое.

Кончай уже, говорит она. Я
устаю от этой мелодрамы,
я устала молчать.

Тебе некого защитить, твоя
жизнь никому не ценна.

Я хочу, чтоб она прекратилась.

Грядет худшее.

Я бездарно потратила время.

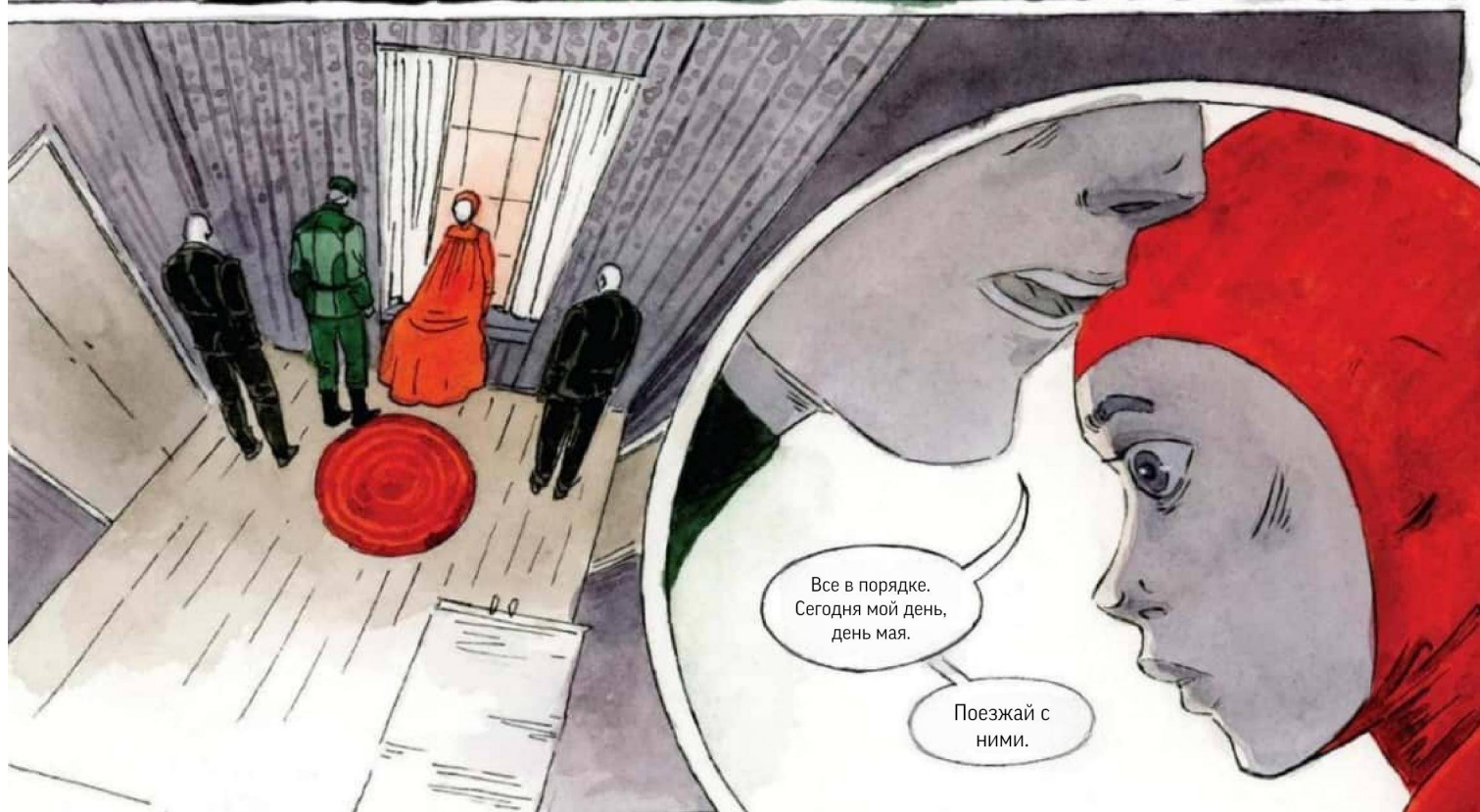
Надо было взять все в
свои руки, пока был шанс.

Был же секатор,
были вязальные
иглы, жизнь полна
оружия, если его
ищешь. Надо
было смотреть
внимательнее. Но
думать об этом
поздно,

Это Ник.

Все в порядке.
Сегодня мой день,
день мая.

Поезжай с
ними.

Почему бы Нику и не знать про мой день? Все Очи наверняка знают; уже выкрутили, выжали, выдавили его из множества тел, из множества ртов.

Что она сделала?!

Я должен посмотреть ваши документы. У вас имеется ордер?

Но я цепляюсь за него, за это предложение. Больше мне ничего не осталось.

Не то чтобы он нам требовался, сэр, но всё как надлежит. Раскрытие государственных тайн.

ТВАРЬ!

После всего, что он сделал для тебя!

Среди них уже проводились
чистки; грядут новые.

Откуда мне знать, конец
ли это или новое начало?

Я отдалась в руки незнакомцев,
ибо тут ничего не поделаешь.

И я шагаю к темноте внутри; или же к свету.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Эта рукопись под названием "Рассказ служанки" – я опасаясь назвать его документом – был извлечен там, где в прошлом находился город Бангор, и где до установления Галаадского режима располагалась территория штата Мэн.

Внутри саквояжа, запечатанного клейкой лентой, какой прежде заклеивали почтовые отправления, лежало около тридцати магнитофонных кассет, устаревших примерно в восьмидесятых или девяностых с появлением компакт-диска. В общем и целом в этом собрании находилось около тридцати кассет с разным соотношением музыки и речи.

Обычно каждая запись начиналась с двух или трех песен – без сомнения, маскировки ради, – а затем вступал голос. Голос женский и, по данным наших специалистов-сонографов, на всех записях идентичный.

У нас не было ни малейшей надежды установить личность рассказчицы доподлинно.

МЕЖДУНАРОДНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
АССОЦИАЦИЯ

ДВЕНАДЦАТОГО
СИМПОЗИУМА ПО
ИСТОРИИ
ГАЛААДА.

«Фредова» также ничего не проясняет, потому что, как и «Гленова» или «Уорренова», это лишь фамилия, составленная из имени джентльмена и притяжательного суффикса. Такие имена принимались этими женщинами при поступлении в дом конкретного Командора и оставались при уходе из этого дома.

Она не сочла возможным сообщить нам свое первоначальное имя – да и все официальные документы должны были быть уничтожены, едва она поступила в Центр переквалификации Рахили и Лии.

Прочие имена в документе равно бесполезны для целей установления и удостоверения личности. «Люк» и «Ник» результата не дали, «Мойра» и «Джанин» – тоже. Высока вероятность, что эти имена все равно были псевдонимами, примененными ради защиты упомянутых индивидов на случай, если кассеты будут обнаружены.

Если бы, считали мы, нам удалось идентифицировать неуловимого «Командора», мы бы продвинулись хоть на сколько-то.

В целом свидетельства склоняются в пользу Уотерфорда. Мы знаем, к примеру, что он погиб – возможно, вскоре после описанных нашим автором событий, – в ходе одной из ранних чисток; его обвинили в либеральных склонностях, в несанкционированном обладании крупным собранием еретических изобразительных и литературных материалов и в укрывательстве подрывного элемента.

Вероятнее всего, подрывным элементом был «Ник», который, очевидно, помог «Фредовой» бежать, что доказывается самим фактом существования наших аудиозаписей.

Что же до участи
нашей рассказчицы,
она остается неясна.

Вывезли ли ее через границу
Галаада, на территорию
бывшей Канады, добралась
ли она оттуда в Англию?

Благополучно ли достигла
наша автор внешнего мира и
зажила ли новой жизнью?

Или ее обнаружили в
чердачном убежище,
арестовали, выслали в
Колонии или к «Иезавели»
или даже казнили?

Наш документ, по-своему
красноречивый, по этому поводу
хранит молчание. Как знает любой
историк, прошлое – великая темь,
что полнится эхом.

Быть может, к нам донесутся оттуда голоса; но
речь их пропитана мраком материнской материи,
из коей они явились; и как бы мы ни старались,
не всегда удастся с точностью их расшифровать
в прояснившемся свете наших дней.

Есть вопросы?